

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

на правах рукописи

Желобов Дмитрий Евгеньевич

**ГОСУДАРСТВА ТАРИМСКОЙ ВПАДИНЫ во 2 пол. IX –
нач. XII вв.: ПОЛИТИЧЕСКОЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

Специальность 07.00.03 — Всеобщая история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

научный руководитель:

доктор исторических наук

доцент

Нестеров Александр Геннадьевич

Екатеринбург – 2017

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Формирование трех государств Таримской впадины (Гаочан-Уйгурского государства, Хотанского государства и Караханидского каганата) в 1 пол. IX – 2 пол. X вв.....	35
§ 1. Распад Уйгурского каганата: ход и результаты.....	35
§ 2. Борьба между буддийской и манихейской общинами в Гаочан-Уйгурском государстве.....	44
§ 3. Хотан после распада Тибетской державы: особенности хотанской буддийской теократии.....	73
§ 4. Исламизация Караханидского каганата.....	92
Глава 2. Государства Таримской впадины во 2 пол. X – 1 пол. XI вв.: расцвет и религиозные войны.....	108
§ 1. Хотано-караханидская религиозная война (960–1006 гг.).....	108
§ 2. Религиозно-политический аспект караханидского завоевания Мавераннахра.....	122
§ 3. Гаочан-Уйгурское государство в период расцвета.....	125
Глава 3. Государства Таримской впадины в 1 пол. XI – нач. XII вв.: последний этап независимого существования.....	145
§ 1. Религиозно-политические процессы в Восточном и Западном карахидских каганатах до киданьского завоевания.....	145
§ 2. Гаочан-Уйгурское государство в противостоянии Караханидам.....	156
Заключение.....	168
Список литературы.....	173

Введение

Актуальность темы исследования

Таримская впадина (бассейн реки Тарим) – уникальный регион мира, как в географическом, так и в историческом измерении. Территория, огражденная горами Тянь-Шань с севера и Кунь-Лунь – с юга, с одной из самых больших песчаных пустынь мира – Такламакан – в центре, географический центр, «сердце» Азии. Территория, находящаяся на стыке крупнейших культур человечества с древнейшей историей – Китайской, Мусульманской и Индийской. В историческом измерении Таримская впадина – постоянный объект культурного и политического соперничества на протяжении тысячелетий могучих империй, представлявших разные культуры. Но Таримская впадина одновременно – территория, через которую осуществлялось межкультурное взаимодействие, проходил Великий Шелковый путь, по которому постоянно осуществлялось движение товаров, людей, идей.

В современном мире, в условиях глобализации, особенно актуальным становится изучение межкультурного взаимодействия. В то же время, в современном мире существуют транснациональные бизнес-структуры, активно происходит трансграничное и трансцивилизационное распространение религиозных систем. Если искать исторические параллели текущей ситуации, то они могут быть найдены прежде всего в регионе Великого шелкового пути, который еще в начале н.э. силой исторических процессов был вырван из натурального хозяйства, став территорией своеобразной архаичной «глобализации». Это придает теме данного исследования дополнительную актуальность.

В свете активной реализации проектов нового Шелкового пути, осуществляемых различными участниками мировой политики, прежде всего, КНР и США, нельзя не уделить внимания процессу формирования и развития

исторического Шелкового пути. И не исключено, что в условиях возрождения трансконтинентальных торговых трасс, на регион Таримской впадины, и шире Центральной Азии, будут действовать те же факторы, которые действовали в истории. Не может ли произойти в новых условиях и с новыми деталями в определенном смысле повторения того пути развития, который регион прошел за 1700 лет, с ханьской экспансии, породившей Великий Шелковый путь до Великих географических открытий, после которых он потерял свое значение? В этом аспекте данная тема имеет также определенный прогностический смысл.

Степень разработанности темы исследования

Изучение истории Таримской впадины, как и всей Центральной Азии началось в Европе в XVIII в., после того, как в распоряжении европейских ученых оказались переводы на французский язык китайских исторических сочинений, выполненные миссионерами-иезуитами. Уже в классическом многотомном труде профессора Сорбонны Жозефа де Гиня (1721–1800 гг.) «Общая история хуннов, тюрков, монголов и других западных татар»¹ есть небольшой раздел, в котором говорится о распаде Уйгурского каганата, излагается история Пугу Цзюня и приводятся сведения о борьбе между Караханидами (которых автор уже связывает с уйгурами) и Саманидами².

Располагая одновременно наработками ордена иезуитов и мощной государственной поддержкой, французская синологическая школа стала первой в Европе. Протестантская Англия была вынуждена плестись в хвосте французских достижений, а немецкие университеты просто не располагали достаточным фондом восточных текстов³. Неудивительно, что автором первой

¹ Guignes J. de. Histoire générale des huns, des turcs, des mogols, et des autres tartares occidentaux. P., 1756–1758. 3 v.

² Guignes J. de. Histoire générale des huns, des turcs, des mogols, et des autres tartares occidentaux. P., 1756–1758. V. 2. P. 27–32.

³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 315.

европейской истории Хотана¹ стал именно французский ученый — Жан-Пьер Абель-Ремюза, директор Коллеж де Франс, один из основоположников современного китаеведения.

Учеником Абель-Ремюза и его преемником на посту директора Коллеж де Франс был другой классик французской синологии — Станислас Жюльен. Он стал автором первого европейского перевода важнейшего источника по истории Гаочан-Уйгурского государства исследуемого периода — дорожника сунского посла Ван Яньдэ².

Близость азиатских территорий Российской империи к Таримской впадине, а также значительные возможности централизованного государства в сфере координации научных исследований обусловили огромную роль, которую сыграли отечественные исследователи в изучении региона. В России оно началось в первой трети XIX в. в Санкт-Петербурге, где на факультете восточных языков Санкт-Петербургского Императорского Университета и в Азиатском музее Академии наук были собраны богатые коллекции восточных рукописей и монет.

Огромное значение также имели работы классика российского востоковедения – Н.Я. Бичурина (в монашестве – о. Иакинфа). Его переводы китайских источников³ стали российским эквивалентом трудов сразу нескольких поколений европейских исследователей и на много десятилетий вперед заложили фундамент для успешного развития российских исследований Центральной Азии.

¹ Abel-Rémusat J. P. Histoire de la ville de Khotan, tirée des annales de la Chine et traduite du chinois suivie de Recherches sur la substance minérale appelée par les Chinois pierre de Iu, et sur le jaspé des anciens. P., 1820. 239 p.

² Julien S. Notices sur les pays et les peuples étrangers, tirées des géographies et des annales chinoises. III: Les Ouigours. 1. Kao-tch'ang-hing-ki // Journal Asiatique. 1847. 4 s. IX. P. 50–66.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.–Л., 1950. 2 т.

В 1860-х гг. Русское географическое общество издает труд немецкого ученого К. Риттера «Землеведение Азии» в переводе профессора В. В. Григорьева (1816—1881), снабдившего издание обширными критическими примечаниями и ценными дополнениями. Вышедший в 1869 г. второй том («Восточный, или Китайский Туркестан») содержал первую часть описания Кашгарии и Джунгарии. Вторая часть описания, заключающая в себе историко-географический обзор Кашгарии и Джунгарии с древнейших времен до второй половины XIX в., целиком состояла из примечаний и дополнений В. В. Григорьева, и была выпущена в 1873 г.¹

В. В. Григорьев проделал исключительно большой труд, сведя воедино все доступные ему сведения по истории, этнографии и географии Таримской впадины и Джунгарии с древнейших времен до 70-х годов XIX столетия. Работа Григорьева, несмотря на устарелость определенных данных, остается классической работой по истории Таримской впадины, и одним из немногих исследований, наиболее полно раскрывающих историю этого региона. В.В. Бартольд дал очень высокую оценку труду Григорьева о Восточном Туркестане: «Многие из взглядов, высказанных в этой книге, уже не соответствуют современному состоянию науки, но, как свод исторических данных о Восточном Туркестане, труд проф. Григорьева сохраняет свое значение и теперь; до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой»².

Несмотря на ту важность, которую имели для изучения истории Таримской впадины труды кабинетных ученых, настоящий переворот в исследованиях региона был сделан благодаря европейским и российским путешественникам. Путешественники собрали богатейший, до сих пор в

¹ Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан. СПб., 1873. 527 с.

² Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и в России // Сочинения. Т. IX. Ч. 2. М., 1964. С. 461–462.

должной степени неоцененный фольклорный материал и сделали важнейшие археологические открытия.

Следуя направлению геополитической экспансии Британской империи, Таримскую впадину посетил целый ряд английских экспедиций. В 1868–1869 гг. Яркенд и Кашгар впервые посетил Роберт Шоу, чайный плантатор из Британской Индии. В 1870 г. он совершил повторное путешествие, уже в составе официальной дипломатической миссии Томаса Форсайта. Шоу оставил описание своего путешествия и выполненный на очень хорошем уровне очерк грамматики тюркского языка населения Таримской впадины, в котором в качестве примера впервые передал тазкире о Сатук Бугра-хане¹. В 1873 г. вторую миссию Форсайта сопровождал д-р Генри Белью, который стал автором очерка истории Таримской впадины в отчете экспедиции². Несмотря на то, что очерк был охарактеризован В.В. Бартольдом как «не имеющий никаких научных достоинств»³, в нем нашел отражение богатый фольклорный материал, собранный автором, а некоторые события, например, Хотано-караханидская война, описаны с достаточной полнотой и точностью. Д-р Белью также оставил подробное описание экспедиции⁴.

В 1890 г. в местечке Шах-яр под Кучей британский офицер Боуэр обнаружил санскритскую рукопись на березовой коре. С этого началась целая серия открытий, имевших огромное научное значение. В истории Таримской впадины обнаружилась целая эпоха, о которой ранее имелись лишь

¹ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 87–107.

² Report of a Mission to Yarkund in 1873 under Command of Sir T. D. Forsyth with Historical and Geographical Information Regarding the Possessions of the Ameer of Yarkund. Calcutta, 1875. P. 106 – 213.

³ Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения. Т. IX. М., 1977. С. 333.

⁴ Bellew H. W. Kashmir and Kashghar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–1874. L., 1875. 419 p.

отрывочные сведения китайских, и в меньшей степени, мусульманских источников.

Выяснилось, что регион, известный как Восточный Туркестан, подвергся существенной тюркизации лишь к VIII в. на севере, а на юге даже к X в., а до этого был населен народами иного происхождения. Были обнаружены ранее неизвестные литературные языки: два варианта тохарского и хотано-сакский. Сухой климат Таримской впадины способствовал сохранению исторических документов, поэтому в регионе были найдены религиозные тексты буддизма и манихейства, давно исчезнувшие в местах происхождения этих религий.

Богатейшие археологические находки в Таримской впадине вызвали интерес исследователей множества стран. Эти находки, а также все возрастающее геополитическое значение региона вызвали серию германских (Лекок и Грюнведель) и японских (граф Отани) экспедиций, на материале которых стартовало успешное развитие научных школ исследователей Таримской впадины в соответствующих странах. Археологические экспедиции в Таримскую впадину также открыли новые возможности для французских исследователей. Над обработкой археологических материалов плодотворно работали Эдуард Шаванн и его ученик Поль Пеллио.

Прорывные открытия в Таримской впадине привели к образованию в 1903 г. на XIII съезде ориенталистов в Гамбурге «Международного Союза для изучения Средней и Восточной Азии», центральный комитет которого учреждался в Петербурге. Этот центральный комитет, известный как «Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении», способствовал координации отечественных востоковедов с государственными структурами и профинансировал множество экспедиций, имевших большое научное

значение¹. Он функционировал до 1918 г., во главе стояли В. В. Радлов, затем — С. Ф. Ольденбург, секретарем был В. В. Бартольд.

Академик В. В. Бартольд (1869 – 1930), выдающийся российский и советский востоковед, арабист, исламовед, историк, филолог, академик Санкт-Петербургской Академии Наук, чьи многочисленные труды, охватывающие почти все области центрально-азиатских исследований, сформировали петербургскую школу туркестанистики в неразрывной связи с иранистикой и тюркологией, сделал очень много для изучения истории Таримской впадины. Уже в своей диссертации «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (1898—1900)², за которую ему была присуждена степень доктора истории Востока, он подробно рассмотрел политическую и социальную историю Караханидов. Хотя работа основывается почти исключительно на материале Мавераннахра, значительная часть выводов Бартольда легко прилагается и к восточным владениям Караханидов. Бартольдом были детально проработаны все доступные на тот момент арабо-персидские источники по истории Центральной Азии. Не менее интересны статьи Бартольда по частным вопросам истории Таримской впадины³. Ряд работ В. В. Бартольда также содержит много ценных сведений по истории Таримской впадины. Прекрасное знание широкого круга источников давало ему возможность

¹ Бартольд В. В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении 1903–1909 гг // Сочинения. Т. IX. М., 1963. С. 503–509.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 4–585.

³ Бартольд В. В. Богра-хан // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 506–509. Бартольд В. В. Бурхан // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 515–519. Бартольд В. В. Илек-ханы // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 519–521. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 265–303; Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 419–425. Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 365–369.

сделать убедительные выводы по многим вопросам исторического прошлого Таримской впадины.

Особое место в истории изучения Центральной Азии занял Г. Е. Грум-Гржимайло (1860–1936 гг.), который был одновременно и путешественником и ученым-теоретиком. Как и В. В. Григорьев, он свел данные разных авторов, проанализировал их, дополнил личными наблюдениями, полученными при осмотре археологических памятников, и изложил политическую историю народов, населявших Центральную Азию. За 25 лет он создал сводную работу «Западная Монголия и Урянхайский край»¹. Это сочинение стало настольной книгой для всех историков Азии, причем необходимо отметить оригинальный подход автора к материалу. До тех пор историей Востока занимались филологи-ориенталисты, переводившие восточных авторов. Заслуга их перед наукой велика, но это только один аспект изучения, и им не исчерпывается все многообразие наблюдаемых явлений. Г. Е. Грум-Гржимайло взглянул на историю глазами географа. Используя свой личный опыт, накопленный в путешествиях, он нашел соответствия между сведениями, почерпнутыми из летописей, и природой соответствующих местностей. Трудности, пережитые Грум-Гржимайло в горах и пустынях, дали ему возможность представить себе, как вписывались исторические события в ландшафт, и потому ему удалось сделать много блестящих историко-географических открытий, как, например, установить местонахождение города Бешбалик. Сам Г. Е. Грум-Гржимайло по поводу этого открытия писал: «Открытие правильного местоположения Бишбалька равносильно возвращению Парижа на берега Сены, скажем из Марсея, куда его в течение многих лет перемещали ученые всего света. Сколько темных мест в истории и географии разъяснилось»².

Поступление письменных памятников из Центральной Азии пробудило к ним живой интерес у многих ученых. В России публикацию документов

¹ Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Л., 1926. 3 т.

² Грум-Гржимайло А. Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грум-Гржимайло. М., 1947. С. 45.

начал известный российский тюрколог немецкого происхождения В. В. Радлов, издав в 1899 г. два документа¹. Последующие публикации выдвинули Радлова в число ведущих исследователей текстов из Таримской впадины. Среди опубликованных Радловым памятников – «Кутадгу Билиг»² (им также был выполнен перевод на немецкий язык) и «Сутра золотого блеска»³. В своих исторических исследованиях В. В. Радлов уделял главное внимание изучению тюркских и ближневосточных источников.

Еще в самом конце XIX в. Д. Позднеев, обучавшийся в то время на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета написал работу под названием «Исторический очерк уйгуров»⁴, в которой дал перевод китайских источников по данной тематике. В первой части своей книги Д. Позднеев подробно рассматривает вышедшую литературу по уйгурскому вопросу. В изучении истории Таримской впадины после выхода в свет работ В. В. Радлова и Д. М. Позднеева наступил продолжительный перерыв, который можно назвать периодом накопления новых фактических материалов.

В. В. Радлов не только сам занимался чтением и переводом, но одновременно привил интерес к документам своим ученикам, одним из которых был С. Е. Малов, продолжавший публикацию и перевод документов и других памятников уйгурской культуры. С. Е. Малов, посетивший Таримскую впадину с целью изучения языка и быта уйгуров, привез значительное число памятников различного характера. Он собрал богатый материал по фольклору и этнографии, сделал музыкальные записи, а также приобрёл драгоценные древние рукописи, в том числе самое важное

¹ Там же. С. 12

² Кононов А. Н. Поэма Ю. Баласагунского «благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. С. 514–515.

³ Радлов В. В., Малов С. Е. *Suvarnaprabhasa* (Сутра золотого блеска). *Bibliotheca Buddhica*. Т. 17. В. 7–8. Петроград, 1917. С. 577–721.

⁴ Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899. 153 с.

произведение средневековой уйгурской буддийской литературы – уйгурскую рукопись «Сутры золотого блеска», впоследствии опубликованные в соавторстве с Радловым¹.

Заслуги В. В. Радлова и С. Е. Малова в изучении документов Таримской впадины исключительно велики. Первое большое издание текстов с переводами на немецкий язык, обширными комментариями и словарем, вышедшее в 1928 г., представляет большой интерес для историков. С. Е. Малов после этого продолжал публиковать документы с переводами на русский язык. Им издавались с более точным чтением и переводом не только те документы, которые уже публиковались ранее, но и новые, собранные им самим и С. Ф. Ольденбургом. В своей работе «Памятники древнетюркской письменности»² С. Е. Малов наметил широкую программу, чтобы показать историю развития письменности тюркских языков. Юридическим документам он посвятил специальный раздел. С каждой новой работой С. Е. Малова количество изданных документов возрастало. Являясь крупнейшим знатоком в области истории тюркских языков, С. Е. Малов дал комментарий на широком языковом материале. Эта же особенность характеризует публикуемый в его книге словарь. Новый словарь значительно полнее изданного в 1928 г., хорошая документация дает возможность в случае необходимости обратиться непосредственно к памятнику.

В начале XX в. наступил определенный перерыв в изучении истории Таримской впадины — на эту тему почти исчезли публикации. Такая ситуация явилась результатом недостаточной изученности имеющихся документов, а также острой нехватки свежих материалов. Требовалось включение в научный оборот новых источников, которыми стали пополняться библиотеки ведущих востоковедческих центров мира.

¹ Радлов В. В., Малов С. Е. *Suvarnaprabhasa* (Сутра золотого блеска). *Bibliotheca Buddhica*. T. 17. В. 7–8. Петроград, 1917. С. 577–721.

² Малов С.Е. *Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования*. М.–Л., 1951. 451 с.

Потребовалось немало времени для того, чтобы разобраться в центральноазиатских материалах, изучить их и частично опубликовать. Только после осуществления этой работы появилась возможность вновь вернуться к истории Таримской впадины.

Начало нового этапа в развитии исследований Таримской впадины связано с именами японских и китайских исследователей. Наряду с широким использованием китайских первоисточников, эти ученые стали широко привлекать западные источники и труды европейских ученых. Этот период в изучении истории Таримской впадины в Европе начался только в середине XX в.

Вплоть до нач. XX в. китайская историческая наука оставалась в рамках средневековых представлений об истории с характерно некритическим отношением к источникам. Историки не владели европейскими методиками, языками и не знали о существовании мусульманских источников, дополняющих китайские. Лишь в 1910-е гг. появляются исторические работы, использующие труды европейских и японских ученых. В 30-е гг. в страну возвращаются китайцы-выпускники американских, европейских и японских университетов, владеющие арабским и персидским языками.

Крупнейшим китайским исследователем истории Таримской впадины в 1930-е гг. стал Ван Живэй, его работы касались различных проблем истории уйгуров Гаочана и Караханидского каганата¹. В 1940-е гг. в китайской

¹ 王日蔚。葱岭西回鹘考//禹贡。1935。第4卷(第5期)。第8-10页。Ван Живэй。Цунлин си хуэйху као // Юйгун。1935。Т. 4 (№ 5)。С. 8-10。王日蔚。伊斯兰教入新疆考//禹贡。1935。第4卷(第2期)。第1-11页。Ван Живэй。Исыляньцзяо жу Синьцзян као // Юйгун。1935。Т. 4 (№ 2)。С. 1-11。王日蔚。契丹与回鹘关系考//禹贡。1935。第4卷(第8期)。第631-639页。Ван Живэй。Цидань юй хуэйху гуаньси као // Юйгун。1935。Т. 4 (№ 8)。С. 631-639。王日蔚。与陈援庵先生论回纥回回等名称//禹贡。1935。第4卷(第10期)。第631-639页。Ван Живэй。Юй Чэнь Юаньань сяньшэн лунь хуэйху, хуэйхуэй дэн минчэн // Юйгун。1935。Т. 4 (№ 10)。С. 631-639。王日蔚。回教回族辨//禹贡。1936。第5卷(第11期)。第41-48页。Ван Живэй。Хуэйцзяо хуэйцзу бянь // Юйгун。1936。Т. 5 (№ 11)。С. 41-48。王日蔚。维吾尔(缠回)民族名称变迁考//禹贡。1937。第7卷(第4期)。第443-461页。Ван Живэй。Вэйуэр(чаньхуэй) миньцзу минчэн бяньцян као // Юйгун。

историографии окончательно формируется представление о том, что кочевые уйгуры появляются на территории Таримской впадины только во второй пол. IX в.¹

К сожалению, уже в 30-е гг. исследования истории Таримской впадины китайскими учеными оказались под воздействием мощного социально-политического заказа, который заключался в закреплении «исторических прав» Китая на Синьцзян, и включал в себя три задачи: во-первых, доказать изначальное и непрерывное присутствие ханьцев в регионе и наличие непрерывных исторических связей между государствами региона и китайскими государствами Центральной равнины; во-вторых, доказать отсутствие связей региона с кочевыми уйгурами до их массового переселения в Таримскую впадину во второй пол. IX в.; в-третьих, доказать происхождение Караханидского каганата от кочевых уйгуров, тем самым также связав его с историческим Китаем. Решение данных идеологизированных задач так или иначе присутствует в работах почти всех исследователей Китайской республики, а затем и КНР, что явно не способствует объективности рассмотрения исторического материала.

После окончания в Китае гражданской войны на Тайване китайскими учеными, отступивших на остров вместе с силами Гоминьдана, создается собственная историография Таримской впадины, во многом альтернативная

1937. Т. 7 (№ 4). С. 443–461. 王日蔚。唐后回鹘考//國立北平研究院史學集刊。1936。第 1 期。19 – 69 页。Ван Живэй。唐后回鹘考 // Голи Бэйпин яньцзююань шисюэ цзигань。1936。Т. 1。С. 19–69。王日蔚。丁零民族考//國立北平研究院史學集刊。1936。第 2 期。8 – 79 页。Ван Живэй。丁零民族考 // Голи Бэйпин яньцзююань шисюэ цзигань。1936。Т. 2。С. 8–79。

¹ 李符桐。回鹘西迁以来盛衰考//东北集刊。1941。第 1 – 2 期。Ли Футун。回鹘西迁以来盛衰考 // Дунбэй цзигань。1941。№ 1–2。

континентальной. На Тайване продолжал плодотворную работу Ли Футун¹, вели свои исследования такие ученые, как Лю Итан² и Би Чжанпу³.

В первые годы существования КНР исследования истории Таримской впадины в континентальной части Китая активно продолжались. Особенно следует отметить работы таких ученых как Го Индэ⁴, Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь⁵.

«Культурная революция» (1966–1977) нанесла огромный урон как китайской исторической науке в целом, так и исследованиям истории Таримской впадины в частности. Лишь в кон. 1970-х стали появляться новые публикации по истории Таримской впадины⁶.

С 1980-х количество работ по истории Таримской впадины возрастает быстрыми темпами. По вопросам истории Таримской впадины издаются новые фундаментальные труды⁷. Важнейшие результаты исследований

¹ 李符桐。回鶻史。臺北，1963。197 頁。Ли Футун。Хуэйху ши。Тайбэй，1963。197 с。

² 劉義棠。中國邊疆民族史。臺北，1971。793 頁。Лю Итан。Чжунго бяньцзын миньцзу ши。Тайбэй，1971。793 с。劉義棠。維吾爾研究。臺北，1975。584 頁。Лю Итан。Вэйуэр яньцзю。Тайбэй，1975。584 с。劉義棠。突回研究。臺北，1990。870 頁。Лю Итан。Тухуэй яньцзю。Тайбэй，1990。870 с。

³ 畢長樸。回紇與維吾爾。臺北，1986。356 頁。Би Чжанпу。Хуэйху юй вэйуэр。Тайбэй，1986。356 с。

⁴ 郭应德。维吾尔史略。上海，1952。138 頁。Го Индэ。Вэйуэр шилуэ。Шанхай，1952。138 с。

⁵ 冯家升、程溯洛、穆广文。维吾尔族史料简编。北京，1981。上、下册。Фэн Цзяшэн，Чэн Суло，Му Гуанвэнь。Вэйуэрцзу ши шилуэ цзяньбянь。Бэйцзин，1981。2 т。

⁶ 邢友德、周泮池。略论回纥。// 河北师院学报，1979。第4期。30 - 36 页。Син Юдэ，Чжоу Паньчи。Люэлунь хуэйху。// Хэбэй шиюань сюэбао，1979。№ 4。С. 30–36。

⁷ Напр. 魏良弢。喀喇汗王朝史稿。乌鲁木齐，1986。249 頁。Вэй Лянтао。Халахань ванчао шигао。Улумуци，1986。249 с。田卫疆。高唱回鶻史稿。乌鲁木齐，2006。232 頁。Тянь Вэйцзян。Гаочан хуэйху шигао。Улумуци，2006。232 с。张广大，荣新江。于阗史丛考。上海，1993。356 頁。Чжан Гуанда，Жун Синьцзян。Юйтянь ши цункао。Шанхай，1993。356 с。

регулярно публикуются в «Центральноазиатском научном издании», «Исследованиях Западного края» (Урумчи) и «Исследованиях национальных меньшинств Северо-Запада» (Ланьчжоу)¹. Можно сказать, что несмотря на характерные для нее недостатки, китайская школа исследований Таримской впадины окончательно вышла на мировой уровень.

Для советской исторической науки, основой которой был марксизм, совершенно естественным было внимание к социально-экономическому аспекту истории. Важнейшим источником по социально-экономической истории Таримской впадины всегда были сохранившиеся там в большом количестве хозяйственные документы. Однако до революции историки не использовали эти документы при изучении социальной средневековой истории. Хотя документы стали доступны ученым с конца XIX в., лишь в 1940 г. А. Н. Бернштам напечатал статью, в которой рассматривал их как исторический источник, а в 1950 г. А. К. Кибиров опубликовал автореферат кандидатской диссертации, посвященной социально-экономическому строю уйгуров в XIII—XIV вв., и статью о рабстве у уйгуров. А. К. Кибиров первый использовал уйгурские документы в качестве основы своей работы, но он ограничил хронологические рамки написания их XIII—XIV вв., хотя некоторые документы могут быть отнесены к более раннему времени².

Продолжалось и изучение письменных источников. В 1947 г. А. Ю. Якубовский опубликовал большую статью³ об Уйгурском государстве в Турфане, посвященную сравнительному изучению отчета китайского посла Ван Яньдэ и сообщений арабских и персидских историков. В 1966 г. была опубликована монография Д. И. Тихонова, посвященная изучению

¹ «中亚学刊», «西域研究», «西北民族研究». «Чжунъя сюэгань», «Сиюй яньцзю», «Сибэй миьнцзу яньцзю».

² Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X—XIV вв. С. 13.

³ Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об уйгурско-турфанском княжестве в IX—X вв // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Т. 4. Л., 1947. С. 423–443.

хозяйственного и общественного строя Уйгурского государства в Турфане¹. В этой книге очень подробно говорится о занятиях жителей и положении зависимого населения.

Новосибирский ученый А. Г. Малявкин на основе тщательного изучения оригинальных текстов создал ряд важнейших работ² по истории Таримской впадины в Танскую эпоху и после переселения в Турфан уйгуров. До него обращение к китайским источникам среди исследователей государств Таримской впадины зачастую сводилось к использованию классического, но объективно устаревшего и отнюдь не полного, перевода Бичурина, или западных, тоже достаточно искаженных, переложений этих же текстов. Малявкин не только использовал оригинальные тексты, но и подготовил подборку и перевод китайских источников по истории уйгуров до и после их переселения в Турфан.

Один из известнейших отечественных тюркологов, С.Г. Кляшторный также уделил в своих работах³ большое внимание проблемам истории Таримской впадины. Изучение кочевников Великой Степи в его работах органично переходит в исследование процесса оседания кочевников в Мавераннахре и Таримской впадине. Его интерес равным образом простирался на Караханидов и на оседлых уйгуров Турфана.

С 1988 по 2000 гг. выходила серия коллективных монографий по различным аспектам истории Таримской впадины в древности и средневековье по IX–XI вв. н.э. Серия получила название «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье». Первая книга серии была

¹ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. 304 с.

² Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. 210 с.
Малявкин А. Г. Уйгурские государства IX–XII вв. Новосибирск, 1983. 297 с.

³ Кляшторный С. Г. Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2000. 307 с. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

посвящена историческим событиям данного периода¹, вторая – этнографическим и религиозным вопросам², третья – экономике и материальным памятникам³, четвертая – искусству этой эпохи⁴. Несмотря на то, что серия в значительной степени содержит исследования по истории Таримской впадины в древности, некоторые ее разделы, особенно касающиеся истории Хотана, включают в себя важнейший материал для изучения истории Таримской впадины на рубеже тысячелетий. Серия отражает самые современные наработки по вопросам истории Таримской впадины в российской, а также в международной историографии. К сожалению, серия не избежала повторений, хронологических белых пятен, противоречий, неизбежно присущих аспектному изложению, тем более что серия создавалась коллективом авторов. Изучаемый нами период, в силу своих хронологических рамок (Древность и Раннее Средневековье), она затрагивает лишь фрагментарно.

Недостаток письменных источников по истории Караханидов привел к концентрации внимания исследователей на караханидской нумизматике. С помощью нумизматики удалось реконструировать многие социальные и политические процессы в Караханидском каганате. Над проблемами нумизматической истории Караханидов работала Е.А. Давидович⁵. Задачу охватить весь караханидский нумизматический материал с целью проведения

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. 455 с.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. 684 с.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура. М., 1995. 520 с.

⁴ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура, искусство, костюм. М., 2000. 583 с.

⁵ См. напр. Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. 1968. № 1. С. 67–76.

масштабной реконструкции политической истории Караханидов взял на себя М. Н. Федоров. Положения Федорова были подвергнуты критике Б.Д. Кочневым, который в серии статей и в итоговой монографии осуществил попытку собственной реконструкции истории Караханидского каганата¹.

Цели и задачи исследования

Целью диссертационного исследования является комплексное описание религиозно-политических взаимоотношений, а также выявление общих закономерностей в религиозно-политическом развитии трех государств Таримской впадины (Гаочан-Уйгурского, Хотанского государства и Караханидского каганата) в 2 пол. IX – нач. XII вв.

Задачи исследования:

- Проанализировать причины и последовательность религиозно-политических процессов, проходящих в трех государствах Таримской впадины
- Выявить, датировать и обосновать общие этапы религиозно-политического развития трех государств Таримской впадины
- Обосновать применимость модели торговой теократии к трем государствам Таримской впадины

Объект и предмет исследования

Объектом исследования в данной работе выступают три государства Таримской впадины (Гаочан-Уйгурское, Хотанское государства и Караханидский каганат) с момента возникновения до киданьского завоевания

Предметом исследования являются религиозно-политические процессы, проходящие в трех государствах Таримской впадины (Гаочан-Уйгурского, Хотанского государства и Караханидского каганата).

¹ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. 344 с.

Хронологические и территориальные рамки исследования

Объектом исследования определяются хронологические рамки работы – 2 пол. IX – нач. XII вв. (840 – 1124 гг.). Распад Орхон-Уйгурского каганата (840 г.) запустил процесс формирования трех государств, а в 1124 г. основано государство Западная Ляо, подчинившее себе Гаочан-Уйгурское государство и остатки Караханидского каганата.

Территориальные рамки исследования охватывают восточную часть Центральной Азии: Таримскую впадину, связанную с ней южную часть Джунгарии, а также часть Мавераннахра, в эпоху, когда он находился под контролем Караханидского каганата. Географический термин «Таримская впадина» используется в исследовании как наиболее точно соответствующий территориальным рамкам. Термин «Восточный Туркестан», принятый в отечественной историографии, расценивается как менее подходящий: 1) он включает помимо бассейна реки Тарим всю Джунгарию; 2) использование термина «Туркестан» в отношении региона, в то время населенного преимущественно индоевропейцами, является очевидным анахронизмом. По сходным причинам используются также термины: Кашгария (Кашгар еще не был в то время главным городом региона), «Западный край» (в силу очевидной китаецентричности термина), «Синьцзян» (также включающий Джунгарию и более поздний).

Методология и методы исследования

Диссертация основывается на методологической парадигме мир-системного анализа, в рамках которой государства Таримской впадины рассматриваются в качестве ядра мир-экономики Великого Шелкового пути, послужившей основой для формирования монгольской мир-империи¹.

В диссертации были использованы общенаучные методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также классификации. Были применены

¹ Janet Abu-Lughod. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350. N.Y. – Oxford, 1991. 464 p.

историко-компаративный, историко-типологический и историко-генетический специальноисторические методы. Историко-компаративный метод, рассматривающий изучаемые явления по сходству и различию их свойств в пространстве и во времени, использовался для сравнения государств Таримской впадины исследуемого периода между собой и с сопредельными государствами, а также для выявления общих черт и различий с государствами, существовавшими на данной территории до и после исследуемого периода. Историко-типологический метод позволил выявить характерные черты государств Таримской впадины в области социально-политического устройства. Использование историко-генетического метода дало возможность проследить этапы формирования и развития государств Таримской впадины в исследуемый период.

Широко применялись критический и компаративный источниковедческие методы, позволившие выявить разночтения между тремя группами источников (китайские, арабо-персидские и источники местного происхождения) и сформировать фактологическую базу исследования.

Гипотеза исследования

Гипотеза исследования состоит в том, что все три государства Таримской впадины в данный период были торговыми теократиями, т. е. определяющую роль в их социально-экономическом функционировании и политическом устройстве играли религиозные общины буддистов, мусульман, манихеев и христиан (несториан), теснейшим образом связанные с торговым капиталом. Эти же общины фактически определяли внешнюю политику и взаимоотношения данных государств между собой и с государствами-соседями.

Элементы данной гипотезы имплицитно присутствуют в работах многих исследователей региона. Так, Л. Н. Гумилев писал: «Казалось бы, естественным вождем, вокруг которого могли бы сплотиться кочевые и оседлые христиане, был кара-киданьский гурхан, но Елюй Даши умер, а его

наследники оказались в русле политики, направляемой уйгурским купеческим капиталом. [...] Поэтому-то они направили удар кара-киданей на своих мусульманских конкурентов, на Среднюю Азию, и не финансировали их попыток обратить оружие на восток», а также «купеческий капитал Генуи, Венеции и Флоренции синхронен и аналогичен такому же явлению в Куче и Турфане»¹. А. Г. Малявкин отмечал: «Многовековое успешное развитие согдийской торговли в Центральной Азии, прочный авторитет, которым пользовались согдийцы во многих странах этого района, их способность успешно преодолевать трудности, быстрота, с которой они восстанавливали утраченные позиции и влияние, — все это свидетельствует о возможности существования могущественнейшей международной согдийской торговой корпорации»². Более определенно, уже объединяя этнический и конфессиональный аспекты, высказывался С. Г. Кляшторный: «Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до столичных центров Танской империи»³. Однако ни одним из этих исследователей данная гипотеза так и не была эксплицитно сформулирована, что позволяет говорить об определенном новаторстве в исследованиях региона.

Источники исследования

Исторические источники по данному региону в данный период можно разделить на три типа, в зависимости от их происхождения: 1) китайские официальные историописания-чжэнши и иная китайская историческая литература, 2) арабо-персидские географические сочинения, 3) литература и документы созданные в самом регионе, а также устная историографическая традиция.

¹ Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1997. С. 141.

² Малявкин А. Г. Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск, 1983. С. 249.

³ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 116.

Важнейшими источниками для изучения государств Таримской впадины данного периода были и остаются китайские официальные династийные истории-чжэнши (正史). К таковым относятся «Тан шу», «Синь Тан шу», «Удай ши», «Синь Удай ши», «Сун ши» и «Ляо ши»¹. Не менее важна также дополнительная китайская историческая литература². Классический, хотя и очевидно устаревший, перевод сведений чжэнши о «Западном крае» Н. Я. Бичурина³ хронологически доходит лишь до эпохи распада Орхон-Уйгурского каганата, что стало большим тормозом на пути исследователей региона.

В 1974 г. А. Г. Малявкиным была опубликована подборка переводов сведений из чжэнши и прочей китайской исторической литературы,

¹ 劉昫。旧唐书。北京，1975。16册。Лю Сюй。Цзю Тан шу。Бэйцзин, 1975。16 т。欧阳修。新唐书。北京，1975。20册。Оуян Сю。Синь Тан шу。Бэйцзин, 1975。20 т。欧阳修。新五代史。北京，1974。3册。Оуян Сю。Синь Удай ши。Бэйцзин, 1974。3 т。薛居正。旧五代史。北京，1976。6册。Се Цзюйчжэн。Цзю Удай ши。Бэйцзин, 1976。6 т。脱脱。宋史。北京，1985。40册。Тото。Сун ши。Бэйцзин, 1985。40 т。脱脱。辽史。北京，1974。3册。Тото。Ляо ши。Бэйцзин, 1974。3 т。

² 马端林。文献通考。北京，1986。14册。Ма Дуаньлин。Вэньсянь тункао。Бэйцзин, 1986。14 т。徐松。宋会要辑稿。北京，1957。8册。Сюй Сун。Сун хуэйяо цзигао。Бэйцзин, 1957。8 т。李焘。续资治通鉴长编。北京，1995。20册。Ли Тао。Сюй Цзычжи тунцзянь чанбянь。Бэйцзин, 1957。20 т。乐史。太平寰宇记。臺北，1986。20册。Юэ Ши。Тайпин хуаньюй цзи。Тайбэй, 1957。20 т。王溥。唐会要。北京，1955。3册。Ван Пу。Тан хуэйяо。Бэйцзин, 1955。3 т。王溥。五代会要。上海，1978。3册。Ван Пу。Удай хуэйяо。Шанхай, 1978。3 т。李德裕。会昌一品集。上海，1994。239页。Ли Дэюй。Хуэй-чан ипинь цзи。Шанхай, 1994。239 с。叶隆礼。契丹国志。上海，1985。170页。Е Лунли。Циданьгочжи。Шанхай, 1985。170 с。王钦若、杨亿等。册府元龟。南京，2006。12册。Ван Циньжо, Ян И и др。Цэфу юаньгуй。Наньцзин, 2006。12 т。司马光。资治通鉴。北京，1956。20册。Сыма Гуан。Цзычжи тунцзянь。Бэйцзин, 1974。20 т。邵伯温。邵氏闻见录。北京，1983。236页。Шао Бовэнь。Шаоши вэньцзянлу。Бэйцзин, 1983。236 с。玄奘。大唐西域记。桂林，2007。198页。Сюаньцзан。Да Тан Сиюй цзи。Гуйлинь, 2007。198 с。

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 3 т.

касающихся истории государств уйгуров IX—XII вв.¹ Несмотря на высокое качество переводов, труд А. Г. Малявкина так и не занял должного места в отечественных исследованиях региона (кроме работ самого автора). За рамками подборки А. Г. Малявкина остались также те важнейшие сведения чжэнши и китайской исторической литературы о государствах Таримской впадины, которые не касались Гаочан-Уйгурского государства, а были посвящены Хотану или Караханидскому каганату. Этим обусловлено наше обращение непосредственно к оригинальным китайским текстам чжэнши и китайской исторической литературы. В тексте диссертации даны ссылки на оригинальный китайский текст, в случае необходимости нами выполнен русский перевод, параллельно, в случае наличия таковых, даются ссылки на переводы Н. Я. Бичурина и А. Г. Малявкина.

Становление и развитие государств Таримской впадины в исследуемый период проходило на фоне великой разрухи в Китае, вызванной деградацией и гибелью Танской империи и непрерывной междоусобной борьбой в период Пяти династий. Эта борьба, продолжавшаяся почти 100 лет, включая последние десятилетия существования Танского государства, повлекла значительное ослабление политических связей с сопредельными регионами, в том числе с регионом Таримской впадины. Поэтому сведения китайских источников, касающиеся этих территорий, отличаются крайней фрагментарностью и лаконичностью. Положение не изменилось к лучшему и после того, как страна объединилась в рамках Сунского государства. Его военная слабость и частые поражения в борьбе со своими непосредственными соседями привели к тому, что империя Сун оказалась отрезана от Таримской впадины Тангутским, Киданьским и Чжурчжэньским государствами, которые препятствовали торговым и дипломатическим связям.

Среди китайских источников о государствах Таримской впадины эпохи Сун особую важность имеет неоднократно переведенный на различные

¹ Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. 210 с.

европейские языки отчет посла Сунской империи Ван Яньдэ в Гаочан-Уйгурское государство (981—983 гг.), в котором много интересных, можно сказать уникальных, сведений о государственном устройстве, обычаях и верованиях его населения. Отчет сохранился в «Сун ши»¹. Ценность этого документа особенно велика потому, что сунская официальная историография, существовавшая в условиях почти полной изоляции Сунского государства от центральноазиатских дел, сохранила чрезвычайно мало сведений о регионе Таримской впадины.

История Гаочан-Уйгурского государства до и после посещения Ван Яньдэ вплоть до вторжения киданей во главе с Елюем Даши чрезвычайно слабо освещена в источниках. Поэтому отчет Ван Яньдэ — явление уникальное и его трудно переоценить. Вместе с тем сочинение Ван Яньдэ страдает и существенными недостатками, снижающими его значение при рассмотрении вопросов, связанных с политической историей этого региона. Отчет Ван Яньдэ был практически последним серьезным письменным памятником сунской эпохи, содержащим сведения о Таримской впадине. Сунское государство, отрезанное от Центральной Азии врагами, не имело непосредственных контактов с странами региона, поэтому исследователи почти не находят нужной информации в сочинениях этого периода, хотя в «Сун ши» есть специальный раздел, посвященный уйгурам². В киданьской официальной истории «Ляо ши»³ хотя и нет отдельного повествования об уйгурах, однако в различных частях этого важнейшего труда по истории Восточной Азии содержится большое количество лаконичных записей о торговых (посольских) контактах Киданьской империи с государства

¹ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14110 - 14113页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14110–14113.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14110 - 14113页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14109–14115.

³ 脱脱。辽史。北京，1974。3册。Тото. Ляо ши. Бэйцзин, 1974. 3 т.

Таримской впадины. Эти сообщения, свидетельствующие о широте торговых контактов между Киданьской империей и государствами Таримской впадины, практически ничего не дают для воссоздания истории развития государств Таримской впадины в этот период.

Есть еще одна особенность, отличающая тексты, касающиеся государств Таримской впадины, в «Ляо ши» от аналогичных текстов периода Пяти династий¹ или эпохи Сунского государства² – «Ляо ши» не сообщает фамилий или имен послов (купцов), прибывавших ко двору киданьского императора. Несмотря на обилие сообщений, свидетельствующих о существовании оживленных контактов с государствами Таримской впадины, ценность их невелика, поскольку в них почти нет информации о товарах и их количествах, не указываются фамилии или имена купцов и т. п.

Для изучения истории государств Таримской впадины немалое значение имеют сочинения арабо-персидских географов.³ Однако произведения мусульманских авторов страдают очень существенным недостатком пренебрежением к истории «неверных», поэтому до проникновения ислама история Таримской впадины, особенно ее крайних восточных районов, в этих сочинениях освещена очень плохо. Географические сочинения мусульманских авторов, как правило, не имеют четкой хронологической привязки, сведения, сообщаемые в них, могут отстоять на несколько веков от времени написания соответствующего труда.

¹ 欧阳修。新五代史。北京，1974。3册。Оуян Сю. Синь Удай ши. Бэйцзин, 1974. 3 т. 薛居正。旧五代史。北京，1976。6册。Се Цзюйчжэн. Цзю Удай ши. Бэйцзин, 1976. 6 т.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14110–14113页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14109–14115.

³ El-Masūdī's historical encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and mines of gems». L., 1841. 464 p. Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. – 982 A.D. L., 1970. 477 p. Kitab al-Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture. N.Y., 1970. 2 v. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения АН КазССР. Т. 1. 1959. С. 209–218.

Характер сочинений мусульманских авторов в целом очень хорошо обрисовал В. В. Бартольд: «Арабы мало интересовались войнами, происходившими между отдельными турецкими народностями, и заменой одного кочевого государя другим: без китайских, отчасти также греческих источников мы не имели бы о ходе этих событий никакого представления. По той же причине нам гораздо яснее события, происходившие на востоке, в пределах Монголии и Китайского Туркестана, чем события, происходившие в западной части среднеазиатских степей»¹.

Несмотря на все вышесказанное, мусульманские источники существенным образом дополняют китайские и отказ от их рассмотрения представляется крайне нецелесообразным. К счастью, большинство необходимых источников уже переведено с соответствующих языков на русский или европейские языки и легко может быть использовано для извлечения необходимых сведений.

Отдельной группой источников выступают местные тексты и документы. К сожалению, несмотря на многочисленность и хорошую сохранность найденных в Таримской впадине местных документов, исследователи пока не располагают местными историческими хрониками. Такие тексты либо еще не найдены, либо не сохранились, либо вообще никогда не существовали в силу отсутствия в регионе местной историографической традиции. Для буддийских государств региона это, вероятно, связано с тем равнодушием, с которым культуры индийского корня относились к истории. А в целом для региона — с частой сменой культур и периодическим обрывом традиций.

Хуже всего ситуация с Гаочан-Уйгурским государством — даже деловые документы датировались там не именами правителей, а с помощью животного цикла. В Хотане, где как раз в данный период (начиная с Виша

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения Т. 5. М., 1968. С. 50.

Самбхавы) была принята датировка по девизам правления, мы располагаем хотя бы приблизительной реконструкцией династической хронологии¹. Однако местные документы, написанные на хотано-сакском языке, фрагментарны и бессистемны, они еще требуют внимания специалистов для их подробного анализа.

Для истории Хотана в целом очень важны тибетские тексты, однако в исследуемый период Тибет переживал не лучшие времена, поэтому в тибетских текстах почти нет сведений о Таримской впадине. Авторов тибетских хроник интересовала, главным образом, строительная деятельность хотанских правителей. В тибетских источниках сообщается, в основном, сколько и каких именно буддийских культовых сооружений воздвигли в Хотане².

В источниках почти не сохранилось достоверных сведений о начальном этапе истории Караханидского государства, остается еще не вполне ясной и этническая атрибуция ставшей во главе этого государства тюркской династии, а рассказы о первых Караханидах носят полуполюгендарный характер. Труды караханидских историков почти не дошли до настоящего времени, почти все сведения о Караханидском каганате содержатся в трудах арабских и персидских авторов, писавших за пределами каганата. Труд единственного караханидского историка, имя которого сохранилось — имам Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Алмай — «Тарих-и Кашгар» известен лишь в небольших отрывках у Джамала Карши (XIII в.)³. Отсутствие своей историографии было отмечено уже поздними современниками Караханидов, один из которых,

¹ Zhang G. Rong X. Les noms du royaume de Khotan: Les noms d'ère et la lignée royale de la fin des Tang au début des Song // Contributions aux études de Touen-houang III. Paris 1984. P. 23–46.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 45.

³ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы, 2005. С. 101–108.

блестящий персидский литератор Низами Арузи, писал в 1156 г.: «Имена шахов [из] Дома хакана [Караханидов] сохранились [благодаря поэтам] Лулуи, Гулаби, Амаку Бухари, Рашиди Самарканди, Наджжару Сагарджи, Али Баниди, Али Сипихри, Джаухари и Али Шатранджи»¹. Тем не менее, богатый местный нумизматический материал позволил реконструировать политическую историю государства достаточно полно.

Е. Э. Бертельс предполагал, что в условиях феодальной раздробленности и постоянных междуусобиц ни одна из ветвей династии Караханидов не могла удерживать верховную власть настолько долго, чтобы позволить себе написание истории династии². Зато у Караханидов была очень развита придворная поэзия. Поэзия эпохи Караханидов породила такие сокровища тюркской литературы, как знаменитые «Кутадгу билиг»³ и «Диван Лугат ат-Турк»⁴, являющиеся важными источниками по истории Таримской впадины.

Среди местных источников отдельно следует выделить устную историографическую традицию. Термин «устная историографическая традиция» введен казахстанским востоковедом В.П. Юдиным и, в применении к казахской устной историографической традиции определяется следующим образом: «...имеется принципиально иной источник, данные которого не менее важны, а во многих случаях являются уникальными, а потому и бесценными, — это степная устная историография — память самого субъекта истории о своем прошлом. Реконструировать историю Казахстана можно только на основе привлечения данных обеих историографии — обычной, письменной, т. е. продукта культуры оседлых народов, и степной

¹ Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // Бертельс Е. Э. Избранные труды. Т. 1. М., 1960. С. 456.

² Там же. С. 456–458.

³ Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. 557 с.

⁴ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. 1288 с.

устной. Степная устная историография — это историческое знание кочевников Дашт-и Кыпчака, для нас прежде всего Восточного Дашт-и Кыпчака, которое в послемонгольский период предстает уже выделившимся из общего знания кочевников в особую область. По этой причине оно не может быть дефинировано ни термином “устная традиция”, ни словами “легенды”, “предания”. Степная устная историография не может быть сведена ни к мифологии, ни к фольклору, например, к героическому эпосу, так как сам фольклор питался степной устной историографией»¹.

В государствах Таримской впадины исследуемого периода, основанных кочевыми народами, существование устной историографической традиции не вызывает сомнений. Устная историографическая традиция уйгурского населения Таримской впадины частично зафиксирована в XIX – нач. XX вв. европейскими путешественниками в виде преданий о героической борьбе мусульманских правителей против «неверных», таких как «Тазкире Сатук Бугра-хан»². Как правило местами ее бытования были мазары (места погребения) известных правителей-мусульман, таких как Сатук Бугра-хан, Али ибн Муса Арслан-хан, Юсуф ибн Хасан Кадыр-хан.³ Г. Беллью писал: «Вся здешняя местность богата интересными воспоминаниями о двадцатипятилетних войнах, отчеты о которых сохраняются у хранителей различных гробниц, которыми увековечена святая для мусульман память благородных мучеников за веру. Половина их заняла бы целый том».⁴

¹ Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тука-тимуридов в казахских степях в XVI в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата, 1992. С. 64.

² Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 87–107.

³ Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. С. 169–209.

⁴ Беллью Г. У. Кашмир и Кашгар: дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 279.

Уйгурская устная историографическая традиция, ранее недооцененная или даже игнорируемая отечественными исследователями, в качестве одного из основных источников привлекается нами впервые.

Научная новизна

Попытки целостного рассмотрения государств Таримской впадины в указанное время в мировой историографии предпринимались чрезвычайно редко. Исследователи рассматривали каждое из государств Таримской впадины отдельно и в рамках лишь своего направления исследований. Так Гаочан-Уйгурское государство, рассматривается, как правило, в связи с Уйгурским каганатом, как его продолжение, в основном тюркологами и китаистами. Хотанское государство исследуют буддологи, индологи и иранисты, как будто бы забывая об активной роли тюрков и китайцев в его истории. Караханиды рассматриваются тюркологами и историками Мусульманского Востока как одна из династий Средней Азии.

Это, с одной стороны, не странно, поскольку для эффективного исследования истории государств Таримской впадины нужно быть специалистом сразу во множестве областей. Необходимо знать историю тюрков, Китая, Арабского халифата, Тибета, Индии, к тому же желательно иметь чрезвычайно разнообразную филологическую подготовку. Помимо китайского языка (вэньянь), на котором написана большая часть источников, нужно знать древнетюркский, арабский, персидский, санскрит, тибетский, и все их – во всем многообразии исторических и диалектных форм. С другой стороны, практически полное отсутствие хотя бы попыток рассмотреть историю государств Таримской впадины в указанный период выглядит странно.

Так или иначе, этот регион был и остается более или менее единым в географическом и хозяйственном смысле, и понимание истории одного из этих государств неразрывно связано с пониманием истории двух других. Тем более, что каждое из них сыграло существенную роль в установлении

существующих сегодня этнических, культурных и государственных границ. Понимая всю тяжесть данной задачи, мы, все же, возьмем на себя смелость осуществить попытку целостной интерпретации истории государств Таримской впадины X – XI вв., не претендуя на исчерпывающую работу по теме, и удовлетворяясь статусом, в каком-то смысле, первопроходцев в этой перспективной области.

В связи с вышеобозначенным разрывом, история государств Таримской впадины в указанный период фактически не изучается как единое целое, и даже выдающиеся исследователи, будучи узкими специалистами в своей сфере, допускают порой весьма грубые ошибки. Так, М. И. Воробьева-Десятовская посчитала дуньхуанскую династию Цао династией шау Хотана.¹ Хотано-караханидская война до сих пор остается малоизвестной даже в профессиональном сообществе специалистов по Центральной Азии. Например, в монографии Б. Д. Кочнева «Нумизматическая история Караханидского каганата», подробно и на высочайшем научном уровне повествующей о других проблемах истории Караханидов, Хотано-караханидская война только упоминается².

Положения, выносимые на защиту

- История государств Таримской впадины данного периода представляет собой неразрывное единство и должна изучаться системно.
- Основными акторами исторического процесса в государствах Таримской впадины этого периода выступают религиозные общины (манихейская, буддийская, мусульманская и несторианская), борьба которых определяло политическую историю данных государств.

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 52–53.

² Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 174.

- Государственность в Таримской впадине в данный период носила торгово-теократический характер, т. е. государственная власть, религиозные общины и купеческие объединения фактически были слиты воедино.
- Процессы массовой миграции тюркоязычных народов на территорию Таримской впадины были связаны с усыханием степной зоны в IX–X вв.
- Тюркские династии, пришедшие к власти в Таримской падине в данный период, не были полностью политически самостоятельными, их внутри- и внешнеполитическая активность направлялась торгово-теократическими объединениями и осуществлялась в интересах этих объединений.
- Борьба между буддийской и манихейской общиной в Гаочан-Уйгурском государстве была не менее напряженной, чем борьба между буддийской и мусульманской общиной в Караханидском каганате и на территории Хотана.
- Взаимодействие торгово-теократических объединений в Таримской впадине в данный период оказало огромное влияние на последующую историю Евразии.

Теоретическая и практическая значимость

Именно межкультурное взаимодействие открывает нам единственную возможность объективного исследования каждой из культур «извне», можно сказать, что история Таримской впадины принципиально важна для понимания истории всего человечества. Как писал выдающийся российский востоковед академик С. Ф. Ольденбург: «Об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока. В этом отношении история Средней Азии и специально Восточного Туркестана имеет громадное значение»¹. Без полного, детального понимания истории Таримской впадины история человечества так и останется историей мало связанных между собой регионов.

¹ Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1. С. 30.

Изучение исторического опыта взаимодействий между государствами и религиозными общинами и их связей с торговым капиталом имеет огромную практическую значимость. Концепция торговой теократии, разработанная и примененная нами к государствам Таримской впадины может быть использована как для исследования географически схожих регионов (даже не вполне идентичных, таких как ранняя Киевская Русь с путем «из варяг в греки», Сахель с транссахарской торговлей, доисламская и раннеисламская Аравия, различные морские торговые республики), так и для принятия политических решений в области межрелигиозного и межгосударственного взаимодействия.

Степень достоверности и апробация результатов

Основные результаты диссертационного исследования были представлены на международных научно-практических конференциях: «Индия: история и культура» (Екатеринбург, УрГУ, 2 декабря 2009 г.), «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия» (Екатеринбург, УрГУ, 21–22 мая 2010 г.), «Китай: история и современность» (Екатеринбург, 20–21, УрФУ, ноября 2012 г.), «Китай: история и современность»: (Екатеринбург, УрФУ, 17–19 октября 2013 г.), «Региональные исследования центральноазиатского, западноазиатского регионов и международное обучение китайскому языку» (КНР, г.Урумчи, Синьцзянский университет, 28–30 августа 2014 г.), «Пятая региональная конференция Общества Евразийских исследований» (Казань, КФУ, 2–4 июня, 2016 г.)

Структура диссертации

Диссертация состоит из введения, основной части из трех глав (девяти параграфов), заключения, списка источников и литературы. Деление на главы осуществлено по территориально-хронологическому принципу. Общий объем диссертации составляет 201 страницу.

Глава 1. Формирование трех государств Таримской впадины (Гаочан-Уйгурского государства, Хотанского государства и Караханидского каганата) в 1 пол. IX – 2 пол. X вв.

§ 1. Распад Уйгурского каганата: ход и результаты

До сер. IX в. Таримская впадина представляла собой совокупность многочисленных государств. Так, в эпоху господства династии Хань в Таримской впадине существовало 37 государств¹. Такая же картина наблюдалась и в долинах рек Аму- и Сырдарьи до мусульманского завоевания², что позволяет предположить обусловленность данного положения природно-климатическими особенностями региона. Фактически, каждый оазис представлял собой независимое или полунезависимое владение. Друг от друга эти государства были изолированы пустыней и надежно защищены укреплениями, поэтому несмотря на усиление некоторых из них время от времени, завоевание даже соседнего владения было для каждого практически неразрешимой задачей, тем более объединение всего региона. Китайские и кочевые империи периодически устанавливали свою власть в Таримской впадине, но эта власть чаще всего ограничивалась вассальной зависимостью местных владений.

В 630 г. войска Тан разгромили Восточно-Тюркский каганат, в 640 г. независимый Гаочан (Турфан), где в то время у власти была китайская династия Цзюй. Уже в том же 640 г. в Гаочане было создано наместничество Аньси (安西 – кит. «Умиротворенный Запад») и введена китайская административно-территориальная система³. В 644 г. захвачен Карашар, что

¹ Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001. 368 с.

² Бартольд В. В. История Туркестана // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 117.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 306–310.

вызвало конфликт с Восточно-Тюркским каганатом и Кучей. В 678 г. большая танская армия, в составе которой более 100 тыс. тюркских всадников, взяла Кучу. В 650–651 г. один из вождей западных тюрков, перешедших на сторону империи Тан, Ашина Хэлу поднял восстание, «Западный край» на несколько лет отложился от империи. Восстание было подавлено в 658 г.¹ Западнотюркский каганат был захвачен.

В 670 г. в оазисы Таримской впадины вторглись тибетцы, захватив Кучу при поддержке Хотана, было ликвидировано четыре танских гарнизона. В 692 г. тибетцы были разбиты, Ансийское наместничество (в Куче) восстановлено². В 717 г. тибетцы захватили Аксу³.

В начале VIII в. в «Западном крае» появляются арабы. После арабского завоевания Мавераннахра многие правители стран Центральной Азии стали искать поддержку у империи Тан. Танское правительство сочло разумной дальнейшую экспансию. В 748 г. на запад была отправлена большая армия (около 30 тыс. человек) под командованием Гао Сяньчжи. В 751 г. она встретилась с войсками арабов близ реки Талас. На пятый день тяжелой битвы восстали входившие в китайскую армию карлуки. Армия Гао Сяньчжи потерпела поражение и бежала⁴.

В 755 г. начался мятеж Ань Лушаня, внутренние проблемы империи Тан воспрепятствовали проведению связной политики в «Западном крае». Только в Аньси и Бэйтине уцелели китайские гарнизоны, но они не могли контролировать столь обширные территории и в 787 г. были ликвидированы тибетцами. Влияние китайской культуры в оазисах Таримской впадины ослабело. В 791 г. вся Таримская впадина попала под власть Тибета, однако,

¹ Там же. С. 311–123.

² Там же. С. 320.

³ Там же. С. 321.

⁴ Там же. С. 317.

вследствие внутренней борьбы в тибетском государстве, власть тибетцев стала чисто номинальной¹.

Борьба трех империй за господство в Центральной Азии заложила основы культурной и политической дивергенции трех государств Таримской впадины, являющихся предметом нашего исследования: Гаочан-Уйгурского каганата, Хотанского царства и Караханидского каганата. Турфанский оазис как одно из самых близких к Центральному Китаю владений Таримской впадины исторически (начиная с династии Хань) был опорой китайского влияния в регионе. Танское завоевание в очередной раз укрепило влияние китайской культуры в Турфане и неудивительно, что уйгуры, бывшие союзниками Империи Тан, были приняты в Гаочане без особых проблем. Хотан определился как опора тибетской власти в регионе, оказав на сам Тибет огромное влияние. Хотан сыграл решающую роль в распространении на Тибете буддизма махаяны. Есть версия, что даже современная тибетская письменность происходит именно от хотанского варианта брахми, а не непосредственно от индийского. Наконец, Кашгар был крайней восточной точкой арабского влияния в Центральной Азии, чему можно найти подтверждение в сообщениях (скорее всего, легендарного характера) о походе на Кашгар арабского эмира Кутейбы бин Муслима – завоевателя Мавераннахра. Несмотря на то, что в реальности этого похода не было, легенда, вероятно, фиксирует какие-то торговые или военно-дипломатические мероприятия арабов.

Крупнейшее событие истории Центральной Азии – распад Уйгурского каганата на Орхоне – несомненно, было вызвано целым рядом причин. Немаловажную роль сыграло то, что, появившийся как союз кочевых племен против деспотизма Восточно-Тюркского каганата, Уйгурский каганат сам быстро превратился в едва ли не худшего деспота. Уйгурский каганат стал манихейской теократией, насильственно навязывающей всем своим

¹ Там же. С. 322.

подданным новую религию, новые традиции и обряды, не всегда совместимые с кочевым бытом. Манихейство, по разным причинам, отвергалось всеми соседями каганата, поэтому он был вынужден регулярно вести религиозные войны практически по всем направлениям. Власти Уйгурского каганата одновременно лишились и внутренней, и внешней поддержки, что не могло не сказаться на стабильности государства¹.

Однако, несмотря ни на что, Уйгурский каганат оставался в достаточно выгодном положении. Его основные внешнеполитические соперники – Арабский халифат и Тибет – были сами в ослабленном и распадающемся состоянии. Огромные доходы от торговли по Великому Шелковому пути, на котором каганат контролировал важнейший участок Бешбалик-Турфан, могли позволить успешно вести наступление на противников и военными, и дипломатическими средствами. Манихейское духовенство стало культурной и интеллектуальной элитой государства, под его влиянием уйгуры стали использовать в качестве письменности своего языка т. н. «манихейское письмо». Одним из показателей культурного влияния манихейства в Центральной Азии можно считать то, что манихейское письмо пережило и каганат, саму манихейскую церковь, и один из его более поздних вариантов используется до сих пор в качестве графики современного монгольского языка Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Учитывая вышесказанное, можно предположить, что решающую роль в крушении Орхон-Уйгурского каганата сыграл все-таки природный фактор. В IX в. произошло очередное глобальное изменение климата, выразившееся, в частности, в усыхании степной зоны Евразии². Несмотря на то, что Л. Н.

¹ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2002. С. 462–466.

² Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. Приложения. СПб., 2005. С. 45–53. См. также Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1997. С. 160.

Гумилев считал усыхание степи IX в. кратковременным¹, его исторические последствия были огромны. Кочевые племена Евразийских степей были вынуждены перемещаться в оазисы и предгорья, а центральный регион Уйгурского каганата – Монголия и Джунгария – оказался в состоянии жесточайшего экономического кризиса.

Связь природных событий с крушением Уйгурского каганата, отмечена еще в китайских средневековых источниках. В «Тан Хуэйяо» описание политических событий в Уйгурском каганате в четвертый год эры правления Кайчэн (开成, 839 г.) сопровождается следующими словами: «Из года в год были голод и болезни. Мертвые лошади и овцы устилали землю. К тому же, бедствием стал великий снег»². Похожие сведения приводятся об этом же годе в «Синь Тан шу»: « [...] голод, болезни и великий снег, издохло множество лошадей и овец [...]»³.

Голод среди кочевников был естественным последствием усыхания степи, когда для прокорма скота – основного источника пищи и главного богатства степняка – оставалось все меньше и меньше травы. Недостаток естественного корма приводил к миграциям грызунов – разносчиков разнообразных заболеваний.

Обильные снегопады в период засухи не должны удивлять, поскольку основной путь циклонов, перемещаясь из степной зоны в лесную, приводил к обильному увлажнению леса, а в зимний период влажный и холодный воздух распространялся и на степь, вызывая выпадение снега. Сильные зимние

¹ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. Приложения. СПб., 2005. С. 50.

² 王溥。唐会要。北京，1955。第3册。第1749页。Ван Пу. Тан хуэйяо. Бэйцзин, 1955. Т. 3. С. 1749.

³ 欧阳修。新唐书。北京，1975。第19册。第6130页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6130. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 27.

снегопады крайне нехарактерны для климата Западной Монголии-Джунгарии, где обычно стоят холодные и сухие зимы. Небольшое количество снега позволяло скоту выкапывать и поедать засохшую траву зимой. Поэтому система хозяйства уйгуров, как и других жителей этих территорий не предполагала заготовление сена на зиму¹. Значительный же снежный покров не дает скоту выкапывать траву.

Несложно предположить, что нехватка корма летом, его полное отсутствие зимой и заразные болезни привели к массовому падежу скота и, как следствие, к голоду среди людей. Попутно погибло и возрожденное уйгурами степное земледелие. Климатические изменения подорвали и военную силу каганата, базировавшуюся на многочисленной коннице, что стало причиной внешнеполитических поражений.

Кризис экономической системы каганата наложился на социальные и внутривластные проблемы. Долгое время развитие экономики, внешней торговли и политические акции каганата (прежде всего союз с Империей Тан) вели к значительному увеличению его богатства. Приобретенные материальные ценности, как правило, оставались в руках знати и связанных с ней торгово-теократических кругах (согдийские купцы и манихейское духовенство). В «Цзычжи Тундянь» (资治通鉴) присутствуют следующие рассуждения на эту тему: «Прежде нравы и обычаи уйгуров были просты, так же как их знати и правителей, весь народ был един, и никто не мог соперничать с их силами. По этой причине все были единомышленны, и в могуществе им не было соперников. Имея большие заслуги перед Тан, они получали подарки и лишились простоты, и все, вплоть до кагана, начали уважать только знатных, строить себе дворцы для жилья, их жены обзавелись

¹ Гумилев Л.Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. Приложения. СПб., 2005. С. 346.

пудрой и тушью, вышитой одежной и украшениями. Этим было разорено Срединное государство, но и обычаи захватчиков повредились»¹.

Еще в 795 г., после смерти бездетного кагана Ачо, у власти оказался новый каган – Кутлуг, уже не из правящего уйгурского рода Яглакар, а из племени эдизов. Согласно предположению А.Г. Малявкина, основанному на неупоминании этого племени в источниках, эдизы, в отличие от других племен теле – союзников уйгуров, не принимали участие ни в создании Уйгурского каганата в 663 г., ни в его восстановлении в 745 г.²

Смена правящей династии, несомненно, связана с окончательным становлением у уйгуров манихейской теократии, правящие каганы попадают в зависимость от племенной знати теле и манихейского духовенства, подтверждение чему можно найти в самых различных источниках³, например, «Цзычжи Тундянь»: «...Уйгуры принесли дань, приехав вместе с манихеями, которые основали свои монастыри в Срединном государстве. Их закон: в дневное время не есть мяса и не пить молока, и воздерживаться от молочнокислых продуктов. Уйгуры обратились в эту веру, и каган обсуждал государственные дела с манихеями»⁴.

Отстранение уйгуров от руководящих позиций в каганате не могло не привести к обострению межплеменной войны. В этой борьбе стали

¹ 司马光。资治通鉴。北京, 1956。第 16 册。第 7282 页。Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Бэйцзин, 1956. Т. 16. С. 7282. Перевод Н.Я. Бичурина (со ссылкой на «Цзычжи Тундянь Ганму», 资治通鉴纲目) см. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 323–324. У А.Г.Малявкина почти идентичный по смыслу текст приводится со ссылкой на «Шаоши Вэньцзяньлу» Шао Бовэня (邵伯温。邵氏闻见录), см. Малявкин А.Г. Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск, 1983. С. 19.

² Малявкин А.Г. Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск, 1983. С. 21.

³ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 2002. С. 462–466.

⁴ 司马光。资治通鉴。北京, 1956。第 16 册。第 7638 页。Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Бэйцзин, 1956. Т. 16. С. 7638. Перевод Бичурина см. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 331.

участвовать и соседи каганата. В четвертый год под эры правления «Кайчэн» (839 г.) министр (相) Курабир (掘罗勿 «Цзюэлоу») сверг кагана Ху (胡), происходившего из эдизов¹. Есть мнение, что, поскольку имя Курабира совпадало с названием одного из уйгурских родов, вероятно, посредством этого переворота девять родов собственно уйгуров пытались вернуть себе власть, отстранив от нее ставленников эдизов². После этого Кюлюг-бага (句录莫贺 «Цзюлу Мохэ», по-видимому, тоже из племени эдизов) позвал на помощь кыргызов. Кыргызы сожгли столицу и уничтожили каганат³.

Интересно, что после разгрома Уйгурского каганата кыргызы не только не поселились на его землях, но даже и не контролировали вновь захваченную территорию. Создается впечатление, что они разграбили столицу каганата и сразу вернулись в свои владения на Енисее. По-видимому, процесс усыхания степи привел к тому, что территория, где раньше находилось ядро каганата, стала практически необитаемой. Не случайно об этой территории в источниках нет практически никаких сведений вплоть до возникновения Киданьской Империи, и тогда она населена уже преимущественно монгольскими, а не тюркскими народами.

Распад каганата инициировал массовое переселение уйгуров. Это переселение проходило неорганизованно, различные племена каганата мигрировали в разное время и на разные территории. К границам Империи Тан ушли две группы уйгуров. Первую возглавляли младший брат кагана Ормузд (реконструкция А.Г. Малявкина, в источнике – 嗚沒斯

¹ 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6130 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6130. Перевод Бичурина см. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 334.

² Малявкин А.Г. Уйгурские государства IX—XII вв. Новосибирск, 1983. С. 22.

³ 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6130 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6130. Перевод Бичурина см. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 334.

«Вэньмэйсы»), а также военачальник Наир Чур (那頡啜 «Нацзечо») и один из главных бегов (в источнике 相 сян – «министр») Чисинь (赤心). Несколько месяцев спустя туда же мигрировала другая группа уйгуров – уйгуры во главе с новым каганом Уцзе (乌介)¹.

Обе группы переместились в район крепостей Тяньдэ (天德) и Чжэньу (振武). Поскольку между ними существовали серьезные разногласия, они так и не сумели объединиться. Танские власти умело пользовались противоречиями между этими группами, добиваясь их еще большего ослабления. Уйгуры находились в бедственном материальном положении, ведь в результате вышеописанных природных катаклизмов и разгрома каганата кыргызами, у них почти полностью отсутствовали средства к существованию. Китайцы снабжали продовольствием только тех руководителей уйгуров, которые были готовы подчиниться Империи².

А. Г. Малявкин, в полном соответствии с идеологическими установками времен советско-китайских разногласий, возложил вину в распаде этих групп уйгуров на «коварную» политику китайских чиновников³. Помимо того, что процессы дезинтеграции в среде уйгуров были запущены в момент гибели каганата, и остановить их было уже практически невозможно, организованные группы голодных кочевников на границах Китая были для него реальной угрозой. Курс на ослабление и подчинение уйгуров, проводимый китайскими чиновниками, представляется в данных обстоятельствах единственно разумным. Подчинившиеся уйгуры были расселены вдоль северных и северо-западных границ государства⁴.

¹ Там же.

² Малявкин А. Г. Уйгуры и Китай в 840–848 гг // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. Новосибирск, 1975. С. 26–27.

³ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 26.

⁴ Там же. С. 27.

Несмотря на то, что к границам Империи Тан бежало значительное число уйгуров во главе с правящим родом Яглакар, т. е. элита Орхон-Уйгурского каганата, большого значения эта часть уйгуров впоследствии не имела, ее историческое значение было полностью подавлено мощью Срединного государства. Отдельные люди, семьи и небольшие группы, отказавшись от подчинения Китаю, бежали на запад – в Ганьсу и Дуньхуан, а возможно, даже в Гаочан и Кучу¹.

§ 2. Борьба между буддийской и манихейской общинами в Гаочан-Уйгурском государстве.

Значительно больший след в истории оставила другая группа уйгуров, состоявшая из 15 племен, которая ушла в юго-западном направлении. Ее возглавил Пан-тегин (庞特勒 «Пантэлэ», тж. 庞勒 «Панлэ»). Эта группа переселилась в район Карашара (焉耆, «Яньци») и Кучи (龟兹, «Гуйцы»), на территории контролируемые остатками распадающейся Тибетской империи.

Об этом кратко повествуют два почти идентичных фрагмента из китайских источников. Из «Цзю Тан шу»: «Уйгуры рассеялись среди различных варваров. Уйгурский министр Сачжи совместно с Пан-тегином, племянником [танского императора], с пятью его братьями – Наньлу, Эфэном и, другими, с пятнадцатью племенами (部 бу) бежали на запад к карлукам. Одна часть подчинилась тибетцам, другая – ушла в Аньси»². Из «Синь Тан шу»: «Министр Сачжи с пятнадцатью племенами (部 бу) Пан-тегина бежали к карлукам. Остальные ушли в Тибет и Аньси»³.

¹ Там же.

² 劉昫。旧唐书。北京，1975。第16册。第5213页。Лю Сюй。Цзю Тан шу。Бэйцзин, 1975。Т. 16。С. 5213。

³ 欧阳修。新唐书。北京，1975。第19册。第6130–6131页。Оуян Сю。Синь Тан шу。Бэйцзин, 1975。Т. 19。С. 6130–6131。Перевод Бичурина см. Бичурин Н.Я. Собрание

Японскому исследователю Т. Мориясу, используя ряд свидетельств китайских источников, а также «Зайн ал-Ахбар» Гардизи¹, удалось реконструировать маршрут движения этой группы в деталях². Согласно его данным, вначале от Пан-тегина отделилась крупная группа, ушедшая в район Принаньшанья и ставшая впоследствии ядром будущего Уйгурского каганата в Ганьчжоу. Остальные уйгуры, во главе с Пан-тегином достигли района к северу от восточной оконечности Тянь-Шаня. Здесь они снова разделились на две. Меньшая ушла в Хами, и там остановилась. Большая двигалась на запад до района Бешбалика, здесь некоторая часть группы также осталась.

После Бешбалика остальные уйгуры, во главе которых оставался Пан-тегин, продолжали движение далее на запад и достигли Луньтая (недалеко от современного г. Урумчи). Здесь одна группа во главе с Пан-тегином ушла к реке Юлдуз. Другая же продолжала двигаться на запад и проникла на территорию карлуков. Группа, во главе с самим Пан-тегином, оставшаяся на реке Юлдуз, заняла Кучу и Карашар. Заняв Карашар и учредив там столицу, Пан-тегин объявил себя каганом уйгуров и направлял правителей в Бешбалик³.

Утвердившись на территории Карашара и Кучи, Пан-тегин, которого с данного момента как суверенного правителя уместнее именовать Пан-хан, попытался установить политические и экономические связи с Империей Тан. Вероятно, и Империя Тан отнеслась благосклонно к «восстановлению» Уйгурского каганата в Таримской впадине, надеясь использовать его в

сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.–Л., 1950. С. 334.

¹ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 23–62.

² 森安孝夫。ウイグルの西遷について。// 東洋学報。東京, 1977。59 冊。1–2 号。107 頁。
Мориясу Т. Уйгуру но сэйсэн-ни цуитэ // Тоё гакухо. Токио, 1977. Т. 59. № 1–2. С. 107.

³ Там же. С. 122, 123. Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения Т. 8. М., 1973. С. 52.

качестве союзника, как прежде использовала орхонских уйгуров. В «Цзычжи Тунцзян» говорится: «В третьем месяце [10-го года «Дачжун»] в день «синьхай» (16.04.856) в императорском указе сказано: «Уйгуры имеют заслуги перед страной, из поколения в поколение с ними заключались браки, именовались вассалами, представляли дань, на северных границах было спокойно. Во время эры правления Хуэй-чан (841-847 гг.) в правящем доме варваров произошли смуты, каган бежал, вероломные вельможи внезапно усилили бедствия. Недавно пришедшие с покорностью говорили, что сейчас каганом стал Панли (Пан-тегин), резиденция его в Аньси. Ожидается восстановление ими ставки, надлежит издать указ о выдаче инвеституры»¹.

Через несколько месяцев к Пан-хану был направлен императорский посол Ван Дуаньчжан. Однако посольство было ограблено народом, названном в источнике «хэйчэцзы» (黑车子) и было вынуждено вернуться ни с чем. «Ван Дуаньчжан [направлен] утвердить кагана уйгуров. Дорога была закрыта народом хэйчэцзы. Не достиг цели и вернулся»².

Как известно, именно к хэйчэцзы бежал разгромленные китайцами уйгуры Уцзе-кагана. Именно они и их сторонники среди хэйчэцзы и были заинтересованы в том, чтобы Пан-хан как можно дольше не мог установить связи с Китаем. А.Г. Малявкин, вслед за Т.Абэ³, возлагает ответственность за гибель посольства на бешбаликских эдизов, и видит в этом событии продолжение борьбы между собственно уйгурами и эдизами, имевшей место в Уйгурском каганате⁴.

¹ 司马光。资治通鉴。北京, 1956。第 17 册。第 8059 页。Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Бэйцзин, 1956. Т. 17. С. 8059.

² Там же. С. 8066.

³ 安部健夫。西ウイグル国史の研究。京都, 1955。260 頁。 Абэ Т. Ниси уйгуру кокусинно кэнкю. Киото, 1955. С. 260.

⁴ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 205.

Так или иначе, гибель китайского посольства не оказала существенного влияния на развитие отношений между государством, созданным Панлетином, и Танской империей. «Синь Тан шу» сообщает: «Император Сюаньцзун (846-859), считая своею обязанностью умиротворение отдаленных земель, отправил в Линчжоу посла для надзора за их [уйгурскими] старейшинами. Уйгуры вследствие этого направили людей, которые вместе с танским послом прибыли в столицу. Император пожаловал [кагана уйгуров] титулом Улуг тэнрида кут булмиш алп кюлюг билгэ хуай-цзянь каган [валу дэнлило бомэймиши хэцзюйлу пицзя хуайцзянь кэхань 嗚祿登里逻汨没蜜施合俱录毘伽怀建可汗]. Потом в течение десяти с лишним лет они неоднократно подносили [двору] местную продукцию»¹.

Особенно заслуживает внимания последняя фраза, которая не может свидетельствовать ни о чем другом, как об установлении между государством Пан-хана и Империей Тан регулярных торговых связей. Есть все основания полагать, что именно интересы стоящих за этой торговлей религиозных общин сыграли ключевую роль в создании уйгурского каганата в Куче-Карашаре.

Дело в том, что идея воссоздания Уйгурского каганата в Таримской впадине могла казаться привлекательной не только танским властям. Крушение Уйгурского каганата привело к решительному сдвигу в политике Тан по отношению к многочисленным иноземным религиозным общинам, контролирующим международную торговлю, и пустившим глубокие корни в Китае. В 845-846 гг. иноземные религии подверглись чудовищным гонениям, известным в китайской историографии как «Третье бедствие У». По распоряжению императора Уцзуна закрывались монастыри, монахи насильственно переводились в податные сословия, а имущество религиозных общин конфисковывалось.

¹ 欧阳修. 新唐书. 北京, 1975. 第19册. 第6133页. Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6133.

От гонений серьезно пострадали буддийские, манихейские и несторианские общины. При этом восстановить свои позиции в Китае сумел только буддизм, и то далеко не сразу. Представители религиозных общин, особенно влиятельные и состоятельные, связанные с международной торговлей, были вынуждены бежать, и естественным направлением переселения для них были города Ганьсу и Таримской впадины. В этих городах были их единоверцы, и отсутствовала прочная государственная власть, которая могла бы представлять для них угрозу.

Понятно, что в таких условиях для манихейской общины вопрос о создании государственного образования, которое бы, подобно Орхон-Уйгурскому каганату, защищало их торговые и религиозные интересы. Вероятно, первоначально их выбор пал на государство Пан-хана. Пан-хан, как член правящего уйгурского рода Яглакар, должен был быть манихеем и защищать торгово-религиозные интересы общины. Учитывая свидетельство источника о возобновлении торговли с Китаем, эту задачу он выполнял весьма успешно.

В это время по возрождающемуся манихейскому влиянию был нанесен новый удар. Распад Тибетской империи, начавшийся после смерти ценпэ Ландармы (842 г.), который позволил уйгурам Пан-хана без особых проблем занять всю северо-восточную часть Таримской впадины, сильно дестабилизировал обстановку в Ганьсу. Один из тибетских военачальников, Зан Конбзер, начал активные военные действия, стремясь, видимо, к созданию собственных независимых владений. Тибетская армия была всегда тесно связана со жречеством религии бон, а оно, в свою очередь, находилось в конфликте как с буддистами, так и с манихеями.

«Синь Тан шу» так описывает выступление Зан Конбзера: «[Зан] Конбзер произвел большой погром в округах Шан [чжоу], Ко[чжоу], Гуа[чжоу], Су[чжоу], И[чжоу] (Хами) и Си[чжоу] (Турфан). Там, где

проходил, хватал и обезглавливал людей, взгромоздил горы трупов и оставил после себя разруху»¹.

По-видимому, манихейская община хорошо понимала опасность реставрации тибетской власти в регионе для ее политических и экономических интересов. Был использован весь арсенал политического влияния манихеев: против тибетцев Зан Конбзера единым фронтом выступили китайцы Чжан Ичао в Дуньхуане и уйгуры Буку Чина в Турфане. Вот как ситуация преподносится в китайских источниках:

«В десятом месяце [7-го года «Сянь-тун»] (11.11-10.12.866) Чжан Ичао из Шачжоу докладывал [императору], что послал вождя уйгуров Буку Чина сражаться с предводителем тибетцев Зан Конбзером; нанес тибетским грабителям большое поражение, обезглавил Зан Конбзера и препроводил его голову в столицу»².

«10 месяц 7 года «Сянтун». Шачжоужский цзедуши Чжан Ичао одержал победу. Отправил уйгурского вождя Пугу Цзюня на войну с великим военачальником Зан Конбзером. Тибетским грабителям нанесено крупное поражение. Зан Конбзер обезглавлен. Голова отправлена в столицу»³.

«Во время правления императора И-цзуна (859—873) большой вождь Буку Чин из Бэйтина (Бешбалика) напал на Туфань (Тибет), обезглавил Блон Занбзера и ухватил Сичжоу (Турфан), Луньтай (район современного г. Урумчи) и другие города»⁴.

¹ 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6106 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6106.

² 劉昫。旧唐书。北京, 1975。第 3 册。第 660 页。Лю Сюй. Цзю Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 3. С. 660.

³ 王溥。唐会要。北京, 1955。第 3 册。第 1741 页。Ван Пу. Тан хуэйяо. Бэйцзин, 1955. Т.3. С. 1741.

⁴ 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6133 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6133.

«7-м году [«Сян-тун»] (27.01.866-8.02.867) уйгур Буку Чин из Бэйтина (Бешбалика) напал и захватил Сичжоу (Турфан) и подчинил все племена. Комендант крепости [Шаньчэн] в округе Шаньчжоу Чжан Цзиюн сражался с Зан Конбзером и разбил его, захваченное оружие и военное снаряжение с почтением отправил к императорскому двору. Остатки тибетцев вторглись в округа Бинь[чжоу] и Нин[чжоу]. Пограничный генерал-губернатор Сюэ Хунцзун дал им отпор. Как раз в это время Буку Чин имел большое сражение с тибетцами, обезглавил [Зан] Конбзера и голову препроводил в столицу»¹.

«Весной, во втором месяце [7-го года «Сянь-тун»] (19.02.—20.03.866), Чжан Ичао, пограничный генерал-губернатор в воеводстве Гуйи, докладывал императору, что предводитель уйгуров из Бэйтина (Бешбалика) Гу-цзюнь (Пугу Цзюнь / Буку Чин) покорил Сичжоу (Турфан), Бэйтин, Луньтай (район к востоку от современного г. Урумчи), Цинчжэнь (в районе Манаса или Хоргоса) и другие города»².

Известная тенденциозность китайских источников, а, в особенности то, что информация о событиях, связанных с выступлением Зан Конбзера, исходила, скорее всего, от самого Чжан Ичао, ставит вопрос об истинных взаимоотношениях Чжан Ичао и Буку Чина. Этот вопрос разными исследователями решался по-разному.

Так, Т. Мориясу писал, что мнение исследователей (Кувада Рокуро, Фудзиэда Акира, Абэ Такэо и других) едино в отношении невозможности того, чтобы «Чжан Ичао послал Буку Чина»³. Э. Пинкс также отрицала факт подчинения Буку Чина Чжан Ичао, говоря только о «поддержке китайцев»⁴. Категорически отрицал эту поддержку А. Г. Малявкин. Свою позицию

¹ Там же. С. 6108.

² 司马光。资治通鉴。北京，1956。第17册。第8113页。Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Бэйцзин, 1956. Т. 17. С. 8113.

³ 森安孝夫。ウイグルの西遷について。// 東洋学報。東京，1977。59册。1-2号。129頁。Мориясу Т. Уйгуру но сэйсэн-ни цуитэ // Тоё гакухо. Токио, 1977. Т. 59. № 1-2. С. 129.

исследователь аргументировал тем, что отсутствуют сообщения источников о контактах Танской Империи и Буку Чина, а отношения между ними, скорее всего, были враждебными¹.

Координация выступлений Чжан Ичао и Буку Чина со стороны Танского правительства действительно представляется невозможной. А вот подобная координация со стороны манихейской общины, с которой оба исторических деятеля, как показали дальнейшие события, были теснейшим образом связаны, сомнений не вызывает.

Участвовал ли в совместной борьбе с тибетцами Пан-хан? Прямых свидетельств источников об этом нет. Однако в условиях организованной манихейской общиной совместной борьбы с тибетцами остается непонятным, как сильнейшее из политических образований, поддерживаемых манихеями, могло остаться в стороне от этой борьбы. Конечно, Пан-хан мог быть в это время занят борьбой с карлуками за Кашгар, но, учитывая особое внимание, которое он, как видно из китайских источников, уделял восточному направлению своей политики и отношениям с Китаем, его неучастие в борьбе с тибетцами все равно выглядит странно. Кроме того, именно участие Пан-хана в борьбе против Зан Конбзера наиболее ясно и непротиворечиво объясняет возникновение Уйгурского каганата в Ганьсу, появившегося, словно из ниоткуда, в нач. X в.

В исследовательской литературе, посвященной проблемам истории Уйгурского каганата в Ганьсу, широко распространенным является мнение о том, что именно Пан-хан был основателем этого государства². Однако

⁴ Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960—1028). Wiesbaden, 1968. S. 65.

¹ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 133–134.

² Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам). СПб., 1899. С. 98. Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in der frühen Sung-Zeit (960–1028). Wiesbaden, 1968. S. 66. 羽田亨。唐代回鶻史の研究。// 羽田博士史学论文集。京都, 1957。267, 268 頁。Ханэда Т. Тодай уйгуру си-но кэнкю // Сборник трудов проф. Ханэда Тору. Т. I. Исторические работы. Киото, 1957. С. 267, 268. Исиев Д. А. Образование феодальных

некоторые исследователи отрицают его участие в формировании государства ганьчжоужских уйгуров¹. А.Г. Малявкин считал, что в текстах источников, подтверждающих участие Пан-хана в борьбе за Ганьсу, допущены ошибки². В подтверждение обеих версий приводятся следующие отрывки из китайских источников:

«Все еще некоторое количество айлов укрывалось, рассеявшись в горах и дремучих лесах; они занимались грабежом различных варварских племен и все помыслы обращали на запад, надеясь на приход Панлэ (Пан-хана) из Аньси. Панлэ тем временем сам объявил себя каганом и владел городами к западу от песчаной степи. Однако позднее его наследники ослабли, а придворные усилились. Уйгуры, жившие в Ганьчжоу, уже не достигли того процветания, как в древности»³.

«Оставшиеся айлы укрылись в горах и лесах, жили грабежом различных варварских племен. Постепенно уходили к Пан-тегину. В это время тегин уже объявил себя каганом, жил в Ганьчжоу и владел городами к западу от пустыни»⁴.

«Все еще некоторое число айлов скрывалось в горах и лесах, грабили различные варварские племена. [Вождь] отдельного племени [уйгуров] Панлэ

государств // Краткая история уйгуров. Алма-Ата, 1991. С. 163. 安部健夫。西ウイグル国史の研究。京都，1955。261 - 264 頁。Абэ Т. Ниси уйгуру кокуси-но кэнкю。Киото，1955。С. 261-264.

¹ 森安孝夫。ウイグルの西遷について//東洋学報。東京，1977。59 册。1 - 2 号。107 頁。Мориясу Т. Уйгуру но сэйсэн-ни цуитэ // Тоё гакухо。Токио，1977。Т. 59。№ 1-2。С. 107。孙楷第。沧州集。北京，1965。第 2 册。第 522、523 页。Сунь Кайди。Цанчжоу цзи。Бэйцзин，1956。Т. 2。С. 522, 523.

² Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 197.

³ 劉昫。旧唐书。北京，1975。第 16 册。第 5215 页。Лю Сюй。Цзю Тан шу。Бэйцзин，1975。Т. 16。С. 5215.

⁴ 欧阳修。新唐书。北京，1975。第 19 册。第 6133 页。Оуян Сю。Синь Тан шу。Бэйцзин，1975。Т. 19。С. 6133.

(Пан-тегин) раньше обосновался в Аньси и уже сам назвал себя каганом. Живя в Ганьчжоу, управлял городами к западу от пустыни»¹.

А.Г. Малявкин полагал, что в «Цзю Тан шу» в одном сообщении были механически соединены в один текст два сообщения: о Пан-тегине и об уйгурах Ганьчжоу, а составители «Синь Тан шу» интерпретировали данный факт по-своему, добавив в текст собственное толкование².

А. Г. Малявкин считает создателями Уйгурского каганата в Ганьсу уйгуров, до и после распада Орхон-Уйгурского каганата попавших в зависимость от Тибета и расселенных на контролируемых тибетцами территориях Ганьсу, Исследователь условно относит время создания Уйгурского каганата в Ганьсу к 902 г.³ Представляется странным, что создание уйгурского государства в Ганьсу, правители которого носили высший в иерархии кочевых народов титул каган и принадлежали к династии Яглакар, было делом рук тех уйгуров, которых в китайских источниках именуют «рабами тибетцев».

Конечно, существует версия, что в создании Уйгурского каганата в Ганьсу принимали участие уйгуры кагана Уге, отступившие от Великой Китайской стены после разгрома их китайцами⁴. Но это, опять же, были немногочисленные группы беглецов, и если бы во главе их стоял представитель династии Яглакар, китайские источники не преминули бы упомянуть об этом. Поскольку такие упоминания отсутствуют, логичней всего было бы заключить, что во главе Уйгурского каганата в Ганьсу стояли

¹ 司马光。资治通鉴。北京，1956。第17册。第8032页。Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь. Бэйцзин, 1956. Т. 17. С. 8032.

² Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 197.

³ Там же. С. 57.

⁴ 冯家昇、程溯洛、穆广文。维吾尔族史料简编。北京，1981。上册。第49页。Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэрцзу ши шиляо цзяньбянь. Бэйцзин, 1981. Т. 1. С. 49.

потомки Пан-хана, а значит, он действительно пребывал в Ганьжоу и участвовал в борьбе с тибетцами.

Выступление Чжан Ичао против тибетцев началось еще в 851 г. Вскоре он уже сообщил танскому двору об освобождении от тибетцев огромной территории, включающей Ганьжоу (Чжанье), Сучжоу (Цзюцюань), Гуачжоу (Аньси), Шачжоу (Дуньхуан), Хэчжоу (Линься), Миньчжоу (Миньсянь), Кочжоу (Гуйдэ), Ичжоу (Хами), Сичжоу (Турфан), Шаньчжоу (район Синин — Лэду), Ланьчжоу. Было объявлено о воссоздании на этих территориях воеводства Гуйи, а Чжан Ичао был назначен его губернатором.

Несомненно, что Чжан Ичао не контролировал заявленные территории, имея полную власть, в лучшем случае, лишь над Дуньхуаном. Несомненно также и то, что танским властям был выгоден приход к власти в Ганьсу китайской администрации, поэтому власти Империи Тан охотно согласились «назначить» Чжан Ичао, что, по сути, было лишь подтверждением его власти. В то же время, особого доверия к Чжан Ичао в Чанъани не имели и не преувеличивали его заслуги перед империей. Биография Чжан Ичао отсутствует в официальных династийных историях и реконструируется только по дуньхуанским текстам, а сам он, во время визита к танскому двору в 867 г. был задержан и умер в Чанъани в 872 г.¹ Это является подтверждением его связи с манихейской общиной, т. к. это самая вероятная причина, по которой мог быть задержан «обладающий сверхъестественной военной доблестью инспектор армии».

«В 8-м году [«Сянь-тун»] (9.02.867—28.01.868) [Чжан] Ичао прибыл ко двору. Присвоено звание правый, обладающий сверхъестественной военной доблестью инспектор армии, пожалована усадьба и поля. Сын младшего брата [Чжан] Хуайшэнь остался управлять [воеводством] Гуйи. В 13-м году [эры правления Сянь-тун] (13.02.872—31.01.873) [Чжан Ичао] умер»².

¹ Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 33–40.

Таким образом, и Пан-хан и Чжан Ичао были участниками своеобразной «анти tibетской коалиции», созданной манихейской общиной. Однако наиболее интересен третий ее участник – Буку Чин. Ведь именно он считается основателем Гаочан-Уйгурского государства и родоначальником его правящей династии. О Буку Чине из китайских источников известно немного, только то, что он в 866 г. победил Зан Конбзера, занял Турфан и некоторые другие территории (см. процитированные выше отрывки из «Цзю Тан шу», «Синь Тан шу» и «Цзычжи Тунцзянь»). В 866 г. же прерываются торговые отношения между государством Пан-хана и Империей Тан. Очевидно, что между Пан-ханом и Буку Чином произошел конфликт, о котором китайские источники не сообщают. Этот пробел в полной мере восполняют сообщения арабо-персидских авторов.

Существует текст, хорошо известный, но до сих пор в должной мере не оцененный исследователями, который, тем не менее, содержит очень подробные сведения о Буку Чине и его конфликте с Пан-ханом. Это отрывок из сочинения Гардизи «Зайн ал-Ахбар»:

«В древние времена в роде тугузгуз-хаканов был человек по имени Күр-тегин. Мать его происходила из Китая; хаканом был брат Күр-тегина, мать которого была свободной женщиной. Брат захотел убить Күр-тегина, перерезал ему горло и бросил его в то место, где были их трупы. У Күр-тегина была мамка; она отнесла его к манихеям и отдала динаверийцам, чтобы они его вылечили; те стали лечить его рану, так что ему стало лучше. После этого он пришел в город Азал, столицу тугузгузского хакана, и скрывался там; некоторое время [друзья Күр-тегина] обманывали [его брата], наконец сказали о нем тугузгузскому хакану и смягчили его сердце, так что позволил брату прийти и оставил ему жизнь. К себе он его не допустил, но дал ему начальство над городом Пянджикетом. Там Күр-тегин усилился,

² 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6108 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6108.

склонил на свою сторону местных жителей, осыпал их милостями и ждал случая. Наконец он услышал, что тугузгузский хакан вышел на охоту; Күр-тегин собрал многочисленный отряд и напал на тугузгузского хакана. Когда они сошлись, началась битва; Күр-тегин одержал победу над войсками хакана; тугузгузский хакан бежал и заперся в крепости. Күр-тегин велел пустить воду на стены крепости; стены обрушились; Күр-тегин велел объявить помилование всем, которые будут просить о пощаде. Жители крепости были изнурены голодом, все они вышли и стали просить о пощаде; все получили помилование. Тугузгузский хакан остался в крепости; Күр-тегин послал своих людей в крепость задушить его; престолом хакана завладел Күр-тегин»¹.

Некоторые отечественные относились к данному тексту слишком критически. Еще А. Ю. Якубовский подчеркивал легендарный характер этого сообщения Гардизи². А. Г. Малявкин вообще отрицал ценность этого сообщения, полагая, что оно является легендой, и «совсем не обязательно в ее основе должен лежать наиболее крупный исторический факт, в данном случае, захват Буку Чином Турфанского оазиса»³. В то же время, например, японский ученый Т. Мориясу активно использовал этот текст для объяснения взаимоотношений между Панлэ-тегином и Буку Чином⁴.

Представляется, что в условиях критического дефицита источников по истории восточной части Таримской впадины, игнорировать, под в общем-то надуманным предлогом, столь информативный текст, как минимум,

¹ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 52.

² Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об Уйгурском турфанском княжестве в IX–X вв // Труды отдела истории, культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа. Л., 1947. Т. 4. С. 429.

³ Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 151.

⁴ 森安孝夫。ウイグルの西遷について//東洋学報。東京, 1977。59册。1–2号。121頁。
Мориясу Т. Уйгуру но сэйсэн-ни цуитэ // Тоё гакухо. Токио, 1977. Т. 59. № 1–2. С. 121.

неразумно. Конечно же, текст содержит некоторые легендарные подробности, но в содержательной части нисколько не противоречит китайским источникам. Известная мифологизированность вообще присуща текстам мусульманских авторов¹, но это не повод полностью отвергать их сведения.

Итак, источник сообщает очень ценные сведения о связи Күр-тегина (он же Буку Чин) с манихеями. Говорится о том, что он был назначен в Бешбалик Панлэ-тегином, и изначально не имел отношения к местным кочевникам, которых лишь впоследствии «милостями» привлек на свою сторону. Наконец, повествуется о центральном эпизоде войны с Пан-тегином – осаде его столицы – и его смерти.

«Күр-тегин» (по-тюркски күр – «смелый»², возможно, является настоящим именем Буку Чина. (仆固俊 «Пугу Цзюнь»). Китайское имя 仆固俊 «Пугу Цзюнь» состоит из фамилии 仆固 «Пугу»³, которая происходит от названия племени бокут⁴. 俊 «Цзюнь» - это имя, означающее «талантливый, выдающийся»⁵. Реконструкция тюркского имени «Буку Чин» предложена Д.Р.Гамильтоном⁶. Вероятно, имеется ввиду тюркское слово «чин», в значении «истинный», заимствованное из китайского языка 真 «чжэнь» с тем

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 299.

² Clauson G. An Ethymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 735.

³ Большой китайско-русский словарь. Москва, 1984. Т. 2. С. 713. 古代汉语字典。北京, 2004。第 612, 254 页。Гудай ханьйюй цзыдянь. Бэйцзин, 2004. С. 612, 254.

⁴ 田卫疆。高唱回鹘史稿。乌鲁木齐, 2006。第 46 页。Тянь Вэйцзян. Гаочан хуэйху шигао. Улумуци, 2006. С. 46. Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С.154.

⁵ Большой китайско-русский словарь. Москва, 1984. Т. 4. С. 126. 古代汉语字典。北京, 2004。第 418 页。Гудай ханьйюй цзыдянь. Бэйцзин, 2004. С. 418.

⁶ Hamilton J. R. Les Ouighours a l'epoque des Cinq dynasties d'apres les documents chinoise. P., 1955. P. 13–15, 142.

же значением¹. Представляется вполне правомерной расшифровка 俊 как «күр», таким образом имя первого правителя гаочанских уйгуров будет звучать по-тюркски как «Буку Күр». Однако в уйгуроведческой литературе имя «Буку Чин» является устоявшимся, и без более детального изучения вопроса менять его не стоит.

Более ясен вопрос со столицей кагана, это – город Карашар, который на санскрите назывался «Агни», на тохарском «Аркене», на сакском «Аргина»², а по-китайски «Яньци» (焉耆). В. В. Бартольд полагал, что ازل «Азал» – неверное написание тюркского ارل «Арал» («остров»), в Таримской впадине даже существует одноименное поселение, однако оно расположено не к востоку, а к западу от Кучи³. Наиболее справедливым будет предположение, что ازل – это искаженное написание названия ارک «Арк», имеющего значение «крепость» и являющегося персидской версией вышперечисленных местных топонимов⁴. Именно под таким названием фигурирует Карашар в «Худуд ал-Алам»⁵. Из описания осады города в «Зайн ал-Ахбар» можно сделать вывод о наличии вокруг него большого количества воды – это полностью соответствует Карашару, расположенному в дельте реки Кайду, недалеко от места ее впадения в озеро Бостан, в Таримской впадине сложно найти другую

¹ Clauson G. An Ethymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 424.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. С. 537.

³ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи «Зайн аль-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 54. Прим. 47.

⁴ См. также Бартольд В.В. Персидское «Арк» – «крепость», «цитадель» // Сочинения. Т. 4. М., 1971. С. 413–416.

⁵ Hudud al-‘Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. L., 1970. P. 94.

местность столь же богатую водой. Река, на которой стоит город Арк, упоминается и в «Худуд ал-Алам»¹.

У Джувейни в «Тарих-и джахангушай» («История завоевателя мира») есть раздел, повествующий о происхождении Гаочан-Уйгурского государства². Джувейни с самого начала оговаривается, что изложенное им в этом разделе основывается на «их книгах», а все «касающееся их веры и религии» служит для «удивления, а не для признания истинным»³. Свое недоверие истинности излагаемых им легенд автор проявляет и далее⁴. Из этого можно заключить, что данные сведения Джувейни являются изложением собственно уйгурской версии происхождения их государства, не видоизмененной домыслами рассказчика, что является особенно ценным.

Согласно этой легенде, основателем Уйгурского государства был чудесно родившийся из дерева Буку-хан. Он стал первым ханом уйгуров на Орхоне, подчинив себе все земли. Власть над миром ему дал волшебный камень, который ему вручили во сне люди в белых одеждах (в них нетрудно узнать манихеев). Он владел всеми языками и письменами и имел на службе трех воронов, которые также понимали все человеческие языки и служили ему шпионами. Ему же приписывается основание города Баласагун.

«После него (Буку-хана) заместителем хана стал один сын его. Племена и люди, бывшие из числа Уйгуров в ржании коней, реве верблюдов, вое и лае хищных зверей и собак, мычании коров, блянии овец, щебетании птиц и плаче детей слышали зов «кӧч-кӧч» (т. е. перебирайся, перебирайся), и они

¹ Ibid.

² The History of the World Conqueror by 'Alâ-ad-Dîn 'Atâ-Malik Juvainî. Manchester, 1958. V. I. P. 53–61. Из Тарих-и джахангушай Джувейни. Рассказ об идикуте и странах Уйгуров сообразно с их мнением // Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. СПб., 1893. С. 56–62.

³ The History of the World Conqueror by 'Alâ-ad-Dîn 'Atâ-Malik Juvainî. Manchester, 1958. V. I. P. 53.

⁴ Ibid. P. 60.

сдвигались с тех (своих) стоянок и во всяком месте, где они останавливались, тот же зов «кӧч-кӧч» достигал слуха их, до степи, на которой они построили Бэш-Балык: зов там замолк, и в том месте они остановились и построили пять кварталов и назвали Бэш-Балык, и мало по малу он стал местом широким и длинным. И с того времени потомки их были князьями, и своего князя называют они Идикут»¹.

В. В. Радлов предлагал считать «Буку-хан» искаженным «Бугра-хан» – обычным титулом Караханидов, причем делал из этого предположения далекоидущий вывод о том, что Караханиды были уйгурскими ханами, и, возможно, правители Гаочана были им подчинены². Сегодня хорошо известно, что Караханиды никогда не называли себя уйгурами, а слово «уйгуры» использовали для наименования своих восточных соседей в Гаочане³. Гаочанские уйгуры, в свою очередь, активно боролись против Караханидов, чем и снискали себе славу «племени враждебного и ненавистного исламу»⁴.

Не вызывает никакого сомнения, что «Буку-хан» из сочинения Джувеини – сильно мифологизированный образ основателя династии гаочанских идикутов Буку Чина. В этом образе слились уже к тому времени мифический Огуз-хан, ханы Орхон-Уйгурского каганата, Пан-тегин и сам Буку Чин. Здесь мы имеем генеалогическую легенду династии идикутов, аналогичную караханидским легендам об Афрасиабе (с ним, кстати,

¹ Из Тарих-и джахангушай Джувеини. Рассказ об идикуте и странах Уйгуров сообразно с их мнением // Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. СПб., 1893. С. 61–62.

² Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. СПб., 1893. С. 121.

³ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 140–141.

⁴ Из Тарих-и джахангушай Джувеини. Рассказ об идикуте и странах Уйгуров сообразно с их мнением // Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. СПб., 1893. С. 61.

отождествляет Буку-хана Джувейни)¹ и даже в большей степени о Сатук Бугра-хане.

Требуют детального рассмотрения слова Гардизи о том, что в Бешбалике «Күр-тегин усилился, склонил на свою сторону местных жителей, осыпал их милостями и ждал случая»². Кто подразумевается под «местными жителями» в окрестностях Бешбалика? Прежде всего, в «Синь Тан шу» есть упоминание о некой очень многочисленной группе племен, отличной от бежавших с Пан-тегином, обосновавшейся в районе горного хребта Богдо.

«После эры правления Дали (766–780) карлуки усилились и переселились на реку Суйе, две фамилии (желтые и черные тюргеши) пришли в упадок и подчинились карлукам. Остатки племени [Ашина] Хусело присоединились к уйгурам. Когда они (уйгуры Уйгурского каганата.) были уничтожены, Тэпанлэ (Пан-тегин) поселился в крепости Яньци (Карашар), именовался ябгу. Остальные племена (Уйгурского каганата) удерживали хребет Цзиньсо (хребет Богдо, один из хребтов восточной оконечности Тянь-Шаня), количество народа доходило до 200 000»³.

Двести тысяч человек – это очень крупная группа кочевников, она была как минимум сопоставима с группой племен Пан-тегина. А.Г. Малявкин считал их телесскими племенами из западной части бывшего Орхон-Уйгурского каганата, он полагал, что они, вероятнее всего, были эдизами⁴. На этом основании исследователь категорически отрицал значительное участие уйгуров в формировании Гаочан-Уйгурского государства. Более того, по его мнению, даже Орхон-Уйгурский каганат был «конфедерацией телесских

¹ The History of the World Conqueror by 'Alâ-ad-Dîn 'Atâ-Malik Juvainî. V. I. Manchester, 1958. P. 54.

² Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 52.

³ 欧阳修。新唐书。北京, 1975。第 19 册。第 6055 页。Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 6055.

⁴ Малявкин А.Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 131, 133–134.

племен», а этноним «уйгуры» был перенесен китайскими историографами на все население каганата, которое «уйгурами» себя вовсе не называло. Однако самым парадоксальным представляется утверждение о том, что «участие собственно уйгуров в этногенезе современного населения Синьцзян-Уйгурского района было самым минимальным, поэтому этноним уйгур и не получил распространения в этом районе»¹.

Действительно, предки современных уйгуров не пользовались этнонимом «уйгур» до нач. XX в. Но связано это не с участием в этногенезе «собственно уйгуров», а с тем, что современные уйгуры унаследовали культурно-историческую традицию от Караханидского каганата, а не от Гаочан-Уйгурского государства. Уйгуры же Гаочана назывались «уйгурами» не только в китайских источниках, но и у такого предельно осведомленного о положении дел в Таримской впадине автора, как Махмуд Кашгарский², а в постмонгольскую эпоху мусульманские авторы применяли этноним «уйгуры» не реже китайцев, и он полностью вытесняет из употребления устаревший этноним «токкуз-огузы». Кроме того, в Турфане был найден текст местного происхождения, в которых тюркский язык государства назван «уйгурским»³.

А. Г. Малявкин также полагал, что данные племена были вытеснены с территории западной части бывшего Уйгурского каганата кыргызами⁴. Учитывая вышеотмеченные климатические изменения в Великой Степи, данная гипотеза представляется излишней. Кочевники, вне зависимости от племенной принадлежности, были вынуждены оставить более непригодную для ведения хозяйства степь, и были «задвинуты» в предгорья Тянь-Шаня, где

¹ Там же. С. 169–171.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 140–141.

³ Radloff W., Malov S. *Suvarnaprabhasa. Das Goldglanz-Sutra*. SPb., 1913–1917. С. 343.

⁴ Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 162.

находились в очень сложных взаимоотношениях с местным оседлым населением.

Известно, что тюркизация Турфана не была результатом одной лишь миграции населения Уйгурского каганата. Это был сложный процесс, проходивший в несколько этапов, в котором лишь завершающей фазой было создание Гаочан-Уйгурского государства. Одним из промежуточных результатов процесса тюркизации было формирование тюркоязычного народа, проживавшего в окрестностях Бешбалика – басмылов. Само слово «басмыл» означает «метис», т. е. это был народ, возникший от смешения местного оседлого населения с тюрками-кочевниками¹. Махмуд Кашгарский упоминает о том, что у басмылов наряду с тюркским языком, которым они хорошо владели, был еще и свой язык.² Именно правитель басмылов носил титул «идикут», впоследствии унаследованный гаочанскими уйгурами³.

Вероятно, в этот беспокойный регион, населенный несколькими племенами, находящимися на разных ступенях оседлости и конфликтующими между собой, Буку Чин был направлен в качестве «елчи» – посла-управителя⁴, представителя верховной власти Пан-хана. Это предположение вполне вписывается в картину, изображенную у Гардизи: случайно выжившему нелюбимому родственнику Пан-хан поручил сложную и очень опасную работу, видимо надеясь, что Буку Чин погибнет. Это вполне соответствует тюркским политическим традициям, идущим еще от Хуннской

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 44. Бартольд В. В. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 276.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 70.

³ Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 207. Бартольд В.В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 580.

⁴ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 169.

державы. Считать Буку Чина правителем местного происхождения, как это делает А. Г. Малявкин¹, нет никаких оснований.

Несмотря на вышесказанное, Буку Чину удалось укрепиться в районе Бешбалика. Гардизи сообщает, что он «склонил на свою сторону местных жителей» и «осыпал их милостями», однако для того, чтобы «осыпать милостями» кочевников, требовался существенный финансовый ресурс. Откуда он мог взяться у правителя Бешбалика, к тому же находящегося в весьма натянутых отношениях с верховным ханом? Тут снова необходимо упомянуть силу, которая располагала огромными деньгами и необходимой политической волей для поддержки Буку Чина – манихейскую общину.

Интересно, что сердце центральноазиатского манихейства находилось именно в регионе, который одним из первых стал целью Буку Чина – в Гаочане. В Гаочане находилась резиденция главного из двенадцати «архиепископов» (можаков) манихейской церкви. В 719–732 гг. был еще один можак в Лояне, но после его изгнания власть гаочанской кафедры стала безраздельной. Даже в эпоху, когда манихейство являлось государственной религией Орхон-Уйгурского каганата, в столице – Ордубалике – не было своего можака, а главой манихейской церкви государства был «ученик» гаочанского можака².

Всецело контролируя Пан-хана и используя его в борьбе с тибетцами в Таримской впадине и в Ганьсу, манихейская община, тем не менее, рассматривала и других кандидатов на ханский престол. Буку Чин, по сведениям Гардизи изначально теснейшим образом связанный с манихеями, мог оказаться для манихейской общины более подходящим вариантом.

Так возникло Гаочан-Уйгурское государство, на первом этапе своего существования полностью, хотя и в чуть меньших масштабах,

¹ Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 160.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 354–355.

воспроизводившее религиозно-политическую ситуацию в Орхон-Уйгурском каганате. Одновременно у манихейской общины оставался запасной вариант – уйгуры Ганьсу. Если они имели отношение к Пан-хану, и между ним и Буку Чином изначально существовал какой-то конфликт, то этот конфликт был оперативно погашен, что и стало залогом дружбы между турфанскими и ганьсуйскими уйгурами на протяжении всего существования государства последних. В обоих государствах манихеи были у власти и совместно контролировали важнейший участок Великого шелкового пути. Участие манихеев в уйгурских торговых караванах неоднократно упоминается в китайских источниках.

Символизировала установившийся режим манихейской теократии предельно сакрализованная фигура идикута. Сам титул «идикут», в форме «идук кут» употреблялся еще в орхонских надписях по отношению к правителю басмилов¹. Он переводится как «священное счастье», причем слово «счастье» («кут») имело смысл также удачи-харизмы достойного правителя. Это же слово «кут» используется и в «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского². Связь в одном титуле божественного начала («идук») и ключевого в тюркской концепции власти понятия удачи-харизмы («кут») говорит о сакрализации правителя. По сообщению Гардизи даже конь идикута был объектом поклонения для его подданных³.

Гардизи также описывает ближний круг идикута, его дружину. По словам персидского автора, ее численность составляет 1 тысячу мужчин и 400 женщин. Эти люди три раза в день пируют и пьют виноградное вино в присутствии правителя. Им позволяется уносить с собой столько пищи,

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 50.

² Кононов Н.А. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. С. 497

³ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 52.

сколько они хотят¹. Видимо, эта же тысяча человек составляет гвардейский отряд правителя такой же численности, описывается, что они «носят панцири, кольчуги и сражаются копьями»².

Интересно, что Гардизи пишет: «простой народ весь состоит из степняков, живущих в шатрах», т. е. оседлое население окрестностей Бешбалика (а, описывая тугузгузов-уйгуров, он говорит исключительно об этих территориях, Турфан и другие оазисы автор описывает отдельно) он просто не замечает. Это хорошо соответствует обстановке того времени, когда огромные массы кочевников были изгнаны природой из родных степей в предгорья Тянь-Шаня – немногочисленное местное оседлое население казалось на их фоне совсем незаметным³.

«Зайн ал-Ахбар» Гардизи, вообще – самое информативное из мусульманских сочинений посвященных уйгурам в данную эпоху. Даже «Худуд ал-Алам», являющийся в других отношениях ценнейшим источником, здесь существенно ему уступает. От Гардизи мы узнаем, что правитель тугузгузов был динаверийцем (манихеем), хотя в его владениях были «христиане, дуалисты и буддисты»⁴. В описании Чинанджжета (города Гаочан) говорится: «около ворот правителя местности ежедневно собираются 300 или 400 человек из динаверийцев, громким голосом читают сочинения Мани, входят к правителю, приветствуют его и возвращаются»⁵. Описание Гаочан-Уйгурского государства в сочинении Гардизи подтверждает предположение о манихейской теократии, имевшей опору преимущественно

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 53.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Бартольд В. В. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 53.

среди уйгурской элиты, и поэтому вынужденной сосуществовать с более популярными среди народа религиями.

До самого нач. IX века происходило быстрое усиление обоих государств, контролируемых манихейской торговой теократией: Гаочан-Уйгурского и Ганьсу-Уйгурского. Сохранилась уйгурская храмовая надпись, в которой упоминается правитель Алп Арслан Кутлуг-кюл-бильгя-тенгри-хан, и сказано, что его власть простиралась от Шачжоу (Дуньхуана) до Нуча (Шаша) и Барсхана (берег оз. Иссык-Куль). Сомнительно, что в условиях существования Караханидского каганата в западной части Таримской впадины, границы Гаочан-Уйгурского государства могли простираться столь далеко на запад, однако это хорошо отражает геополитические претензии государства. Надпись датируется 17 марта 899 г.¹ Похожие территориальные претензии Гаочан-Уйгурского государства позднее фигурируют в отчете сунского посла Ван Яньдэ².

Следует полагать, что к нач. IX в. манихейская теократия настолько укрепилась в обоих уйгурских государствах, что попыталась открыто вмешаться в дела Китая: «Летом в четвертом месяце 2-го года [эры правления Тянь-фу] в день синь-чоу (05.06.902) уйгуры прислали посла с данью и просили [разрешить] двинуть войска для оказания помощи. Император приказал члену академии Ханьлинь Хань Во, получающему указания непосредственно от императора, дать разрешение в ответном послании. В день исы (09.04.902) Хань Во докладывал императору: «У дикарей звериные сердца, нельзя доверять им. Увидя, что в стране имеются прекрасные люди и вещи, а укрепления городов находятся в запущенном состоянии, тяжелые войска (латники) – в состоянии упадка, у них обязательно возникнет

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 365.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

пренебрежительное отношение к Срединному государству и появится алчность. Кроме того, со времени эры правления Хуэйчан (841–846) уйгуры были разгромлены Срединным государством, и надо опасаться, что они, воспользовавшись случаем, отомстят. В послании к кагану надлежит дать указ относительно мелких вторжений и не разрешать приходить для оказания помощи. Понимая их ложные и бесстыдные помыслы, необходимо пресечь их планы». Император согласился с этим»¹.

Упоминание титула «каган» свидетельствует о том, что о внутрикитайские дела попытались вмешаться ганьсуйский уйгуры. Такая версия разумна и с точки зрения географии, поскольку именно ганьсуйские уйгуры находились в непосредственной близости к Танскому Китаю, совершенно необоснованным представляется приписывание этой попытки вмешательства гаочанским уйгурам². Империя Тан в данный период находилась в катастрофическом состоянии. Она доживала свои последние годы, агонизируя в борьбе с последствиями восстания Хуан Чао. Вмешательство уйгуров могло бы спасти династию, но поставило бы ее в тягчайшую зависимость от уйгуров и манихейской общины, воспроизведя, таким образом, ситуацию времен Орхон-Уйгурского каганата.

Несмотря на очевидные успехи манихейской теократии, основной проблемой для Гаочан-Уйгурского государства на протяжении почти столетия с момента его образования были взаимоотношения манихейства и буддизма. Буддизм к этому моменту уже около тысячи лет преобладал в Турфанском оазисе, как и в остальных оазисах Таримской впадины. Здесь было множество богатых монастырей и монахов, активно осуществлялся перевод буддийских текстов с санскрита на местные языки.

¹ 司马光。资治通鉴。北京，1956。第17册。第8573–8574页。Сыма Гуан。Цзычжи тунцзянь。Бэйцзин，1956。Т. 17。С. 8573–8574。Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск，1974。С. 41。

² Исиев Д. А. Образование феодальных государств // Краткая история уйгуров. – Алма-Ата, 1991. С. 140–141.

Манихейство уйгуров периода Уйгурского каганата носило воинствующий характер, находясь в жесточайшем противоречии с буддизмом. Карабалгасунская надпись, ознаменовавшая принятие кочевыми уйгурами манихейства содержала следующие слова: «Мы были невежественны в прошлом и называли демона буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок»¹.

Воинствующий характер уйгурского манихейства продолжал сохраняться и после переселения уйгуров в Турфанский оазис и создания ими не его территории Гаочан-Уйгурского государства. Мухаммад ибн Исхак ан-Надим в своей книге «Китаб ал-Фихрист» сообщает следующую историю. Во время правления халифа ал-Муктадира (908–932) около пятисот манихеев тайно собрались в Самарканде, об этом стало известно хорасанскому эмиру, и он повелел их казнить. После этого «правитель Китая» (ан-Надим обоснованно считает его правителем токуз-огузов, т. е. уйгуров, совершенно очевидно, что никаких манихейских государств на территории Китая не существовало) сообщил ему, что в его владениях больше мусульман, чем манихеев во владениях эмира, и если эмир казнит хоть одного из манихеев, он уничтожит всех мусульман на территории своего государства. Хорасанский эмир был вынужден отпустить манихеев, ограничившись сбором с них дани².

Весьма распространено мнение, что буддизм сменил манихейство среди правящей верхушки Гаочан-Уйгурского государства как бы сам собой, что стало результатом постепенной ассимиляции пришлых уйгуров в среду оседлого населения оазисов. Анализ исторических событий явно приводит к тому, что постепенная ассимиляция, или лучше сказать взаимная интеграция кочевников и оседлых, была лишь фоном для драматических событий религиозного противостояния, не менее кровопролитных, чем события в

¹ Васильев В. П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Т. 3. СПб., 1897. С. 23.

² Kitab al-Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture. N.Y., 1970. P. 802–803.

западной части Таримской впадины, где примерно в это же время буддизм был вытеснен исламом.

В конце IX века произошла серия событий, которую невозможно истолковать иначе, как раскол внутри манихейской общины. В городе Шачжоу (Дуньхуане) важном экономическом и религиозном центре еще во 2 пол. IX в. к власти пришла династия Чжан. Первым правителем данной династии был вышеупомянутый Чжан Ичао. Он, как было показано, находился в тесной связи с манихейской общиной. Неудивительно, что в «Худуд ал-Алам» Шачжоу описывается как «богатое место, жители которого исповедуют веру Мани»¹.

Один из потомков Чжан Ичао, Чжан Чэнфэн был утвержден танской администрацией в качестве главы воеводства Гуйи и инспектора в округах Гуачжоу, Шачжоу (Дуньхуан), Ичжоу (Хами) и Сичжоу (Турфан) в 900 г.² В 905 г., воспользовавшись фактическим распадом Империи Тан, он объявил в Шачжоу о создании «Государства Золотых гор Западная Хань» и присвоил себе титул «Сын Неба, облаченный в белое». «Белые одежды» в данный период означали принадлежность к манихейству, а словосочетание «Золотые горы» указывало на «Золотые горы» (金山 Цзиньшань, хребет Богдо Ола), которые охватывали Турфанский оазис с севера. Это же словосочетание использовалось в качестве название танского наместничества, существовавшего в Турфане. Таким образом, Чжан Чэнфэн уже в своей титулатуре задекларировал приверженность к манихейству и претензии на территории, некогда контролируемые Империей Тан, а теперь находившиеся под властью уйгуров.

¹ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. L.1970. P. 85.

² 劉昫。旧唐书。北京，1975。第16册。第5215页。Лю Сюй。Цзю Тан шу。Бэйцзин, 1975. Т. 16. С. 5215.

В 906 г. началась борьба между Чжан Чэнфэном и уйгурами. Возникновение на территориях, контролируемых уйгурами очередного китайского царства, пусть и придерживающегося манихейства, не могло не вызвать активного противодействия ганьсуйских, а вероятно и гаочанских уйгуров. Определенная часть манихейской общины уже связала свое будущее с уйгурами и не желала становления китайской власти, другая же до сих пор питала определенные надежды на манихеизацию Китая путем приведения к власти проманихейской династии. Исторические прецеденты были: многие императоры и даже целые династии поддерживали буддизм в Китае, что неизменно приводило к расцвету буддийских общин.

Так или иначе, воинственные кочевники оказались решающим фактором, обеспечившим в 923 г. победу сторонникам уйгуров. При этом, Чжан Чэнфэн, понимая, что терпит поражение, попытался вступить в соглашение с тибетцами, но население Шачжоу взбунтовалось. Чжан Чэнфэн был свергнут, и его место занял Цао Ицзинь, который был согдийцем, а не ханьцем, и буддистом, а не манихеем. Цао Ицзинь положил начало дуньхуанской династии Цао, на всем протяжении своего правления поддерживающей буддизм.

Самая же интересная деталь в том, что дочь Цао Ицзиня, она же – сестра следующего правителя Шачжоу Цао Юаньчжуна, была супругой хотанского раджи Виша Самбхавы (правил в 912–966 гг.) и матерью следующего хотанского раджи Виша Шуры. Не исключено, что раскол внутри манихейской общины, гражданская война между манихеями и, в результате, приход к власти в Шачжоу пробуддийской династии Цао были организованы хотанцами – давними и последовательными сторонниками буддизма в регионе. То, что дуньхуанские политические события были предметом пристального внимания в Хотане, подтверждает хотанский документ,

представляющий собой отчет хотанского посланника в Шачжоу, направленный хотанскому радже¹.

Кардинальное изменение религиозно-политической ситуации в Шачжоу привело к постепенному изменению расстановки сил во всем регионе. Манихейство теряет свои прежние позиции, оставаясь важной, но уже не ведущей политической силой. Целенаправленная работа хотанских раждей и дуньхуанских правителей по отстранению манихейской общины от власти имела впечатляющие результаты. Если первое хотанское посольство к Сунскому двору еще сопровождал «манихейский учитель» (видимо, представитель ганьсуйских уйгуров), то последующие сопровождались исключительно буддийскими монахами². В 965 г. посольство уже гаочанских уйгуров возглавил буддийский монах Фаюань, преподнесший императору Сун зуб Будды³. В отчете посольства Ван Яньдэ манихейство только упоминается, основное внимание уделено буддийской общине⁴.

Говоря о причинах поражения манихейства в борьбе с буддизмом в Гаочане и Ганьсу, нельзя не отметить, что решающим недостатком уйгурского манихейства как религиозно-политической силы была узость его социальной базы. Еще в период Орхон-Уйгурского каганата манихейство исповедовал лишь правящий род и высшая аристократия. На жизни рядовых кочевников принятие манихейства в качестве государственной религии сказалось мало⁵.

¹ Bailey H. W. A Khotanese Text concerning the Turks in Kantsou // *Asia Major*. 1949. V. 1. P. 28–52.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14106, 14107页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14106, 14107.

³ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14110页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14110. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 88.

⁴ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

⁵ Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 2002. С. 465.

Такая же ситуация наблюдалась и после переселения уйгуров в Таримскую впадину. Манихейство не имело существенной опоры даже среди кочевников, а среди оседлого населения абсолютно доминировал буддизм. Поэтому единственным, что обеспечивало господство манихейства, была его близость к власти. Когда политические позиции манихейства пошатнулись, этого оказалось достаточно для того, чтобы буддизм перехватил инициативу. На следующем этапе своего развития Гаочан-Уйгурское государство предстает уже в качестве буддийской теократии.

§ 3. Хотан после распада Тибетской державы: особенности хотанской буддийской теократии¹

Государство Хотан сформировалось вокруг одноименного оазиса на южных склонах хребта Кунь-Лунь. Оно охватывало значительную территорию, включающую разнообразные ландшафты – горные, оазисные, степные, пустынные. Цепь оазисов, составлявшая ядро государства, орошалась небольшими реками и ручьями. Крупнейшими из рек были Юрункаш и Каракаш. Уже в начале н.э. Хотан стал одним из сильнейших государств и важнейших центров буддизма во всей Таримской впадине, пользующимся огромным влиянием далеко за пределами региона. Так, уже «Хань шу» описывает его как одно из крупнейших государств Таримской впадины, насчитывающее 3300 семей, 19300 чел. населения, и 2400 чел. войска.²

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично опубликованы автором в статье Желобов Д.Е. Ли Шэнтянь: рецепция китайской политической традиции в средневековом Хотане // Китай: история и современность: материалы VII международной научно-практической конференции. Екатеринбург 17–19 октября 2013 г. Екатеринбург, 2014. С. 98–103.

² 班固。汉书。北京, 2005。第三册。第 2861 页。Баньгу. Хань шу. Бэйцзин, 2005. Т.3. С. 2861.

С момента своего возникновения Хотанское государство было теснейшим образом связано с буддизмом. В известных легендах о возникновении Хотанского государства говорится о том, что первый его правитель был потомком Ашоки Великого – величайшего индийского царя-буддиста. В этих же легендах сообщается о непосредственном участии в создании государства бодхисаттвы Вайшраваны (он стал божественным покровителем самого города Хотан), бодхисаттвы Авалокитешвары, а также самого Будды Шакьямуни¹.

На основании сведений источников, в основном легендарного характера, возникновение Хотана и превращение там буддизма в государственную религию можно связать с торговой экспансией индийцев и сопутствующим ей распространением буддизма за пределы Индии. Сохранилось две версии легенды об обращении Хотана в буддизм. Одна сообщается китайским буддийским монахом Сун Юнем (宋云), посетившим Хотан в ходе путешествия за буддийскими книгами в Центральную Азию.

Согласно этой версии, некий купец приехал в Хотан вместе с бхикшу Вайрочаной. Они остановились под сливовым деревом. Хотанский правитель был недоволен их приездом, он явился к монаху и спросил, зачем тот приехал в его государство. Монах ответил, что Татхагата (Будда) отправил его просить у правителя, чтобы он воздвиг «полностью украшенную пагоду», посвященную Будде. Правитель сказал, что послушается Будды только в том случае, если тот явится перед ним. Вайрочана ударил в гонг, и Будда отправил Рахулу (своего сына), чтобы тот принял его облик и явился правителю. Правитель в восхищении пал ниц и велел воздвигнуть вихару под этим сливовым деревом и изготовить статую Рахулы².

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 38–40.

² Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. L., 1906. V. 1. P. LXXXVII–LXXXVIII.

Другая версия сообщается Сюаньцзаном в его «Записках о Западном крае» примерно через сто лет после путешествия Сун Юня. Согласно его версии архат приехал в Хотан из Кашмира и также расположился под деревом в лесу. Люди были очень удивлены его обликом и сообщили о нем правителю. После того, как правитель явился, архат рассказал ему о Будде и его учении. Правитель обещал, что если Будда явится ему, то он воздвигнет вихару и будет распространять буддизм. Архат сказал, что чудо свершится только после постройки вихары и приглашения монахов. Когда правитель сделал все это, недоставало только священного колокольчика для созыва монахов (гханча), правитель спросил, почему не является Будда. Архат ответил, что нужно иметь крепкую веру, тогда чудо свершится. После этого с небес спустился Будда и вручил правителю гханча, что укрепило его веру, и правитель стал распространять буддизм.¹

Тибетский текст «Пророчество о Гошринге» утверждает, что первой буддийской общиной в Хотане была «сангха ариев» на холме Гошринга. Согласно тибетским источникам принятие буддизма в Хотане произошло на пятом году правления раджи Виша Самбхавы, т. е. в 210 г. до н.э. Первыми из известных направлений буддизма в Хотане были сарвастивада и махасангхика². Обе содержали в себе существенные махаянистские тенденции.

Тем не менее, есть основания полагать, что первоначально махаяна не имела общего признания в Хотане и встечала сильное сопротивление еще хинаянистских школ. Так, древнейшая (II–III в. н.э.) из найденных в Хотане буддийских книг – написанная кхарошти «Дхармапада» – относится еще к хинаянистским книгам. Китайский монах Чжу Шисин (朱士行) около 260 г.

¹ Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. L., 1906. V. 2. P. 311–313. 玄奘。大唐西域记。桂林, 2007。第 189 页。Сюаньцзан. Да Тан Сиюй цзи. Гуйлинь, 2007. С. 189.

² Thomas F. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan. L., 1935. V.1. P. 117, 75–76, 105, 41, 117.

н.э. был первым, кто отправился на запад в поисках оригиналов священных буддийских книг. Изучив махаянистскую сутру «Праджняпарамита» в переводе юэчжийца Локакшемы (Чжилоуцзячэн 支婁迦讖), он узнал, что в Хотане существует ее более полный оригинальный текст, и решил доставить копию в Китай. Прибыв в Хотан, и сделав копию 90 глав «Праджняпарамиты» на бересте, он столкнулся с противодействием хинаянистов, которые пытались убедить хотанского правителя запретить китайскому монаху вывоз этой «вредной брахманистской книги». Для того, чтобы избежать запрета, монах якобы подверг свою копию огненному испытанию, и книга вышла из огня невредимой. В 282 г. ученик Чжу Чисина доставил текст сутры в Китай, где в 291 г. хотанец Мокшала, индиец Чжу Шулань (Шукларатно) и два их китайских помощника перевели его на китайский язык¹.

Борьба между различными течениями буддизма была естественна в условиях практически полного отсутствия конкуренции со стороны иных религиозных объединений. Частое посещение хотанскими буддистами Китая и китайскими монахами Хотана говорит о том, что уже в этот ранний период буддийская община Хотана взяла под контроль торговые магистрали формирующегося Великого Шелкового пути, и буддийские монахи сопровождали торговые караваны в обоих направлениях. В борьбе друг с другом буддийские школы активно использовали государственную власть хотанских правителей, и это свидетельствует о том, что теократические тенденции были характерны для Хотана с самого начала его истории.

Махаяна одержала полную победу в борьбе с хинаяной. Уже в 296 г. хотанец Гитамитра прибыл в Китай с другой копией «Праджняпарамиты» на санскрите. В нач. V в. в Хотан для изучения дхьяны и махаянских сутр отправился еще один китайский монах Цзюйцюй Цзиншэн (沮渠京聲).² В

¹ Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. Leiden, 2007. P. 61–63.

² Bailey H. W. Gaustana – the Kingdom of the Sakas in Khotan // Bailey H. W. Indo-Scythian Studies: Being Khotanese Texts. N.Y., 1961. V. 1. P. 16.

«Пророчестве о Гошринге» говорится, что в монастырях Хотана распространены сутры «Праджняпарамита», «Махасамнапата», «Буддхаватамсака», «Ратнакутасутра». Все это – сутры махаяны. Там же сообщается, что Хотан является «убежищем великих бодхисаттв», а его народ идет по пути бодхисаттв, исповедуя махаяну. В «Пророчестве о стране Ли» число махаянистов в Хотане образно сравнивается с числом волос на всем теле лошади, а хинаянистов – с числом волос на ее ухе¹.

Китайский монах Фасянь, во время паломничества в Индию прошедший три месяца в Хотане в 401 г., в своих «Записках о буддийских странах» (佛国记) тоже сообщает, что в Хотане все жители очень богаты и все без исключения буддисты, количество монахов огромно (несколько десятков тысяч), и они в большинстве следуют учению махаяны. Монахи снабжаются пищей и всем необходимым. Есть специальные гостиницы для монахов из других стран. В Хотане было четырнадцать больших монастырей и множество малых. Сам Фасянь со своим спутником остановился в монастыре Гомати, где проживало три тысячи монахов. Фасянь также упоминает другой крупный монастырь. Он был закончен в 391 г., строительство продолжалось восемьдесят лет, за это время сменилось три правителя. Монастырь описывается как здание около девяноста метров высотой, с роскошно украшенными залами и монашескими кельями².

Начиная с VI в. в Хотане существует уже оформленная теократическая система. Это подтверждают китайские исторические сочинения. Так, «Чжоу шу» и «Бэй ши» сообщают, что в Хотане «традиционно ценят буддийский закон, очень много монастырей, ступ, монахов и монахинь», «правитель верит особенно истово, постоянно соблюдает дневной пост, лично жертвует пищу»³. Основателями и распространителями буддизма в Хотане были правители, они

¹ Thomas F. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan. L., 1935. V. 1. P. 30, 31, 311.

² Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World. L., 1906. V. 1. P. XXV–XXVII.

строили храмы и монастыри, принимали участие в религиозных церемониях и диспутах.

Особенно подробные сведения о Хотане содержатся в «Записках о Западном крае Великой Тан» (大唐西域记) Сюаньцзана (玄奘)¹. Он посетил Хотан в 644–645 гг. и оставленные им сообщения также подтверждают исключительную роль буддизма и его тесную связь с государственной властью. Правитель, по словам Сюаньцзана «сам о себе говорит, что он дальний потомок небожителя Вайшравана». Сюаньцзян описал несколько роскошных буддийских монастырей в окрестностях Хотана. Так, на расстоянии 10 ли к югу от города находился большой монастырь, построенный прежним правителем в честь Вайрочаны. В 10 ли к юго-западу от Хотана располагался монастырь Дицзяпофона, в котором была большая фигура стоящего будды, изготовленная в Куче. В городе Боцзян (Бхагья) располагался построенный хотанским правителем монастырь, где находилась привезенная из Кашмира статуя сидящего Будды. На голове статуи был прикреплен сверкающий драгоценный камень. В находящемся на расстоянии в 5–6 ли к западу от Хотана монастыре Самоджо (Самаджня) была выстроена ступа высотой около 30 метров. Монастырь Луши в 5–6 ли к юго-востоку от Хотана была основана женой прежнего правителя. В городе Пхема в 30 ли к востоку от Хотана Сюаньцзан видел статую стоящего Будды из сандалового дерева, которая якобы была изготовлена в Индии еще при жизни Будды и чудесным образом перенеслась в Пхему². Во время своего пребывания в

³ 令狐德棻。周书。北京，1971。第3册。第917页。Линху Дэфэнь。Чжоу шу。Бэйцзин，1971。Т.3。С.917。李延寿。北史。北京，1974。第10册。第3209页。Ли Яньшоу。Бэй ши。Бэйцзин，1974。Т.10。С. 3209。

¹ 玄奘。大唐西域记。桂林，2007。198页。Сюаньцзан。Да Тан Сиюй цзи。Гуйлинь，2007。198 с。Si-yu-ki。Buddhist Records of the Western World。L.，1906。2 v。

² 玄奘。大唐西域记。桂林，2007。第187 - 189，190 - 191，192页。Сюаньцзан。Да Тан Сиюй цзи。Гуйлинь，2007。С. 187–189，190–191，192。Si-yu-ki。Buddhist Records of the Western World。L.，1906。V. 2。P. 313–315，316–319，322。

Хотане Сюаньцзан толковал местным буддистам шастры «Йогачарьябхуми», «Абхидхармасамуччая», «Абхидхармакоша» и «Махаянасанграха», переведенные им на китайский язык. Ежедневно собиралось более тысячи слушателей, в т. ч. приходил даже сам правитель Хотана¹.

О влиянии буддийской сангхи на жизнь хотанского общества наиболее красноречиво говорит ее многочисленность. Согласно «Пророчеству о стране Ли» (предположительно VIII–IX вв.) только в одной из областей Хотанского государства было 68 крупных монастырей, 95 средних и 1148 малых, а численность сангхи достигала 10 тысяч человек².

Буддийская сангха сплачивала очень разнообразное в этническом смысле население Хотанского государства. С нач. н.э. на территории Хотанского государства фиксируются семь этнических групп. Самой многочисленной из них были иранцы, говорившие на восточноиранском языке условно именуемом хотано-сакским. Второй по численности группой населения, по всей видимости, были выходцы из Индии, оказавшие значительное влияние на экономику, культуру и религию Хотана. Начиная с эпохи Хань, в Хотане утвердились китайцы. Многочисленные китайские названия административных должностей в хотанских документах свидетельствуют о большой роли китайцев в государственном аппарате Хотанского государства. В VI–VII вв. в Хотан начинают проникать тюрки. В VIII–IX вв. Хотан подчинился тибетцам, вытеснившим китайскую администрацию. К тому моменту в хотанском обществе уже существовала существенная прослойка тибетцев³.

¹ Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюаньцзана. М., 1980. С.133, 137.

² Thomas F. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan. V. 1. P. 134–135.

³ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 41.

Основу могущества Хотанского государства составляли контроль над южным трактом Великого Шелкового пути – «Наньлу», богатейшие месторождения нефрита и успешно развивавшаяся на протяжении около тысячи лет буддийская культура. Хотанские правители умело использовали силы китайских империй и степных кочевников в борьбе с другими государствами-оазисами, такими как Куча, Гаочан и Кашгар за политическое и экономическое преобладание в регионе. Вступая в стратегический союз с той или иной внешней силой, Хотан часто попадал от нее в зависимость, однако, эта зависимость ограничивалась большей частью формальным подчинением, не затрагивая ни политическое, ни экономическое, ни культурное своеобразие страны. Чаще всего Хотан оказывался в культурном смысле сильнее своего недостаточно развитого или же весьма отдаленного географически «покровителя», в свою очередь, сам оказывая на него сильное влияние. Последним из таких союзов было подчинение Хотана Тибетской империи.

Тибетская империя в период своего расцвета удерживала под своей властью значительную часть Центральной Азии, на равных противостоя Империи Тан, Арабскому халифату и Орхон-Уйгурскому каганату. В этой борьбе Хотан занял сторону Тибета, ни в одном из источников не упоминается о каком-либо тибето-хотанском конфликте, зато по «Синь Тан шу» хорошо известен совместный поход тибетской и хотанской армии в 670 г., в ходе которого союзники взяли г. Куча¹. Очевидно, что сотрудничество Хотана с Тибетской империей носило взаимовыгодный характер, причем хотанские буддисты умело направляли тибетскую экспансию в нужную им сторону.

Сохранился также собственно хотанский текст (MtbII 0065), найденный А. Стейном в Мазартаге, повествующий о «призвании» тибетцев: «В

¹ 欧阳修. 新唐书. 北京, 1975. 第 19 册. 第 2861 页. Оуян Сю. Синь Тан шу. Бэйцзин, 1975. Т. 19. С. 2861.

прекрасные времена, когда в мире настала Благословенная калпа (Бхадрракальпи), родился щедрый бог, который [получил имя] Виша Киртта из-за обилия своих достоинств. Благодаря достоинствам царя здесь наступило полное изобилие. Затем, благодаря тому, что самые лучшие из тибетцев (ттагуттьяу хваштьяу) взяли под [свое] верховенство земли Хотана, он [славно] процарствовал [еще] шесть лет. Он пользовался большим уважением. По причине того, что он почитал духов-защитников (парипалака), ради возвышения [дхармы] пригласил он, веруя, с любовью, на Холм (Гири, современный Мазартаг) двух учителей-ачарья, в то время, в начале месяца ррахаджа (четвертого месяца зимы). [Он повелел] ради блага страны подвергнуть себя строгим испытаниям в аване в течение одного года, не нарушив того [убеждения], что все трудности можно преодолеть»¹. Из данного текста понятно, что буддийская община имела непосредственное отношение к подчинению Хотана Тибетской империи.

В 842 г. Тибетская империя распалась, не выдержав излишнего территориального расширения и внутренней религиозно-политической борьбы. Власть тибетцев на контролируемых ими территориях Центральной Азии исчезла постепенно. Считается, что Хотан полностью освободился от тибетцев в середине IX в. Вся полнота политической власти вернулась к представителям хотанской династии Виша (хотано-сакский; санскрит Виджая «Победители»).

В «Худуд ал-Алам», в отличии от Кашгара и северной части Таримской впадины, Хотан упоминается не в описании тюркских племен и их земель, и не в описании Тибета, а в повествовании о территориях Китая. Согласно источнику, город находится между Китаем и Тибетом². Согласно «Сун ши», Хотанское государство на юге граничило с Тибетом, на северо-востоке – с

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 50. Англ. перевод см. Skjærvø. P. Iranians, Indians, Chinese and Tibetans: the Rulers and Ruled of Khotan in the First Millenium // The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith. Chicago, 2005. P. 35-36.

Кашгаром (часть Караханидского каганата), а на юго-западе доходило до Памира. Этот же источник сообщает, что протяженность государства с запада на восток составляет три тысячи ли, и тысячу ли от столицы, до Кашгара. Сообщается, что в государстве протекают три реки: на востоке от столицы – «Река белого нефрита», на западе – «Изумрудная река», еще дальше к западу – «Река черного нефрита»¹. Границы Хотанского государства, по-видимому, простирались от Карашара, принадлежавшего Гаочан-Уйгурскому государству, до Карглика, бывшего владением Караханидов, что примерно соответствует указанным в источнике расстояниям.

Хотанское государство на протяжении своей истории имело разные названия. Первое из них – «Хватана», которое впоследствии претерпело следующие фонетические изменения: «Хватана» – «Хватам» – «Хвамна» – «Хвана» – «Хвани» – «Хвам-кшира» (сложное слово «Хотанская земля»). Этимологию слова «Хватана» Г. Бэйли возводит к корню «хва-» («свой, собственный») или к «хвата» («чей-нибудь собственный»). Были попытки возвести слово «Хватана» к хотано-сакскому «хийе» («собственник»), хийауда («господин») и «хотана» («сильный»)². По мнению М. И. Воробьевой-Десятовской, «Хватана» – название южных оазисов Таримской впадины еще до прихода туда саков. Однако, не исключено, что это – название одного из сакских племен³.

В буддийских санскритских текстах Хотан именуется «Гаустана» или «Гостанадеша», эти названия имели народную этимологию «Грудь земли». В литературном санскрите официальное название Хотана было – «Гостана»,

² Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. L., 1970. P. 85.

¹ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14106页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14106.

² Bailey H. W. The culture of the Sakas in ancient Iranian Khotan. N.Y., 1982. P. 3.

³ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 41.

возможно, первый элемент названия – древнее индоевропейское слово со значением «корова». Китайское название Хотана – «Юйтянь» (于阗), которое как верно отмечал П. Пелью¹, никогда не писалось через иероглиф 玉 (юй, «нефрит»), по-видимому, являлось фонетической транскрипцией слова «Гостана», появившейся еще в древности².

По данным китайских исследователей Чжан Гуанда и Жун Синьцзяна еще известных названия Хотанского государства относятся к следующим периодам: «Йсарнаи-бада» («Золотая страна») 851 – предположительно 917 гг., «Ттайипу куха джинаве» («Страна Великой Драгоценности») 917 или 938 – 982 гг., «Йсарнаи-бада у раниджаи джинава» («Золотая страна, царство радости») 982 – 1006 гг. Во всех трех названиях отчетливо прослеживается буддийская составляющая, причем «ттайипу куха» – хотано-сакская транслитерация китайского «Дабаого» (大宝国). Интерпретировав «Йсарнаи-бада» как смысловую кальку китайского «Цзиньго» (金国), М.И. Воробьева-Десятовская почему-то заключает, что после ухода тибетцев «китайцы как бы вновь открыли для себя возможность пользоваться богатствами Хотана (золотом и яшмой в буквальном смысле слова), отметив, таким образом, новый период в истории Хотана, или же новые названия связаны с притязаниями тюрок на Хотан»³.

Разумеется, никаких «представителей китайской администрации и военных отрядов китайцев»⁴, о которых пишет исследовательница, в Хотане в указанный период не было, и быть не могло. Крайней западной точкой, где после распада Империи Тан сохранилась какая-то «китайская администрация» был Дуньхуан, но и там китайская династия Чжан, как было

¹ Pelliot P. Notes on Marco Polo. V. 1. P., 1959. P. 408.

² Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 42.

³ Там же. С. 43.

⁴ Там же.

показано выше, всего лишь обслуживала интересы манихейской общины, а в начале IX в. и она была свергнута согдийской династией Цао. Утверждение о том, что «северные оазисы находились в руках тюрок, многие южные оазисы, очевидно, тоже признавали тюркский сюзеренитет»¹ также не соответствует сложившейся в Таримской впадине ситуации. Ни одна из групп уйгурских беженцев, ушедших на территорию Таримской впадины после распада Орхон-Уйгурского каганата, не могла осуществлять контроль над всем регионом. Государственные образования в Куче и Турфане были слишком слабы и неустойчивы, к тому же враждовали между собой. Хотан же почти не пострадал от тибетского завоевания и странно даже подумать, что он мог подчиняться какому-то из них. Гораздо логичнее предположить, что как раз само Хотанское государство претендовало на власть над тюрками, в том числе и теми, что были вынуждены переселиться на его территорию в результате усыхания Степи, это подтверждают титулы хотанского правителя: «Алтунхан»² из хотанских документов и «азим ат-турк ва ат-Туббот» («повелитель тюрок и Тибета») из «Худуд ал-Алам»³.

Хотанские правители – по-хотаносакски «ррунд» – обладали пышной титулатурой с элементами индийской и иранской традиции, подчеркивающей их претензии на универсальность собственной власти и верховенство над буддийской общиной. В титулатуре правителя по имени Виджида Симха есть восходящая к кушанам индийская формула «махарайа райатирайа» («великий царь, царь царей»), иранский титул «хинаджха» («командующий армией»), хотано-сакское «джаста» и индийское «дэва» («бог»). Титулатура другого правителя – «шику шри Виджитта Саграма ррамдана рамда». Слово «шику» происходит от китайского «шэнцзюнь» (聖君 «священный государь»); «шри»

¹ Там же.

² Там же.

³ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. L., 1970. P. 85.

(«святой») – обычный титул индийских правителей, а «ррамдана рамда» – хотано-сакская калька праkritского «райатирайа». В титулатуру некоторых правителей также входили индийский титул «чакравартин», что говорит о восприятии ими себя универсальными монархами и защитниками буддизма по всему миру, а также буддийские титулы «дарайасанамди баудхасатва» («дхармараджа бодхисаттва»). Подобная титулатура свидетельствует о синтезе индоиранских и китайских политических влияний с явным преобладанием индо-буддийского элемента¹.

Собственно хотанская историографическая традиция не сохранилась. Имена и хронологию хотанских правителей исследователи вынуждены реконструировать по отрывочным сведениям из хотанских документов. Считается, что правителем, при котором в Хотане окончилось тибетское господство, был Виша Симхьи. Считается, что он правил в 851–886 гг.² Г.Бэйли считал, что этот правитель непосредственно предшествовал Више Самбхаве, т. е. правил в 851–912 гг.³ Сложно представить, что в данную эпоху сразу два правителя подряд (а Виша Самбхава правил в 912–966 гг.) могли царствовать более 50 лет. Датировка 851–886 гг. для Виша Симхьи представляется более вероятной, а имя правителя, находившегося у власти в 887–911 гг., так и остается неизвестным⁴.

Несомненно, что самым известным хотанским правителем был Виша Самбхава. Хорошо известны и уже не подлежат сомнению даты его правления – 912–966 гг.⁵ Он оставил след не только в хотанских документах, но и в китайских источниках, в которых известен под именем «Ли Шэнтянь» (李圣)

¹ Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос. Языки. Религии. М., 1992. С. 45.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 48.

³ Bailey H. W. Khotanese Buddhist Texts. L., 1951. P. 22.

⁴ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 48.

天)¹. Виша Самбхава сознательно использовал китайскую фамилию «Ли», которую носили императоры династии Тан, тогда как ранее родовое имя династии Виша передавалось по-китайски как 尉迟 «вэйчи». Имя «Шэнтянь» переводится как «святое небо». На знаменитом изображении Виши Самбхавы из Дуньхуана есть надпись: 大朝大宝于阗国大圣大明天子 «великий святой великий сияющий Сын Неба великой династии великой драгоценности государства Хотан». Неудивительно, что данное изображение сохранилось именно в Дуньхуане. Как уже было сказано выше, буддийская династия Цао захватила власть в Дуньхуане не без поддержки Хотана, и между ее представителями и хотанцами сложились весьма близкие отношения. Как свидетельствуют хотанские документы, Виша Самбхава взял в жены дочь первого правителя династии Цао Ицзина, и она стала матерью его преемника на хотанском престоле – Виши Шуры². В надписи представлена как типичная для теократического правителя буддийская терминология, так и китайская титулатура, которая говорит о стремлении Виша Самбхавы к заимствованию китайской политической традиции.

Об огромном интересе Виша Самбхавы к отношениям с Китаем свидетельствуют его дипломатические мероприятия. В «Повествовании о Хотане» «Синь Удай ши» (цзюань 74) сообщается: «Цзиньская [эра правления] Тяньфу третий год (938 г.). Хотанский правитель Ли Шэнтянь отправил посла Ма Цзижуну с данью: красной солью, куркумой, ячьими хвостами, нефритовым цянем. Цзиньский [император] отправил гунфэнгуаня

⁵ Pulleyblank E. The Date of Stael-Holstein Roll // *Asia Major*. New series, 1964. V. 4. Pt. 1. P. 91.

¹ 欧阳修. 新五代史. 北京, 1974. 第 14106 册. 第 917 页. Оуян Сю. Синь Удай ши. Бэйцзин, 1974. Т.40. С. 917. 脱脱. 宋史. 北京, 1985. 第 40 册. 第 14106 页. Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14106. У М. И. Воробьевой-Десятковской ошибочно: «Ли Чжэньтянь». *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии*. М., 1992. С. 46, 47.

² Bailey H. W. Śrī Viśa Śūra and the Ta-urang // *Asia Major*, 1964. V. 11. Pt. I. P. 19.

Чжан Куанье в качестве хунлущина, Чжан Уцзюня цзедупаньгуаня произвел в паньгуаня, утвердил Шэнтяня правителем Хотанского государства Великой Драгоценности. В конце этого года в двенадцатом месяце Куанье и другие отправились в двухлетнее путешествие до Хотана и вернулись только через семь лет»¹.

Отчет ответного китайского посольства также помещен в «Синь Удай ши»: «Через 20 дней дошли до Аньцзюньчжоу, таким образом, достигнув Хотана. Шэньтянь носит подобную китайской корону, его дворец направлен на восток, называется «Дворец золотых томов», есть также дворец, который называют «Дворец семи фениксов». Из персиков производится вино, есть также фиолетовое вино и темно-зеленое вино, способы их производства неизвестны, но вкус превосходен. Питаются рисом с медом и просом с простоквашей. Одеваются в хлопок и шелк. Есть сады и парки с деревьями и цветами. Поклоняются духам и буддам. Во дворце Шэньтяня ему прислуживают 50 монахов в фиолетовых одеждах, идет 29 год эры правления Тунцин. Сообщают, что на юго-востоке этого государства находятся Иньчжой, Лучжоу, Мэйчжоу, к югу расположена Байюйчжоу («Область белого нефрита»), откуда, согласно ханьскому Чжан Цяню, берет начало река, текущая из Хотана, а в горах много нефрита. Эта река, протекая через Хотан, разделяется на три: восточная называется «Река белого нефрита», западная – «Река зеленого нефрита», та, что еще западнее – «Река черного нефрита». В этих трех реках есть разнообразный нефрит, каждый год во время осенней засухи правитель, а затем и народ добывают нефрит из этих рек»².

Данный отрывок свидетельствует о явном присутствии при дворе буддийского духовенства и, в то же время, о стремлении Виша Самбхавы

¹ 欧阳修。新五代史。北京，1974。第40册。第917页。Оуян Сю. Синь Удай ши. Бэйцзин, 1974. Т. 40. С. 917.

² 欧阳修。新五代史。北京，1974。第40册。第917页。Оуян Сю. Синь Удай ши. Бэйцзин, 1974. Т. 40. С. 917.

представить свое государство в качестве китайского царства, о некоей «моде на китайское» при дворе правителя. Это подтверждает упомянутая в тексте эра правления «Тунцин» – первое наименование эры правления, которыми по китайскому образцу стали обозначать свое правление раджи Хотана. До эпохи Виша Самбхавы эры правления неизвестны, вероятно, они отсутствовали ранее и были введены при нем. Все известные из документов хотанские названия эры правления представляют собой хотано-сакскую транслитерацию китайских слов, попытки перевода этих названий на хотано-сакский язык не зафиксированы¹.

Эра правления Тунцин (同庆) переводится как «всеобщее празднование», существует мнение, что он употреблялся в 912–949 гг. Верхняя хронологическая граница употребления этой эры правления вызывает разногласия среди исследователей. Согласно точке зрения китайских исследователей Чжан Гуанды и Жун Синьцзяна², кроме названия эры правления Тунцин Виша Самбхава пользовался также названиями эры правления Тяньсин (天兴 950–963 гг.) и Тяньшоу (天寿 963–966 гг.). Другая традиция идет от Э. Д. Пуллиблэнка³, одним из первых обратившегося к данной проблеме. В соответствии с ней Виша Самбхава продолжал пользоваться названием эры правления Тунцин после 949 г. Эту точку зрения разделял Дж. Гамильтон⁴, датируя эру правления Тяньсин 986–999 гг., а Тяньшоу на 999–1005 гг. Японский исследователь Иногути Тайдзюн считал⁵, что Тяньсин использовался в 950–963 гг., а Тяньшоу, которую он читает как

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 53.

² 张广大, 荣新江. 于阗史丛考. 上海, 1993. 第40–58页. Чжан Гуанда, Жун Синьцзян. Юйтянь цункао. Шанхай, 1993. С. 40-58.

³ Pulleyblank E. The Date of Stael-Holstein Roll // *Asia Major*. New Series, 1964. V. 4. Pt. 1. P. 94.

⁴ Hamilton J. R. Les regnes khotanais entre 851 et 1001 // *Contributions aux études sur Touen-houang*. Genève-P., 1979. P. 49–54.

«Тяньчжи» 天质 («небесная природа», в хотано-сакских текстах «тхйаиншива», т. е. оба чтения допустимы) – в 983–1006 гг. М.И. Воробьева-Десятовская солидарна с мнением Дж. Гамильтона, полагая, что название эры правления Тяньшоу использовался Вишей Дармой¹.

Исходя из известных фактов эпохи правления Виша Самбхавы, точка зрения Чжан Гуанды и Жун Синьцзяна представляется наиболее логичной. Действительно, в китайской политической традиции того времени было принято менять эры правления и правители с двумя-тремя эрами правления встречались часто. Лишь позднее, в эпохи Мин и Цин правители начали принимать название эры правления на всю жизнь. Учитывая, что эры правления были новшеством для Хотана, неудивительно, что Виша Самбхава менял их, пытаясь лучше адаптировать китайскую традицию использования эры правления к хотанским традициям.

Не случайно в названии второй эры правления появляется иероглиф 天 «тянь» («небо»), используемый и в китайском имени Виша Самбхавы. Тяньсин (天兴) – «небесная радость» – кульминация, вершина правления Виша Самбхавы, время величайших достижений посттибетского Хотана, в числе которых первые победы буддизма над манихейством в Таримской впадине и установление дипломатических отношений с китайскими царствами. Тяньшоу (天寿) – «небесное долголетие» – время, когда Виша Самбхава был уже в весьма солидном возрасте, в 963 г. он правил уже 51 год, а ведь, вероятнее всего, вступил он на трон не младенцем.

Возможно, пересадка китайской политической традиции на хотанскую почву и интенсивные дипломатические контакты с Китаем были не просто

⁵ 井ノ口泰淳. ウテン語資料による Viśa 王家の系譜と年代//龍谷大学論集。

1960. №364. 37頁。Иногути Тайдзюн. Утенго ширё ни ёру Виша окэ но кэйфу то нэндай // Рюкокудайгаку ронсю. 1960. № 364. С. 37.

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 54.

результатом увлечения правителя китайской культурой. Принятие эры правления традиционно означало претензии на верховную власть над Поднебесной, и Виша Самбхава не мог этого не понимать. Прошло всего несколько десятилетий после «Третьего бедствия У», на протяжении которых Китай охватил хаос и междуусобная борьба. Такой же хаос наступил и на Тибете. В западе буддизм теснили мусульманские правители, в Индии – индуисты. По сути, единственным сильным государством, где господствовала буддийская сангха, оставался Хотан. В этих условиях весьма вероятно, что руководители буддийской сангхи посчитали хотанских «чакравартинов» вообще и Виша Самабхаву в частности хорошими кандидатами на роль объединителей Китая и защитников буддизма.

Представляют также интерес сообщения о двух посольствах Виша Самбхавы ко двору династии Сун. Оба посольства прибыли одно за другим в самом начале правления первого императора династии Сун Тайцзу.

Так источник рассказывает о первом посольстве. «В двенадцатом месяце второго года «Цзяньлун» (961 г.), Шэньтянь отправил посла с приношением нефритовой таблички гуй в нефритовом футляре и подушки из нефрита в качестве дани. Манихейский учитель из этой страны поднес две стеклянные бутылки и кусок хусской парчи. По словам посла, эта страна отстоит от столицы на 9900 ли, на юго-западе упирается в хребет Цунлинь и граничит с брахманами на расстоянии примерно 3000 ли. На юге граничит с Тибетом, на северо-западе, на расстоянии около 2000 ли находится Кашгар. К востоку от города протекает Река белого нефрита, к западу – Река зеленого нефрита, еще западнее – Река черного нефрита, они берут начало в горах Куньган, на расстоянии 1300 ли от города. Каждый год осенью народ этой страны собирает нефрит в реках, это называется «добывать нефрит». Земля

родит виноград, из которого многие люди делают превосходное вино. По традиции поклоняются духам»¹.

Так сообщается о втором посольстве. «Пятый месяц третьего года «Цяньдэ» (965 г.) буддийские монахи Шаньмин и Шаньфа прибыли ко двору, им были пожалованы фиолетовые одежды. Главный министр этого государства, поскольку ждал прибытия Шаньмина, тайно выслал книги Ли Чунцзюю, и просил прохода в Китай. Тайцзу приказал Ли Чунцзюю выдать книги, товары и деньги. Зимой из Западного края вернулся шамэнец Даюань, который проходя через Хотан, доставил дань от этой династии. На четвертом году (966 г.) явился принц этого государства Дэцун с данью из местных товаров»².

Если первое посольство от Виша Самбхавы к сунскому двору еще сопровождал «манихейский учитель», то позже эта роль перешла исключительно к буддийским монахам. Разумеется, «манихейский учитель» был не из Хотана, что подтверждается тем, что он предоставил отдельную дань, включающую в себя к тому же хусскую (тюркскую или согдийскую) парчу. Скорее всего, первоначально хотанские союзники в борьбе с Чжан Ичао уйгуры-манихеи из Ганьчжоу пытались контролировать отношения Хотана с Китаем, но впоследствии Хотан сумел отказаться от их «помощи», опираясь исключительно на обширные связи буддийской сангхи. Второе сообщение можно также истолковать в том смысле, что хотанцы и буддисты вели в Китае какие-то интриги, вызывающие настороженность императорской власти.

¹ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14106页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14106.

² Там же.

§ 4. Исламизация Караханидского каганата¹

Основой Караханидского каганата стал карлукский союз племен. Карлукский племенной союз известен с первой половины VII в., и первоначально включал в себя три племени: чигиль, булак и ташлык², поэтому назывался «уч карлук» («три [племени] карлуков»). Карлуки в союзе с уйгурами и басмылами уничтожили Восточно-Тюркский каганат (742 г.), в союзе с уйгурами воевали против басмылов (744 г.), на стороне арабов участвовали в Таласской битве с китайцами (751 г.), в союзе с басмылами, енисейскими киргизами и тюргешами боролись против уйгуров за восстановление Восточно-Тюркского каганата (752 г.).

Несмотря на то, что карлуки часто терпели поражения, особенно от уйгуров, племенной союз постепенно усиливался: в 766 г. карлуки заняли Тараз и Суяб, окончательно утвердив свою власть в Семиречье, а их противники огузы были вынуждены покинуть Семиречье и уйти в низовья Сырдарьи во второй половине VIII в.³ Росло и число племен, входящих в карлукский союз. Арабоязычный врач и географ XII в. Шараф ал-Заман Тахир ал-Марвази в своем труде «Таба'и ал-Хайаван» («Естественные свойства животных») насчитал в карлукском союзе уже девять племен: «Их девять групп. Три [группы] — джигиль, три — баскиль, одна — булак, одна — кукуркин и одна тухси»⁴. В политическом смысле к карлукам также примыкали, постепенно интегрируясь в племенной союз, ягма и тюргеши.

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично опубликованы автором в статье Желобов Д.Е. Распространение торговой теократии в государствах Таримской впадины на примере исламизации Караханидского каганата // Научный диалог. 2016. № 1 (49). С. 189–199.

² Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). Новосибирск, 1981. С. 186–187.

³ Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 115.

⁴ Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения. Т. 1. 1959. С. 214.

По мере роста могущества карлукского племенного союза, правители карлуков присваивали себе все более значимые титулы. Первоначально глава карлуков носил титул «эльтебер». Во время активной борьбы с уйгурами он уже титуловался как «ябгу». Наконец, около 840 г., в момент распада Орхон-Уйгурского каганата, когда Великая Степь лишилась легитимного верховного правителя, которым раньше был уйгурский хан, карлукский ябгу принял ханский титул, о чем сообщают сразу несколько мусульманских источников¹.

О.Прицак отождествлял этого карлукского ябгу с Кюл Билгя-ханом² из «Тарих-и Кашгар», процитированной у Джамалы ал-Карши³, считая его основателем династии Караханидов. Того же мнения придерживается и С.Г.Кляшторный⁴. В источнике сообщается, что против этого хана воевал саманидский эмир Нух ибн Мансур⁵. Поскольку реальный Нух ибн Мансур (976–997 гг.) никак не мог быть современником этому караханидскому

¹ Hudud al-‘Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. - 982 A.D. L.1970. P. 98. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар // Бартольд В. В. Сочинения. Т. 8. М., 1973. С. 43. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках // Труды сектора востоковедения. Т. 1. 1959. С. 214. El-Masūdī's historical encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and mines of gems». L., 1841. V. 1. P. 464.

² Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. V. 101. P. 283.

³ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы, 2005. С. 101.

⁴ Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 491. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 123.

⁵ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы, 2005. С. 101–102.

правителю, исследователи заключили, что это был Нух ибн Асад¹, который отвоевал Испиджаб у тюрок в 840 г.²

«Караханиды» – условное название династии, принятое еще В.В. Григорьевым³. Это название было образовано от распространенного у Караханидов титула «карахан» и явилось весьма удачной находкой, оно соответствовало даже используемому в китайских источниках названию *Хэйханьчао* (黑汗朝 «Династия Черных ханов»). Происхождение самой династии остается спорным вопросом. В.В. Бартольд насчитал семь гипотез о происхождении Караханидов. Он ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, ягма, чигили), однако подчеркивал, что у Махмуда Кашгарского, как у наиболее компетентного автора, ни одному из этих племен не отдан приоритет в связях с правящей династией⁴.

В китайской литературе господствует версия о происхождении Караханидов от уйгуров⁵, после крушения Орхон-Уйгурского каганата согласно китайским источникам ушедших «на запад к карлукам»⁶. А.Г. Малявкин на основе анализа источников отвергал такую возможность⁷. Б.Д.

¹ Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. V. 101. P. 284. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб., 2006. С. 491. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 123.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 270.

³ Караханиды в Мавераннагре, по Тарихи Мунедджим-баши в османском тексте // Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Ч. 17. 1874. С. 189–258.

⁴ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. 1. М., 1968. С. 70–73.

⁵ 魏良弢。喀喇汗王朝史稿。乌鲁木齐，1986。27 - 50 页。Вэй Лянтао。Халахань ванчао шигао。Улумуци，1986。С. 27–50。

⁶ 劉昫。旧唐书。北京，1975。第 16 册。第 5213 页。Лю Сюй。Цзю Тан шу。Бэйцзин，1975。Т. 16。С. 5213。

⁷ Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 121–173.

Кочнев на основе анализа нумизматического материала сделал вывод о происхождении Караханидов от части чигилей – эгдишей¹. Можно согласиться с мнением С. Г. Кляшторного, «что чигили и ягма, а также одно из тюркешских племен, тухси, и остатки орхонских тюрков, вошли в карлукский племенной союз и история этих племен, во всяком случае с IX в., неразрывна»², однако вопроса о происхождении самой династии Караханидов это безусловно верное утверждение не снимает.

В Караханидском каганате существовала традиционная для тюркских государств система наследования власти. В отличие от арабо-персидских монархий, где единоличному правителю принадлежала вся полнота власти, которая передавалась от отца к сыну, в Караханидском каганате «государство считалось собственностью всего ханского рода и разделялось на множество уделов; крупные уделы в свою очередь делились на множество мелких; власть главы империи иногда совсем не признавалась могущественными вассалами»³. Согласно реконструкции О. Прицака каганат управлялся старшим каганом с титулом Арслан-хан в Баласагуне. В Кашгаре или Таразе находился младший каган-соправитель с титулом Бугра-хан. Кроме того, существовали «низшие» каганы – Арслан-илиг, Бугра-илиг (Йинал-тегин), Арслан-тегин, Бугра-тегин (Йанга-тегин). Власть и титул переходили не от отца к сыну, а к следующему по старшинству члену династии, т. е. если умирал кто-то из членов династии, его титул получал следующий по старшинству, а все, кто ниже по иерархической лестнице, сдвигались на одну ступень вверх⁴. Эту систему Л. Н. Гумилев назвал «удельно-лестничной»,

¹ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 148.

² Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. С. 122.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 285, 330.

⁴ Pritsak O. Karachanidsche Streitfrage // Oriens. v. 3 n. 2. Leiden, 1950. S. 210–219. Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. Bd. 31/1. B., 1953. S. 23–24.

подробно изучив ее на материале тюрков VI–VIII вв.¹ Несмотря на то, что многие ученые² подвергали критике караханидскую «табель о рангах», разработанную О. Прицаком, согласно последним исследованиям³, она, хотя бы как общая схема, вполне соответствует действительности.

Активное распространение ислама среди тюрков началось в эпоху существования Саманидского эмирата (IX–X вв.)⁴. Это государство во главе с персидской династией Саманидов образовалось на востоке Арабского халифата, в междуречье Аму- и Сырдарьи в процессе его распада на полузависимые и независимые мусульманские государства. Династия Саманидов была персидской не только по происхождению (а она возводила свою генеалогию к самим шахиншахам Сасанидам) но и по методам и целям своей политики.

Одной из констант внешней политики Ирана на всем протяжении его истории оставалась борьба с Тураном. Эта борьба, идеологически оформленная как противостояние земледельцев-зороастрийцев и кочевников-почитателей дэвов, нашла отражение ярчайшее отражение в фольклоре и литературе Ирана, а конкретные эпизоды этой борьбы зачастую являлись стержневыми моментами персидской истории. В саманидскую эпоху логика этого противостояния по-прежнему продолжала действовать, только место зороастризма занял ислам. Саманиды были настолько уверены в своем

¹ Гумилев Л. Н. Удельно-лестничная система у тюрков в VI–VIII вв. // Советская этнография. 1959. № 3. С. 10–25.

² Караев О. История Караханидского каганата. Фрунзе, 1983. С. 20, 92–93, 170–171. Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах // Народы Азии и Африки. 1968. № 1. С. 69–76. Кочнев Б. Д. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литература и история. Ташкент, 1980. С. 368. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. 13. М., 1980. С. 44, 46.

³ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 244–252.

⁴ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 59.

превосходстве над восточными кочевниками, что даже отказались от строительства оборонительных стен вокруг оазисов, практиковавшегося предыдущими правителями Мавераннахра¹. Многочисленные походы Саманидов в семиреченские владения карлуков почти всегда имели успех.

Завоевательные походы Саманидов в степь вели к распространению ислама на захваченных территориях. Не меньшую роль сыграла и торговля, осуществлявшаяся мусульманскими купцами. Еще В.В. Бартольд отметил, что распространение ислама среди тюрков имело, в том числе, и экономические причины. Так, товар, в котором кочевники нуждались более всего – ткани – производился в оседлых мусульманских регионах, нередко на экспорт, для самих кочевников. Через торговлю кочевники усваивали мусульманскую экономику и культуру, а приняв ислам, становились органичной частью мусульманского мира².

Ключевым деятелем исламизации Караханидов был внук основателя династии Кюл Билгя-хана Сатук Бугра-хан. Свидетельства о его обращении в ислам дошли до нас в трех вариантах: в кратком сообщении ибн ал-Асира³, в «ал-Мулхакат би-с-сурах»⁴ Джамаля Карши (кон. XIII в.) со ссылкой на «Тарих-и Кашгар» (XI в.) и в различных версиях «Тазкире Сатук Бугра-хан»⁵.

У ибн ал-Асира обращение Сатук Бугра-хан объясняется чудесным видением во сне: «Их предок Сатук Кара-хакан, принял ислам по той причине,

¹ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории народов Средней Азии // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 60.

² Там же. С. 68.

³ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 246.

⁴ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы, 2005. С. 102–104.

⁵ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 87–107. Bellew H. W. Kashmir and Kashghar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–1874. L., 1875. P. 339–344. Беллью Г. У. Кашмир и Кашгар: дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 252–256.

что он видел во сне, будто бы человек спустился с неба и сказал по-тюркски то, что означает: «Прими ислам! Ты будешь благополучен в этой жизни и в будущей». И он во сне своем принял ислам и поутру объявил открыто, что он мусульманин»¹.

Другая версия излагается у Джамаля Карши и в «Тазкире Сатук Буграхан». В «Тазкире Сатук Буграхан» рассказ более развернут, но изобилует фантастическими подробностями, хотя надо сказать, что «Тарих-и Кашгар» тоже не до конца свободна от них. В обоих источниках обращение Сатук Бугра-хана связывается с представителем династии Саманидов по имени Наср и его торговой деятельностью.

Согласно «Тарих-и Кашгар», после Кюл Билгя-хана «тюрками стал управлять Угулджак² Кадр-хан, брат Базир Арслан-хана. Он [Кадр-хан] перестал прислушиваться к указаниям посланников ислама, пока не прибыл в Кашгар, (убегая) от своего брата Наср ибн Мансур. Угулджак встретил его, как подобает принимать гостей, а [Наср ибн Мансур] сказал ему: «Я поселился в твоём доме, остановился жить в твоей семье и буду верно служить тебе, если твой брат будет справедлив». Угулджак назначил его [Насра ибн Мансура] правителем области Артудж.³ И зачастили торговые караваны из Бухары и Самарканда в него [Артудж], сбывая утварь и ткани, и шла очень бойкая торговля. А он [Наср ибн Мансур] дарил диковинные товары Кадр-хану, стараясь этим расположить его к себе [...] В то время этот неверный [Кадр-хан] находил привлекательными парчовые одежды, сахар, сладости, так как не видел их и не пробовал до тех пор, пока не сблизился с ним, подружился и стал опираться на него»⁴.

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 246.

² Огулчак.

³ Атуш.

⁴ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т.1. Алматы, 2005. С. 102.

«Тазкире Сатук Бугра-хан» также обращает первостепенное внимание на торговую деятельность Насра (здесь он назван «Абу-ан-Насар Самани»): «Однажды ученик Абу-ан-Насара Самани спросил: «О, Преподобный, столько товаров и богатства находится в Вашем владении, почему Вы продолжаете заниматься торговлей?» Тогда святой Ходжа Абу-ан-Насар Самани сказал: «О, ученик, ты говоришь правильно; но с тех пор, как я сознаю себя, я никогда не отступал от обычаев Святого Пророка Божьего. Поэтому я не могу игнорировать их. Когда я отправляюсь в путешествие, платя пошлины, я творю благо для мусульман; если бы я забросил торговлю, я лишился бы возможности платить пошлины»¹.

Появление Насра на территории Караханидского каганата «Тазкире Сатук Бугра-хан» объясняет по-другому: «Святой Пророк Божий сказал: «Абу-ан-Насар Самани будет тем, кто обратит Султана Сатук Бугра-хана к Вере». Его спутники сразу вычислили дату и записали: «Через триста тридцать три года, после того, как Пророк Божий покинет этот мир, в земле Туркестана явится благородный человек по имени Святой Султан Сатук Бугра-хан, в возрасте двенадцати лет он обратится к Вере». Через некоторое время Абу-ан-Насар Самани пришел в этот мир; «Каким человеком должен быть этот Султан Сатук Бугра-хан?» – говорил он сам себе. Еще не видя, он уже возлюбил его. Он увидел дату, но мало времени осталось до явления Святого Султана. Чувства любви и дружбы победили, и он отправился в Туркестан на поиски Султана»². Конечно, этот сюжет в «Тазкире Сатук Бугра-хан» полностью фантастичен, но роль караванной торговли в исламизации Караханидов в ней отмечается, так же как и в «Тарих-и Кашгар».

Обращения Сатук Бугра-хана «Тарих-и Кашгар» и «Тазкире Сатук Бугра-хан» описывают почти одинаково. Так говорится в «Тарих-и Кашгар»:

¹ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 87.

² Ibid. P. 88.

«Угулджак был дядей Сатука. Когда ему исполнилось 12 лет, он поражал всех красотой, природным умом, чистотой помыслов, здравым рассудком, невинностью, чего раньше было не замечено у царевичей. Однажды, когда прибыл караван из Бухары, Сатук выехал в Артудж посмотреть, что они привезли, и купить что-нибудь. Наср ас-Самани хорошо принял и оказал ему почтение. Когда же наступило время полуденной молитвы, мусульмане приступили к ней, как этого требует шариат. А Сатуку еще было неизвестно исполнение (этого) счастливого обязательства, поэтому он издали наблюдал за этим. Когда они закончили молиться, он спросил у ас-Самани: «Чем вы занимались?» Тот ответил: «На нас возложена обязанность (совершать) пять молитв в пять отрезков времени, каждый день и ночь». Он [Сатук] спросил: «А кто возложил на вас эту обязанность?» Ас-Самани начал описывать Творца, да будут славным Его величие и великим совершенство, прекрасными именами и эпитетами Высокочтимого, а [также] перечислять установления ислама, [переданные] на языке Мухаммада, да благословит его Аллах и приветствует, и упоминать достоинства и заслуги общины. [...] И Сатук сказал: «Это Божество достойно поклонения, и прав ваш Пророк [в том], чтобы за ним следовали, и как прекрасна эта вера, и она действительно заслуживает, чтобы принимали ее!» Он [Сатук] признал Аллаха, хвала Ему, пророка Мухаммада, мир ему, и принял веру, и тотчас приказал [принять] прощение и ислам своим воинам и свите. И они уверовали [все] в тот же час и приняли ислам»¹.

«Тазкире Сатук Бугра-хан» об этом же событии сообщает следующее: «До того, как Святой Султан Сатук Бугра-хан достиг двенадцатилетнего возраста, у него был вид неверного. Однажды Святой Султан отправился на охоту. Охотясь, он достиг места под названием Баку в Нижнем Артуше. Он посмотрел (и увидел, что) несколько человек приятной внешности и чистой

¹Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т.1. Алматы, 2005. С. 102–103.

души разместились лагерем на лугу. Святой Султан со своими спутниками двинулись в направлении этих путешественников. Посмотрев, они сказали, пораженные: «В здешних городах нет такого народа, таких людей. Что это за народ? Подойдем! Подойдем и посмотрим!» [...] А эти путешественники были Святой Ходжа Абу-ан-Насар Самани (и его спутники). Абу-ан-Насар увидел, что к ним двигаются несколько всадников. Они подъехали ближе. Он (снова) посмотрел: это должен быть Святой Сатук Бугра-хан, о котором он знал из Истории (изречений Пророка). Увидев его, Абу-ан-Насар сказал: «Благодарение Богу, я нашел того, кого я искал», и возрадовался. Он немедленно сказал своим слугам: «Господин этого и будущего миров, явился тот, кого я искал. Точнее, сама причина того, что я отправился в эту страну – этот благородный человек. О, слуги! Оставьте поклажу открытой». Он так сказал и путешественники во главе с Абу-ан-Насар встали на молитву. Закончив молитву, они вернулись на свои места и сели. Все это время Султан был верхом на лошади. Султан, пораженный, сказал: «(Это) удивительные путешественники; не обращая внимания на нас, они оставили свою поклажу открытой и начали бить головами о землю». Он произнес это, после чего Абу-ан-Насар подошел к нему на семь шагов и приветствовал его. Султан сошел с лошади и пошел навстречу Ходже Абу-ан-Насару. Ходжа пригласил Султана и уважительно подвел его к тому месту, где он сидел; он достал по паре каждого из лучших своих товаров и разместил эти избранные вещи перед ним. [...] Он [Сатук] сказал: «О, Ходжа, что вы произносите, (когда) становитесь мусульманами; я тоже произнесу это и стану мусульманином». [...] Султан сказал Ходже: «О, ты, что показываешь дорогу заблудшим, если есть еще что-то, чему нужно научить, помимо свидетельства веры, научи (меня); чтобы я, изучив это, мог быть занят служением Богу». Святой Султан позвал по одному сорок человек без одного, (и когда они) пришли, он сказал: «О друзья, если вы хотите продолжать дружбу со мной, станьте подобно мне мусульманами. Вера Святого Мухаммада, Посланника Божьего, – это

величайшая Вера, и самая замечательная. Примите эту Веру». Так он обратился к ним»¹.

Далее источники рассказывают, что Огулчак, который был «крепче камня в неверии», узнал об обращении Сатука в ислам, и решил проверить, действительно ли тот «отрекся от веры». Он решил приказать Сатуку принять участие в возведении «храма идолов». Об этом узнала жена (хатун) Огулчака, и предупредила Сатука. Сатук обратился за советом к Насру, и тот разрешил Сатуку участвовать в строительстве с тем условием, чтобы он думал, что строит мечеть².

«Когда наступил срок, каждый из работающих носил по кирпичу, а Сатук – по два, и между тем [со всей душой и] телом тайком разговаривал со своим Господом Всевышним Великим: «О Боже, помоги мне против Твоих врагов и врагов Твоей веры, и открой мне ислам, и возвысь «Слово Божье» [Коран] на мои руки, чтобы я превратил это место в мечеть, в которой соберутся Твои рабы для повиновения Тебе, и возведу в ней михраб для поклонения Тебе, и водружу минбар, чтобы восхвалять Тебя, затем выполню призывы к молитве (азан ва-иками), сам буду выполнять обязанности имама в ней, стремясь узреть Твое лицо и добиваясь милости Твоей». Теперь эта мечеть находится в Артудже! И когда он проявил усердие и трудолюбие, хатун привела в доказательство своему мужу его старание при строительстве, и дядя был доволен им [...]»³.

После этого Сатук Бугра-хан и его сподвижники-мусульмане при содействии Насра устроили переворот, свергнув Огулчака и возведя на престол Сатука. Вот как это описывает «Газкире Сатук Бугра-хан»: «Султан, проведя полночи, отправился вместе с этими сорока без одного людьми к

¹ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 89–91.

² Ibid.

³ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т.1. Алматы, 2005. С. 103–104.

Святому Ходже. «О Великий! Если ты дашь мне такой совет, я нападу и ударю по неверным. Возможно, Бог Всевышний дарует нам победу». Святой Ходжа, Султан и их товарищи встали и отправились в путь. Они прибыли ко дворцу Харун Бугра-хана¹. Святой Ходжа воздел руки и прочитал молитву: «Своей благодатью и милостью погрузи неверных в глубокий сон, а мусульманам даруй победу». Так он помолился. И сразу же во исполнение молитвы Святого Ходжи, (Бог) погрузил неверных в такой (глубокий) сон, что можно было схватить одного (из них) за пояс и вынести наружу, а другие даже бы не узнали об этом»².

Далее «Тазкире Сатук Бугра-хан» рассказывает о том, что Сатук ворвался во дворец хана и хотел зарубить его мечом, но решил, что «убивать спящих врагов – участь трусов» и «каким бы ни был он неверным, я ел его соль и буду уважать то, что скреплено солью». Сатук разбудил его и встал перед ним с обнаженным мечом. «Этот неверный сказал: «О Султан Сатук, обладая таким богатством, по какой причине совершаешь ты такие деяния?» Тогда Святой Султан ответил: «О неверный! Лучшим из деяний было бы, если бы ты сделал то же, что и я. Вставай, времени немного. Расцени эту возможность как драгоценную. Произнеси святое исповедание веры: «нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммад – Посланник Аллаха! Повтори (это)». – так он сказал». Хан отказался, после чего Сатук взмолился Аллаху, чтобы Он заставил землю поглотить «неверного». Земля поглотила хана вначале по колени, а потом по шею, но он продолжал отказываться принять ислам. Наконец земля полностью поглотила хана. «В этот великий момент зажегся луч рассвета. Святой Султан провозгласил: «Ударьте в барабаны ислама в мою честь; идите вперед и объявите, что (теперь) настало правление Султана

¹ Под этим именем в тексте «Тазкире Сатук Бугра-хан» фигурирует Огулчак. Реальный Харун Бугра-хан был завоевателем Бухары и внуком Сатук Бугра-хана, жившим гораздо позже описываемых событий.

² Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 93–94.

Сатук Бугра-хана Гази. Кричите громко в призыве на молитву». Так он объявил свой приказ»¹.

В версии «Тарих-и Кашгар» рассказ о перевороте Сатук Бугра-хана более лаконичен, но не лишен интересных подробностей: «А он [Сатук] между тем выучил наизусть Книгу Аллаха и стал обучаться тому, что занимало его, до тех пор, пока не достиг 25-летнего возраста. И [вот] в сопровождении 50 человек он отправился верхом под видом охоты на захват крепости, которая была обнаружена у Йигач-Балик. Он осадил ее и оставался там в течение трех месяцев. Обо всем это узнал его дядя и понял, что нет ничего, что [может] предотвратить [его] гибель. И когда он [Сатук] решил выступить против него [Угулджака], у него собралось 300 всадников из Кашгара, и прибыли к нему воители за веру (гази) Ферганы. Их было более 1000 [человек]. Сначала они захватили Ат-Баши. Затем их стало 3000 всадников, и они напали на Кашгар и завоевали его, обратив [его население] в ислам. И неверные насильники были преданы на суд рока, а слово Божье стало превыше. Слава Аллаху, помощь (приходит) от него, и он (смог) исполнить свое обещание»².

Оба источника донесли до нас собственно караханидскую версию исламизации каганата. Исходная, вероятно, придворная генеалогическая легенда была зафиксирована в «Тарих-и Кашгар», которая, к сожалению, дошла до нас только в отрывках. «Тазкире Сатук Бугра-хан» была создана значительно позднее, в ней уже больше литературно-мифологических элементов, чем собственно истории. С другой стороны, в тексте «Тазкире Сатук Бугра-хан» сохранился ряд деталей, которые, по-видимому, были в «Тарих-и Кашгар», но до нас не дошли.

¹ Ibid. P. 93–95.

² Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. 1. Алматы, 2005. С. 104.

Эти источники дают достаточно ясное описание начального периода исламизации Караханидов. В источниках подчеркивается роль международной торговли в исламизации, рассказывается о том, что тюркам первоначально понравились товары из мусульманских стран, прежде всего ткани и сладости, после чего некоторые из них обращают внимание на богослужение мусульман и начинают расспрашивать их об исламе¹. Возникшая группа мусульман вначале действует тайно, скрывая само свое существование. Но затем, пользуясь поддержкой из мусульманских стран и советами их эмиссаров, она организовывает государственный переворот. В последующем гражданском противостоянии на стороне новообращенных мусульман выступают иностранные «воители за веру». Придя к власти, мусульмане вводят ислам уже в качестве государственной религии. Надо сказать, что данная схема становления торговой теократии характерна не только для ислама, менее яркие, но все же примеры такого же рода мы можем видеть, например, в раннем распространении буддизма в Хотане или манихейства в Орхон-Уйгурском каганате.

У Джамаля Карши приводится, по-видимому, достоверная дата смерти Сатук Бугра-хана – 955 г.² Хронология в «Тазкире Сатук Бугра-хан» не выдерживает никакой критики, здесь в качестве даты смерти Сатук Бугра-хана указан 1037 г.³ Однако в «Тазкире Сатук Бугра-хан» есть интересные свидетельства о деятельности Сатук Бугра-хана после захвата власти: «Святой Султан Сатук Бугра-хан в возрасте двадцати с половиной лет посвятил себя войнам за религию. Летом он воевал против неверных. Зимой он совершал службу и поклонение Всевышнему Богу. Султан Сатук Бугра-хан

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии, // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 68.

² Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т.1. Алматы, 2005. С. 104.

³ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 96.

Гази до возраста девяноста шести лет так далеко как река Аму-дарья, которая перед Балхом, со стороны восхода, так далеко, как место, называемое «Карак», на севере и так далеко, как место, называемое «Кара-курдум», обратил неверных в ислам своим мечом, установил законы религии Святого Мухаммада, Посланника Аллаха, и дал им монету»¹.

В 960 г. при сыне Сатук Бугра-хана Мусе ислам был принят 200 тыс. «шатров» тюрок² и, видимо, с этого времени ислам можно считать государственной религией Караханидов. Приблизительно в это же время известно о деятельности при дворе тюркского хана мусульманского богослова нишапурца Абу Аль-Хасана Мухаммада бин Суфьяна Келимати³. В любом случае, исламизация Караханидов была инициирована торгово-теократическими кругами Мавераннахра, и в значительной степени осуществлялась ими же.

Одним из важнейших факторов принятия Караханидами ислама было наличие в нем самом оседлых областей с развитой экономикой. Купеческая аристократия Кашгара и близлежащих городов сильно зависела от успехов борьбы собственных правителей с уйгурскими идикутами на востоке и хотанскими раджами на юго-востоке. Купечество этих государств стремилось к монополизации торговли в своих руках. Религиозно-идеологической основой этих государств был буддизм. Кашгар нуждался в адекватном по силе религиозном знамени. К тому же, связи кашгарских торговцев с торговцами Мавераннахра были достаточно интенсивны для деловых союзов, притом, что дистанция между ними была слишком велика для острой конкуренции.

¹ Ibid. P. 95–96.

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 138. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т.1. М., 1963. С. 315–316.

³ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории народов Средней Азии // Сочинения. Т.5. М., 1968. С. 74.

Не удивительно, что в этих условиях значительная часть элиты Кашгара выступила в качестве покровителя ислама.

Глава 2. Государства Таримской впадины во 2 пол. X – 1 пол. XI вв.: расцвет и религиозные войны

§ 1. Хотано-караханидская религиозная война (960-1006)¹

Хотано-караханидская война, произошедшая на рубеже X–XI вв. н.э., была одним из важнейших событий истории региона и во многом определила современный политико-религиозный ландшафт Центральной Азии. В вооруженном противостоянии столкнулись силы буддийской и мусульманской теократий, сформировавшихся в регионе. Результатом этого противостояния стало окончание эпохи более чем тысячелетнего преобладания буддизма в Центральной Азии и распространение ислама далеко на восток.

Историческим центром и наиболее крупным городом Караханидского каганата был Кашгар. Этот город являлся важнейшим пунктом на единственном участке Великого шелкового пути, непосредственно ведущем их Таримской впадины в Ферганскую долину. Еще задолго до появления Караханидов Кашгар вел напряженную борьбу с Хотаном за торговые пути, однако, так же как и в Хотане, в нем доминировала буддийская община. Вероятнее всего, ситуация не изменилась и в раннекараханидское время. Религиозное единство обеспечивало общность социально-экономических интересов местных торговых теократий, поддерживавшую значительное политическое и экономическое влияние Хотана в Кашгаре. Обращение Сатук Бугра-хана в ислам, возглавленный им политический переворот и окончательное принятие ислама в качестве государственной религии Караханидского каганата в 960 г. нанесли серьезный урон интересам хотанской торговой теократии в Кашгаре. В связи с этим можно

¹ Основные научные результаты данного параграфа опубликованы автором в статье Желобов Д. Е. Хотано-караханидская война // Вестник Ленинградского Государственного университета им. А. С. Пушкина. Серия История. 2013. № 4. С. 63–73.

предположить, что Хотано-караханидская религиозная война началась с интервенции Хотана на территорию Караханидского каганата с целью оказания поддержки кашгарской буддийской общине.

Граница Хотанского государства и Караханидского каганата проходила в районе г. Карглик, находящегося примерно посередине между Хотаном и Кашгаром. Здесь, вероятно, и происходили первые столкновения хотанских и караханидских войск. Именно к северу от г. Карглик находится т. н. «Каптар-мазар» («Голубиный мазар»). О его возникновении рассказывает легенда, согласно которой здесь в битве с войском Хотана погиб имам Мухаммад Шакир, пытавшийся обратить местных буддистов в ислам. В момент смерти из сердца имама вылетели два голубя, многочисленные потомки которых поселились возле мазара¹. Путешественники сообщают, что в окрестностях мазара обитало более 10 000 голубей. Проходящие мимо караваны должны были снабжать хранителей мазара зерном для кормления голубей, а при его отсутствии, деньгами². О масштабах почитания этого мазара говорит то, что раскормленные многочисленными и щедрыми паломниками голуби «Каптар-мазара» даже не летали клевать урожай на поля соседнего селения Зава. Голуби считались настолько священными, что говорили: ястреб, пытающийся напасть на них, непременно упадет замертво³.

Есть версия, что легенда, связанная с «Каптар-мазаром» – всего лишь модификация другой, более древней, уже буддийской легенды, рассказанной Сюаньцзаном⁴. По свидетельству Сюаньцзана, в 150–160 ли от города Хотан обитали крысы размером с ежа с золотым и серебряным мехом. Когда войско «сюнну» численностью в несколько сотен тысяч человек вторглось в хотанские владения и расположилось лагерем на холмах, где обитали эти

¹ Sykes E., Sykes P. *Through Desert and Oases of Central Asia*. L., 1920. P. 206.

² Певцов М. В. *Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь*. М., 1949. С. 88.

³ Sykes E., Sykes P. *Through Desert and Oases of Central Asia*. L., 1920. P. 206–207.

⁴ *Ibid.* P. 207.

крысы, правитель Хотана оказался в очень тяжелом положении, поскольку располагал армией всего в несколько десятков тысяч. Во сне ему явилась дна из крыс и обещала помощь в борьбе с «сюнну». Малочисленное войско хотанцев атаковало «сюнну» на следующее утро и одержало победу, так как крысы изгрызли доспехи, сбрую и тетивы луков «сюнну». После этого события хотанский правитель построил храм, посвященный этим крысам, и все хотанцы, проезжая мимо мест обитания крыс, жертвуют им одежду, луки, стрелы, благовония, цветы или дорогое мясо¹.

Хотанская легенда о крысах имеет более древнее происхождение, и, в силу большого различия сюжетов, вряд ли может быть связана с легендами «Каптар-мазара», однако в обоих случаях мы располагаем историями, с некоторыми фантастическими деталями, повествующими об определенных исторических событиях. Легенда о возникновении «Каптар-мазара» определенно относится к одному из важных сражений Хотано-караханидской войны, и, вероятно, не будет преувеличением даже географическая привязка этого события к месту, где расположен «Каптар-мазар».

По косвенным признакам можно заключить, что датой начала Хотано-караханидской войны был 960 или 961 г. Вплоть до 960 г. в Караханидском каганате продолжалась борьба между исламской и буддийской партиями, завершившаяся принятием ислама как государственной религии. При этом, по сообщениям «Сунши» уже в 962 г. ко двору китайской Империи Сун прибыло хотанское посольство с богатыми дарами². Повторно хотанцы явились ко двору Империи Сун в 963 г. В 969 г. прибывшие из Хотана послы просили сунского императора отправить ответное посольство в Хотан, которому предлагалось получить в дар и доставить в Китай кусок нефрита весом в 237

¹ 玄奘。大唐西域记。桂林，2007。第189页。 Сюаньцзан. Да Тан Сиюй цзи. Гуйлинь, 2007. С. 189.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14106页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14106.

цзиней (около 119 кг.)¹. Вероятнее всего, путем подобной дипломатической активности хотанские правители стремились заручиться поддержкой Сунского Китая в уже идущей войне с Караханидами.

В 971 г. хотанцы снова отправили посольство в Китай, которое сообщило сунскому императору о победе Хотана над «Кашгаром» (имеется ввиду Караханидский каганат). Хотанские войска также захватили в качестве трофея «танцующего слона» (舞象), которого правитель преподносит императору в дар². В Дуньхуане был обнаружен хотано-сакский документ, рассказывающий об этом событии более подробно. Данный документ являлся письмом хотанского раджи Виши Шуры (период правления 967–977 гг.) давану (кит. 大王 «великий царь») Шачжоу (Дуньхуана). Имя давана в документе не упоминается, однако, исходя из содержания письма, а также известных сведений о дуньхуанской хронологии, речь идет о Цао Юаньчжуне (правил в 945–974 гг.)³.

В письме хотанский раджа обращается к давану Шачжоу «брат моей матери». Дочь основателя дуньхуанской династии Цао Ицзиня, сестра Цао Юаньчжуна, действительно, была супругой хотанского раджи Виша Самбхавы и матерью раджи Виша Шуры. Виша Шура сообщает Цао Юаньчжуну, что он повел войско на Кашгар, люди которого «с надеждой смотрели» на Хотан, что, очевидно, указывает на о буддийскую общину, недовольную политическими успехами мусульман. В Кашгаре раджа захватил «чудесные вещи, жен, детей, слона и коней» врага. «Таджики» (слово «таджик» в данную эпоху в Центральной Азии использовалось в качестве названия мусульман, отсюда кит. «даши» 大石 как название арабов) перекрыли дорогу, чтобы нарушить пути снабжения оккупированного

¹ Там же. С. 14107

² Там же.

³ Bailey H.W. Śīr Viśā Śūra and the Ta-ung // Asia Major. V.11. Pt 1. 1964. P. 2.

хотанцами Кашгара, но были разгромлены хотанскими войсками. Далее в письме хотанский раджа просит Цао Юаньчжуне «не иметь недовольства в сердце» в связи с тем, что Хотан стремится наладить дипломатию с «сильным Китаем» (явно подразумевается Империя Сун) и отправляет туда богатые подарки, пренебрегая отправлением подарков в Шачжоу. Виша Шура объясняет такую политику необходимостью «поддержания порядка» на захваченных у «таджиков» территориях, которое обходится очень дорого. Он просит Цао Юаньчжуна одобрить оккупацию Кашгара, суля за это богатые дары¹.

Последние сведения представляют особый интерес. Несмотря на скромность владений, ограничивающихся дуньхуанским оазисом, семья Цао обладала огромным влиянием во многих государствах Центральной Азии. Хотя формально даван Шачжоу подчинялся ганьчжоужским уйгурам, представители династии Цао общались с уйгурскими каганами практически на равных. Ганьчжоужские уйгуры пребывали в союзнических отношениях с уйгурами Гаочана. Да и сама династия Цао располагала надежными связями в Гаочан-Уйгурском государстве. Несомненно, Гаочан-Уйгурское государство могло бы претендовать на захваченные Хотаном территории. Цао Юаньчжун, одобрив захват хотанцами Кашгара, смог бы предотвратить возможные претензии Гаочан-Уйгурского государства на новые владения хотанских раджей в Кашгаре.

Судя по всему, хотанцы управляли Кашгаром сравнительно недолго, в 90-е гг. X в. в Кашгаре уже определенно снова правили Караханиды. О возвращении Караханидами в Кашгара, вероятно, говорится в следующих отрывках из «Газкире Сатук Бугра-хан»: «Падишахи Святой Хасан Бугра-хан Гази, Святой Исан Бугра-хан Гази, Святой Юсуф Кадыр-хан Гази вышли на поле битвы. Убивая неверных, они заставляли их кровь течь, как река Джейхун; они рубили их на части и захватывали их имущество... Преследуя

¹ Ibid. P. 17–20.

их, падишахи достигли места под названием Куляр. Там они сражались семь дней и ночей. Многие мусульмане стали мучениками... Неверные, сражаясь по дороге, отступили в город Китая»¹, «...Эти падишахи, Султан Хасан Буграхан Гази, Исан Буграхан Гази, Хусайн Буграхан Гази и Юсуф Кадырхан правили на троне независимости 12 лет. В их времена, когда они слышали, что кто-то не носит тюрбан (т. е. не является мусульманином), ему в голову вбивали железный гвоздь. Земледелие расцвело так, что за чарак (около 7 кг.) зерна давали один пул (самая мелкая монета)»².

Из указанных в «Тазкире Сатук Буграхан» лиц здесь историческими являются Хасан (Харун) ибн Сулайман Буграхан и его сын Юсуф ибн Хасан (Харун) Кадырхан, все остальные вымышлены. О Хасане Буграхан и Юсуфе Кадырхане рассказывает еще один отрывок «Тазкире Сатук Буграхан»: «Святой Юсуф Кадырхан Гази и Святой Хасан Буграхан Гази пришли в город Яркенд и поселились в нем. Они убедили людей обратиться в ислам... Они отдавали все бедным. Ради этих людей падишахи молились о благословении... Говорят, что благодаря этой молитве город Яркенд никогда не будет разрушен»³. Вероятно, повествование «Тазкире Сатук Буграхан» здесь в целом соответствует действительным историческим событиям. Как раз после изгнания хотанских войск из восточных владений каганата Хасан Буграхан и Юсуф Кадырхан могли жить в Яркенде, в то время как старший двоюродный брат Хасана верховный хан Али ибн Муса Арсланхан правил в Кашгаре.

Одновременно с войной на востоке против Хотана Караханиды вели непрекращающуюся борьбу против Саманидов на западе. Об этих событиях «Тазкире Сатук Буграхан» также сообщает интересные сведения: «... сто

¹ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 99.

² Ibid. P. 101.

³ Ibid. P. 100.

человек во главе со своими вождями явились как послы из Туркестана... Ходжа Абдулла из Туркестана и Абу Бакр из Ташкента вошли, поцеловали землю и встали... «О Султан, Защитник Вселенной, земля Туркестана погрузилась в неверие. Мы пришли, чтобы просить твоего вмешательства» Так они обратились с прошением»¹.

В 990 г. Хасан Бугра-хан занял Испиджаб, находившийся на северо-восточной границе Саманидского Эмирата, а в 992 г. – столицу Саманидского Эмирата Бухару. Захватив Бухару, Хасан Бугра-хан выпустил там «победную» эмиссию дирхамов². На этих монетах был размещен его титул, который звучал как «малик ал-Машрик Шихаб ад-давла ва-Захир ад-дава Абу Муса Турк-хакан», т. е. «царь Востока, Звезда державы, Опора призыва к вере, Абу Муса каган тюрков»³. Тем не менее, уже в том же году Хасан Бугра-хан тяжело заболел и был вынужден отступить в Самарканд. Из Самарканда хан должен был направиться в Кашгар, что, судя по всему, было связано не столько с его болезнью, сколько с очередным осложнением положения Караханидов в войне с Хотаном, но по дороге скончался. В результате, Караханидский каганат потерял второго человека в феодальной иерархии, носителя титула «бугра-хан»⁴.

Верховному хану Али Арслан-хану пришлось оборонять Кашгар и восточные владения Караханидов самостоятельно. Этот правитель выступает одним из центральных персонажей «Тазкире Сатук Бугра-хан». В соответствии с легендой, рассказанной в «Тазкире», матерью Али Арслан-хана была Аланур-ханум (вероятно, от араб. الانور «благородный свет»).

¹ Ibid. P. 101.

² Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 149.

³ Там же. С. 134.

⁴ Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 318–320.

«Тазкире» сравнивает ее с Девой Марией. Согласно «Тазкире», во время молитвы ей явился муккарабун Джибриль, луч света попал ей в рот, после чего она потеряла сознание. Согласно другой традиции, также передает «Тазкире», ночью выходя из дома, Аланур-ханым увидела в дверях льва, после чего также потеряла сознание. Затем, говорится в «Тазкире», через «много месяцев» в пятницу, во время сбора к молитве у нее родился сын. Правитель в гневе потребовал, чтобы мудрецы выяснили, кто отец ребенка. На собрании мудрецов и знати Аланур-ханым оправдала себя¹.

Согласно «Тазкире», когда Али Арслан-хан вырос и стал соправителем брата, тридцатитысячная армия вторглась «из Китая» (в мусульманских сочинениях данного периода Хотан, как «земля неверных», считался географически относящимся к Китаю) и осадила Кашгар. Собрав сорокатысячную армию, Али Арслан-хан оттеснил врага к Янгисару, после чего увеличил силы до 90 тысяч человек и продолжил преследование. В месте Уртан Кара произошла битва с «неверными», и, как говорится в «Тазкире», «кровь неверных текла, как река Джейхун», а Али Арслан-хан был неуязвим для их «мечей и секир». Командир «неверных» обещал тому, кто поможет победить Али Арслан-хана, количество золота равное его весу. Помочь победить мусульман вызвался некий «старик из Уджата». Он обманом проник в мусульманское войско и стал работать поваром у хана. Во время отдыха после битвы «старик из Уджата» выведал у Али Арслан-хана секрет его неуязвимости, которая исчезала только во время молитвы, когда тело хана «становилось подобно воде», и его могла пронзить «даже соломинка»².

«Неверные» атаковали войско Али Арслан-хана во время утреннего намаза. Мулла собирался читать 108-ю суру (3 стиха), но перепутал ее с гораздо более длинной 48-й (29 стихов). За время, пока он читал эту суру,

¹ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 96–97.

² Ibid. P. 97–98.

были убиты многие из мусульман, а когда он начал читать 29-й стих, Али Арслан-хану отрубили голову. После победы над мусульманами «неверные» вторглись во владения Али Арслан-хана. Его слуги оказали яростное сопротивление, но также потерпели поражение. Тогда «в знак отчаяния» в битву вступила некая Мариам-ханум в сопровождении нескольких служанок. Им удалось повергнуть 25 воинов «неверных», однако силы были слишком неравны. Земля разверзлась и поглотила Мариам-ханум, а все служанки были убиты врагами¹.

Английский путешественник Г. Беллью в своем дневнике рассказывает данную легенду по-другому. Согласно его сведениям, секрет неуязвимости Али Арслан-хана был выведен несторианином². Когда Али Арслан-хан погиб, «неверные» осадили Кашгар. Они бросили голову Али Арслан-хана в стену Кашгара, и тогда Аланур-ханум решила отомстить за сына собственными руками. Она оставила свой дворец в Атуше и вместе со своими служанками атаковала врагов. Они убили 25 «неверных», однако, подавленные численностью противника, были вынуждены отступить. Земля перед ними разверзлась и приняла их в свои недра, однако преследователи обнаружили и убили их³. Таким образом, Г. Беллью отождествляет Аланур-ханум и Мариам-ханум, хотя в версии «Тазкире Сатук Бугра-хан», переведенной Р. Шоу⁴, эти женщины никак не связаны друг с другом. Беллью считал знаменитый кашгарский мазар Биби Мариам (Девы Марии) могилой именно Аланур-ханум⁵.

¹ Ibid. P. 98.

² Ibid. P. 98.

³ Беллью Г. У. Кашмир и Кашгар: дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 249.

⁴ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 110–127.

⁵ Беллью Г. У. Кашмир и Кашгар: дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. СПб., 1877. С. 249.

Али Арслан-хан аш-Шахид Абу-л-Хасан ибн Байташ Арслан-хан ибн Сатук Бугра-хан¹ стал одним из первых мучеников-шахидов. В полном соответствии со свидетельствами «Тазкире Сатук Бугра-хан» его тело захоронено в местности Уртан-кара, а голова – в Кашгаре, оба мазара активно посещаются современными паломниками-уйгурами². Из сообщения «Тазкире Сатук Бугра-хан» однозначно недостоверными могут быть признаны свидетельства о чудесном рождении, неуязвимости и «ахиллесовой пяте» Али Арслан-хана. Во всех этих эпизодах явно прослеживается мифологическая основа. С другой стороны, общий ход войны Али Арслан-хана против хотанцев и его смерть в результате внезапного нападения врага во время молитвы выглядят очень правдоподобно. Интересно также сообщение о наличии в войске Караханидов «старика из Уджата» – хотанского лазутчика. По сообщениям письменных источников, Али Арслан-хан «принял мученическую смерть» в последних числах января 998 г.³

После гибели Хасана Бугра-хана и Али Арслан-хана Караханидский каганат был фактически обезглавлен. Трон великого кагана перешел к старшему сыну Али Арслан-хана Ахмаду ибн Али. Если верить «Тазкире Сатук Бугра-хан», Кашгар снова оказался в руках хотанцев: «Неверные обратили людей Кашгара в свою веру, они ели мясо собак, ослов и свиней и считали нечистых змей дозволенной пищей»⁴.

Ситуация сложилась так, что все владения каганата оказались разделены между сыновьями Али Арслан-хана, а сыновья Хасана Бугра-хана

¹ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы, 2005. С. 104.

² Bellew H.W. Kashmir and Kashghar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–1874. L., 1875. P. 374.

³ Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы, 2005. С. 104.

⁴ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 102.

остались обделены. В Семиречье правил верховный хан Ахмад ибн Али, только что захваченный Мавераннахр достался его последнему завоевателю Насру ибн Али, их младшие братья получили мелкие уделы. Как предполагал В.В. Бартольд старший сын Хасана Бугра-хана Юсуф Кадыр-хан не получил своего удела¹. Б.Д. Кочнев считал иначе: «... теперь в свете всего того, что известно о каганате, трудно представить, чтобы один из старших представителей правящего дома мог остаться без владений: какая-то часть общекараханидского достояния в принципе была «положена» каждому Караханиду, тем более одному из старших»². Исходя из вышеизложенного можно предположить, что правы оба: с одной стороны, Юсуф Кадыр-хан непременно должен был получить удел как один из старших Караханидов, а с другой стороны, он мог получить старые родовые владения в Кашгаре, которые еще следовало отвоевать у хотанцев силами «беспокойных элементов народа»³.

«Тазкире Сатук Бугра-хан», хотя и достаточно туманно, но подтверждает данную версию: «Султан Хасан Бугра-хан сказал князю Юсуфу Кадыр-хану: отправляйся в Мадайн, обратись к Святым Имамам, скажи, что, мы считаем, земля Кашгара впала в неверие и нуждаемся в помощи Их Святейшеств»⁴. Мадайн – арабское название Ктесифона-Селевкии, доподлинно неизвестно, мог ли Юсуф Кадыр-хан отправиться в столь далекий путь, но к борьбы с «неверными» он должен был привлечь дополнительные силы, что можно было сделать только объявив джихад.

¹ Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 342–343.

² Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 134.

³ Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 342–343.

⁴ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 102.

Ключевую роль в священной войне должно было сыграть духовенство, и, по сведениям «Тазкире», оно оказало Юсуф Кадыр-хану поддержку: «Падишах Юсуф Кадыр-хан уважительно стоя в Присутствии, обратился: «О, Семя Пророка Божьего! Мы прибыли из Кашгара. Земля Кашгара полностью обратилась в неверие. Если победа не будет обретена во времена таких потомков Пророка как вы, после уже не будет победы. Если бы позволите, да будут с нами силы ислама...». Святой Имам Наср ад-Дин сказал: «О, Предводители! Быстрее соберите войско и выступайте вместе с Его Высочеством падишахом Юсуфом, и, если вы будете побеждены, отправьте нам весть»¹.

«Узнав, что Его Высочество Юсуф Кадыр-хан идет из Мадайна с армией в сто тысяч человек, Джукта-рашид бежал со всеми своими силами в города Китая. Люди Кашгара вышли на встречу Святому Юсуфу Кадыр-хану в горах Андижана с подарками и драгоценностями, они прижимали полы его одежд к своим глазам и целовали ему ноги»². «Святые Имамы, увидев письмо, сказали: «О, друзья! Письмо пришло к нам из земли Кашгара. Мы намерены завоевать неверных. Нет у нас другого дела, помимо этого». Они отбыли в направлении Кашгара... Через некоторое время, поставив правителем Кашгара Юсуфа Кадыр-хана, они направились в Китай»³. Пользуясь поддержкой исламского духовенства Юсуф Кадыр-хан сумел мобилизовать значительные силы, которые успешно вытеснили хотанские войска из Кашгара. «Тазкире Сатук Бугра-хан» далее рассказывает о борьбе с «неверными» уже на собственно хотанской территории.

В «Тазкире Сатук Бугра-хан» сообщается, что имамы (Наср ад-Дин, Муин ад-Дин, Захер ад-Дин и Кауам ад-Дин) осадили некий хотанский город, в котором укрылся предводитель хотанцев Джукта-рашид. К хотанцам был

¹ Ibid. P. 103.

² Ibid. P. 104.

³ Ibid. P. 105.

отправлен посланник со следующим сообщением: «Те, кто явились сюда – потомки Святого Мустафы (Да благословит его Аллах и приветствует). Их Святые имена: Имам Наср ад-Дин, Имам Муин ад-Дин, Имам Захер ад-Дин и Имам Кауам ад-Дин. Они пришли из Мавараннахра, чтобы завоевать землю Кашгара, с армией в сто сорок тысяч человек... Повесьте свои луки на шеи, явитесь перед ними и станьте мусульманами, исповедующими Веру. Если они не обратятся к Вере, то, начиная с Джукта-рашида, мы убьем их всех, захватим их детей и разрушим их города». Когда неверные услышали эти слова, свет мира стал для них тьмою. Подумав, они ответили: «Мы не отвергнем нашу веру»¹.

Согласно «Тазкире», благодаря магии «визиря» Джукта-рашида и других хотанских колдунов, город, пока в нем пребывали войска хотанцев, становился невидимым каждую ночь (у Караханидов было принято атаковать врага ночью)², в результате чего войска имамов не могли его взять в течение сорока лет. Наконец, войска хотанцев отступили, и город был взят. Имамы начали преследования врага, но подверглись нападению во время намаза и были убиты³.

Считается, что как раз на месте гибели имамов близ селения Полур расположен мазар «Четыре имама». Предание, связанное с этим мазаром, записанное Н.Н. Пржевальским, удивительно точно сохранило дату исламизации местных жителей – 390 год хиджры (999 г. н.э.)⁴. Надо сказать, что в окрестностях Хотана подавляющее большинство мазаров, такие как «Султан Гул Фаризед-ата», «Джафар Садык», «Улуг-мазар», «Унчелик-

¹ Ibid. P. 105–106.

² См. например Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. / Перевод Иванова. М., 1983. С. 194.

³ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 106–107.

⁴ Пржевальский Н.Н. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 430.

ханим», «Кои мамон», расположены именно в местах гибели реальных или вымышленных шахидов¹. Такая многочисленность мазаров шахидов свидетельствует о кровопролитной и продолжительной борьбе между мусульманами и буддистами, вероятно, продолжавшейся и после окончания военного противостояния Караханидов и Хотана.

Так или иначе, Хотан был захвачен Юсуфом Кадыр-ханом не позднее 1007 г.² «Осадив Хотан и сражаясь в течение двадцати пяти лет, он захватил землю Хотана и убил Джигалу Алхалхала из Китая... Он забрал товары и добычу из Хотана; на берегах Хан-арыка он купил Семь Деревень Тазгуна по цене мискаль золота за чарак земли и посвятил их религиозным нуждам»³. В «Сун ши» в разделе о Хотане, есть запись о прибытии ко двору в 1009 г. послов от правителя «Черной династии ханов» (黑汗朝) Хотана⁴. Вряд ли имеет смысл сомневаться в том, что Караханиды (тюркское слово «кара» означает «черный») к этому времени уже окончательно захватили политическую власть в Хотане, а также пытались устанавливать дипломатические отношения с государствами на востоке.

Очевидно, что Хотано-караханидская война была событием исключительной важности. В ней решилась судьба дальнейшего религиозно-политического развития всей Центральной Азии. Караханиды в борьбе с Хотаном потерпели несколько тяжелых поражений, и победили в итоге только благодаря мощной поддержке торговых теократий Мавераннахра. Победа хотанских буддистов в этой войне означала бы продолжение преобладания

¹ Чвырь Л.А. обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. С. 188, 191–193.

² Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 342.

³ Extracts from the Tazkiratu-l Bughra // Shaw R. A Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand). Calcutta, 1878. P. 104.

⁴ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14107页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14107.

буддизма в Таримской впадине, что, в свою очередь, могло привести к формированию единого буддийского политического пространства в Центральной Азии. В этих условиях ислам никогда бы не получил такого распространения в Китае, а противостояние буддизма и ислама в Евразии, вероятно, обострилось.

Хотано-караханидская война все еще остается историографическим «белым пятном». Более тщательное изучение фрагментарных свидетельств письменных источников разных регионов, а также исследование устной традиции Таримской впадины обязательно приведут к более ясному пониманию логики событий Хотано-караханидской войны.

§ 2. Религиозно-политический аспект караханидского завоевания Мавераннахра¹

Как уже было сказано, одновременно с войной против Хотана на востоке, Караханидский каганат вел войну против Саманидского эмирата на западе. Для понимания скрытых пружин религиозно-политического взаимодействия чрезвычайно важны события заключительного эпизода войны Караханидов и Саманидов, происходившей при внуке Сатук Бугра-хана – Хасане (Харуне) ибн Сулеймане. Когда караханидские войска подступили к главным городам Саманидского государства, его правители попытались привлечь к обороне народ, воспользовавшись влиянием мусульманского духовенства. Однако нашлись богословы, разъяснившие, что «если бы Ханиды воевали против религии, сражаться с ними было бы обязательно, но, поскольку, война идет из-за благ мира, не позволено

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично опубликованы автором в статье Желобов Д. Е. Трансформация бухарского духовенства в политическую силу в Центральной Азии // Бакинский славянский университет. Уральский федеральный университет. Ученые записки. Серия: общественно-политических наук. Совместный выпуск. Баку-Екатеринбург, 2012. С. 102–108.

мусульманам губить себя, участвуя в этом»¹. Таким образом, было парализовано, казалось бы, вполне естественное сопротивление простых иранцев тюркскому вторжению. А ведь отношения всех иранцев к тюркам, даже, как было сказано выше, в силу традиции, оставались достаточно негативным.

Если исходить из тогдашних условий, позиция духовенства была вполне понятна. Саманиды оставались для ислама весьма ненадежными союзниками. Считая себя потомками персидских шахиншахов, они активно возрождали домусульманскую иранскую культуру. Учитывая шаткие позиции ислама и все еще огромное количество людей, исповедовавших различные модификации зороастризма, реставрация господствующего положения этой религии вовсе не представлялась невозможной.

Еще опаснее для положения ислама в регионе выглядела другая перспектива. Известно, что в данную эпоху весь мусульманский мир был в состоянии глубокого раскола. Помимо активной борьбы между течениями внутри него, традиционный ислам обрел настоящего противника. Исмаилизм, по-видимому, имевший гностическо-манихейские корни, признаваемый богословами традиционного ислама учением не только не исламским, но и антиисламским, активно набирал силу. Уже возникло государство исмаилитов-фатимидов в Северной Африке, а также исмаилитская «республика» карматов на о. Бахрейн, исмаилиты буквально рвали на части Халифат.

Скорее всего, в планах исмаилитов очень важную роль играло и государство Саманидов. Исмаилиты из Северной Африки поддерживали активные связи с Мавераннахром. Даже один из идеологов фатимидов – Мухаммед бин Исмаил ад-Дарази (от его имени происходит этноним «друзы») был выходцем из Бухары. В государстве Саманидов исмаилиты

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. 1. М., 1963. С. 329.

занимали многие важные посты. Исмаилитами были глава саманидских войск в Хорасане, раис Бухары, сахиб хараджа. Последний даже послал фатимидскому халифу 119 тыс. динаров. Эмир Наср II так активно поддерживал исмаилитов, что его пришлось свергнуть. Переворот был осуществлен с помощью тюркских гулямов, которые одни оказались не подвержены влиянию исмаилизма.

Позиция этих гулямов, в решающий момент поддержавших своих тюркских сородичей, а также политика духовенства сыграли решающую роль в поражении Саманидов. Караханиды, как и тюркские гулямы, остались верны ортодоксальному исламу, и это принесло им победу уже в 999 г.

Караханиды действительно выделялись своей набожностью среди тогдашних мусульманских и даже тюркских династий. Известно, что они, в полном соответствии с предписаниями ислама, не пили вина, которое позволяли себе многие персидские и тюркские правители¹. Караханиды в монетной титулатуре особо подчеркивали свою приверженность исламу и благочестие и справедливость². Когда один мусульманский проповедник сказал караханиду Ибрахиму ибн Насру, что тот недостойн быть правителем, Ибрахим заперся во дворце и был готов отречься от престола³. Даже полностью завоевав Мавераннахр, Караханиды оставили нетронутым достаточно обширный фонд вакуфных земель.

¹Там же. С. 345.

²Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 13–38, 49–55.

³Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М., 1963. С. 374.

§ 3. Гаочан-Уйгурское государство в период расцвета¹

Безусловно, важнейшим источником по истории Гаочан-Уйгурского государства данного периода является отчет сунского посла Ван Яньдэ (王延德) о посещении им этого государства в 981–984 гг. помещенный в «Сун ши». «Сун ши» же, хоть и весьма лаконично, сообщает о целой серии дипломатических мероприятий со стороны Гаочан-Уйгурского государства, сопровождавших поездку Ван Яньдэ: «В 4 месяце 3 года «Цзяньлун» (962 г.) тутук сичжоужских уйгуров А и другие, всего 42 человека, привезли дань из местных товаров. В 11 месяце 3 года «Цяньдэ» (962 г.) каган уйгуров из Сичжоу отправил буддийского монаха Фа Юаня с подарками, состоящими из зуба Будды, стеклянной утвари и янтарной чаши. В 6 году «Тайпин Синго» (981 г.) их правитель впервые наименовал себя «сичжоужским племянником [императора] львиным правителем Арслан-ханом» и прислал тутука Майсовэня с подарками. В 5 месяце [император] Тайцзун отправил чиновника, находящегося в распоряжении императорских евнухов, Ван Яньдэ и чиновника для передачи распоряжений преддворцового управления Бай Сюня с посольством в Гаочан. В 6 году [«Тайпин Синго»] (983 г.) прибыл их посол Ань Хулу с данью»².

Взаимоотношений с недавно возникшим Сунским государством, очевидно, были приоритетом для гаочанских уйгуров. Участие в этих отношениях буддийской сангхи говорит о том, что она была также весьма заинтересована в данных отношениях. В этом просматривается, во-первых,

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично опубликованы автором в статьях Желобов Д. Е. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.) // Научный диалог. 2012. № 9. История. Социология и Желобов Д. Е. Гаочанские уйгуры и китайский буддизм // Материалы VI международной научно-практической конференции «Китай: история и современность», Екатеринбург 20–21 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2012. С. 6–16.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14110页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14110. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 88.

желание буддистов оказать влияния на Сунское государство, во-вторых, поиск внешнеполитических союзников. Если со стороны Империи Сун определенно имелось желание вовлечь гаочанских уйгуров в борьбу с киданями, то Гаочан находился в хороших отношениях с Ляо, а тангуты только обрели независимость и не представляли особой угрозы. Напрашивается, как и в отношении Хотана, вывод, что активизация отношений с Китаем после образования Сун была связана с попыткой получить от новой могущественной политической силы в Китае помощь в борьбе с Караханидами.

В «Сун ши» путешествие Ван Яньдэ описывается весьма подробно: «В 4 месяце 1 года «Юнси» (984 г.) Ван Яньдэ и его спутники возвратились, сообщили о путешествии и представили подарки. Прежде всего, [послы] из Сячжоу проследовали через Юйтинчжэнь. [...] Пересекли безводную пустыню, [проходя которую], все путешественники берут с собой воду. Всего за два дня достигли племени Дулоло. Проезжающие ханьские купцы оставляют [здесь] ценности, что называется «оставлять залог». [...] Затем прошли [земли] племени Маонюй ванцзы кайдао и попали в пески Люкэша. Песок глубиной в 3 чи, лошади идти не могут, [и поэтому] все путешественники едут на верблюдах. [...] Во время передвижения в песках определяли направление по солнцу. Утром [ехали], повернувшись спиной к солнцу, вечером – лицом к солнцу. Когда солнце было в зените – останавливались. Двигаясь ночью, наблюдали за луной и поступали таким же образом. Затем миновали племя волянхэтэ. В землях этого племени есть горы Душань. Это были земли уйгуров при династии Тан. Потом проехали [земли] племени Дачун Тайцзы, граничащие с киданями. Местное население любит расшитые одежды, утварь делают из золота и серебра. Из кобыльего молока готовят вино, от которого пьянеют. [...] Пересекли земли племени Ели ванцзы. [Здесь] протекает река Хэлочуань, [на которой] в танскую эпоху жила уйгурская принцесса. Здесь еще сохранились остатки

города. [...] Далее миновали долину Гэло. К западу располагается место слияния многочисленных потоков, и на беспредельных просторах виднелись громадные стаи чаек, аистов, уток, гусей и других птиц»¹.

Интересно, что Ван Яньдэ описывает Хами (Ичжоу), как отдельное государство во главе с китайской династией: «Начальник округа Ичжоу Чэнь и его предки, начиная со 2 года танского «Кайюань (714 г.), в течение нескольких десятков поколений управляют округом. [Здесь] еще в силе указы танского императора. В этой местности водятся дикие шелкопряды на многолетнем растении из рода Софора, можно ткать материю. Разводят баранов с большими курдюками, которые не могут ходить. Тяжелые курдюки весят 3 цзиня, а 1 цзинь. Мясо, как у медведя – белое и очень вкусное. Известен здесь точильный камень, после обработки которого получается булатная сталь, называется «камень читеши». Произрастает дерево хутун, которое после дождя дает сок»².

В описании пути Ван Яньдэ от Хами к Турфану есть некоторые подробности о взаимодействии религии и караванной торговли у гаочанских уйгуров: «Всего через три дня достигли прохода Гуйгукоу – станции-укрытия от ветров. По обычаю данной страны принесли жертву и отправили указ [духу], дух вступил в борьбу с ветром и ветер утих. Всего через восемь дней прибыли в буддийский храм Цзэтяньсы³. Когда в государстве Гаочан узнали о прибытии послов, то отправили людей для встречи. Миновав местность,

¹ 脱脱。宋史。北京 1985。第 40 册。第 14110 - 14111 页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14110–14111. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 88.

² 脱脱。宋史。北京, 1985。第 40 册。第 14111 页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14111. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 88.

³ Чиктим.

называющуюся Баочжуан¹, а также местность Лючжун², прибыли в государство Гаочан»³. Ван Яньдэ зафиксирован, с одной стороны обряд посвященный местному духу, видимо, очень архаичный, и абсолютно не буддйский, раз имело место жертвоприношение, с другой стороны то, что буддийские монастыри выступали в роли гостиниц для торговцев и путешественников, своевременно уведомляя власти об их прибытии.

Турфанский оазис был политическим и экономическим ядром Гаочан-Уйгурского государства. Недаром в «Сун ши» рассказ о Гаочан-Уйгурском государстве помещен в традиционный раздел под заглавием «Гаочан», очевидно китайцы в эту эпоху не видели разницы между государством в целом и этим его регионом. Ван Яньдэ описывает Турфанский оазис очень подробно.

«Гаочан – это область Сичжоу. Его территория на юге граничит с Хотаном, на юго-западе с Даши⁴ и Аньси⁵, а на западе с Ситяньбулу⁶. От Сюэшань⁷ до Цунлинь⁸ несколько тысяч ли. Здесь не бывает ни дождя, ни снега и очень жарко. Когда наступает сильная жара, все люди копают землянки, где и живут. Стаи птиц собираются по берегам рек, если взлетают,

¹ Пичан.

² Лукчун.

³ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14111页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14111. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 88–89.

⁴ «Таджики», т. е. мусульмане-караханиды.

⁵ Персия.

⁶ Индийский город Пурушапура.

⁷ «Снежные горы», данное название использовалось китайцами в отношении любых высоких гор, покрытых снегом. Имеется в виду, вероятно, восточный Тянь-Шань. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 107.

⁸ «Луковый хребет». Обычно под этим названием понимают Памир. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 107.

то лучи солнца обжигают их, они падают и ранят крылья. Постройки покрывают белой глиной. [Если выпадает] 5 цуней дождя, то многим жилищам наносятся повреждения. Ручьи, вытекающие из Цзиньшань¹, подводят в окружающие столицу районы для орошения полей и устройства водяных мельниц»².

Развалины города Гаочан сохранились донныне. У современных уйгуров место, где расположены эти развалины называется Идикутшахри (от титула гаочан-уйгурских правителей «идикут», «город идикута»), Караходжа («Город черного правителя»), Албатта-султан-шахри (легендарный мусульманский завоеватель Турфана) или Дакианус-шахри («Город Дакиануса», имя «Дакианус» происходит от имени римского императора Деция, это – персонаж легенды о «семи спящих отроках эфесских» из христианского Предания, заимствованной исламом, у уйгуров есть своя версия легенды, в которой действие происходит в Турфане)³. Если судить по археологическим находкам на территории города, Гаочан представлял собой огромный монастырско-храмовый комплекс, в котором зданий светского назначения было значительно меньше, чем религиозного⁴.

Ван Яньдэ отмечает как характерные черты природно-климатических условий Турфана (жару, незначительное количество осадков), так и своеобразие хозяйственной деятельности местного населения (орошаемое земледелие с использованием горных ручьев, использование водяных

¹ «Золотые горы», хребет Богдо Ола. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 107.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14111页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14111. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

³ Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. С. 196–198.

⁴ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 339.

мельниц). Отчет Ван Яньдэ позволяет предположить, что мнение¹ В. В. Бартольда об относительно позднем (XVII в.) возникновении в Турфане системы каризов² ошибочно и, по крайней мере, к X в. искусственное орошение, которое в условиях Турфана могло быть только подземным, уже играло важнейшую роль в экономике.

Подробности быта жителей Турфанского оазиса, отмеченные Ван Яньдэ, говорят о значительном распространении религиозного синкретизма. Ван Яньдэ как китаец, замечает, прежде всего, сочетание буддизма с элементами добуддийских верований. «Произрастают различные злаки, но нет гречихи. Знатные люди едят конину, остальные – баранину, а также гусей и уток. Из музыкальных инструментов больше всего [известны] пиба и кунхоу. Производят собольи шкурки, белые хлопчатобумажные и узорчатые парчевые ткани. По обычаю, любят ездить верхом и стрелять из лука. Женщины носят лакированные шапочки, которые называются «сумучжэ». Пользуются календарем, введенным в 7 году «Кайюань» (719 г.). 9 число 3 месяца считается постным днем. Кроме того, совершают дважды в году жертвоприношения духу земли (весной и осенью), а также отмечают день зимнего солнцестояния. Для развлечения делают трубочки из серебра или латуни (бронзы), наполняют их водой и брызгают, а то и просто обливают друг друга водой. Это называется «подавлять [начало] ян», что помогает изгнанию болезней. Любят развлекаться. Во время прогулок обязательно берут с собой музыкальные инструменты. [...] В государстве нет бедных,

¹ Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М, 2002. С. 522–523.

² Каризы – система орошения, состоящая из подземных каналов и глубоких колодцев. Подземная система орошения предотвращала быстрое испарение воды в условиях необычайно сухого турфанского климата и позволяла экономно расходовать воду, поступающую на поля из горных ледников. Турфанские каризы – грандиозное инженерное сооружение, по общей длине превосходящее Великую Китайскую стену.

нуждающимся в пище оказывается помощь. Возраст многих превышает сто лет, и совершенно нет умирающих рано»¹.

Ван Яньдэ подчеркивает приверженность населения Гаочан-Уйгурского государства буддизму, причем в его китайской форме, а также значительное влияние на него китайской культуры. Он упоминает манихейство, но очевидно, что по числу последователей и политическому влиянию оно существенно уступает буддизму. «Здесь более 50 буддийских храмов, и для всех пожалованы наименования во время династии Тан. В храмах хранятся копии «Типитаки», словари «Танюань», «Юйбянь», «Цзиньинь», а также другие книги. Весной многие жители собираются вместе и с радостью и веселием посещают эти храмы. Едущие верхом на лошадях с луками и стрелами в руках стреляют в разные предметы, что называется «отгонять несчастья». Имеется башня с приказами, в которой хранятся послания и приказы с собственноручной надписью танского императора Тайцзуна Минхуана (627–649). [Башня] тщательно опечатана. Еще есть манихейские храмы, и персидские монахи молятся по своим законам. Это, как их называют в буддийских книгах «иноверцы»².

Археологами в Турфане обнаружена богатая буддийская литература. На уйгурский, в основном, переводились буддийские тексты с тохарского и китайского языка. На тохарский – язык местного населения Турфанского оазиса – основной корпус текстов был переведен еще задолго до появления здесь уйгуров. Однако процессы вытеснения тохарского языка уйгурским и серьезное расхождение разговорного и письменного тохарского языка вызвали необходимость в переводе тохарских текстов.

¹ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14111 - 14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14111–14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

Хотя известно, что буддизм проник в Китай именно с территории Таримской впадины, а одним из первых переводчиков буддийских текстов с санскрита на китайский был Кумараджива из Кучи, в Турфане возникла необходимость перевода этих текстов уже с китайского на уйгурский. Это можно объяснить следующим образом. В результате политической борьбы и непрерывных войн, а также, вероятно, религиозных гонений со стороны манихеев Орхон-Уйгурского каганата, многие тексты буддизма на тохарском языке, включая основополагающие, могли быть утрачены. Кроме того, буддизм Турфана находился в тесном взаимодействии с китайским буддизмом, и монашеские общины должны были пользоваться одинаковыми текстами.

Из переводов с китайского на уйгурский наиболее известны переводы Сингку Сели-тутуна из Бешбалика. Ему принадлежат переводы сутры «Золотой блеск» и биографии Сюаньцзана. Сутра «Золотой блеск» (Суварнапрабхаса) пользовалась большой популярностью среди уйгуров, о чем свидетельствуют находки ее различных редакций. Существовали и другие переводы: «История принцев Кальянамкара и Папамкара», «Алмазная сутра» (полное название: «Ваджраччхедика Праджняпарамита сутра» – «Сутра о совершенной мудрости, рассекающей, как удар молнии»), «Сутра Вималакирти», «Абхидхармакоша», «Сутра Амитабхи», «Сутра Лотоса» («Саддхармапундарика сутра»)¹.

Буддийская литература в Гаочан-Уйгурском государстве, представлена различными жанрами, такими как канонические сочинения, легенды, проповеди. Помимо переводных проповедей составлялись новые. Эти проповеди посвящались религии, но, чтобы проповедь более понятна слушателям, в них говорилось и о житейских проблемах.

¹ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.–Л., 1966. С. 217–218.

Найденные в Турфане документы свидетельствуют о том, что грамотность среди уйгуров распространена сравнительно широко. Хорошо образованные монахи проповедовали буддизм в монастырях и при императорских дворах других государств. Уйгурское государство в Ганьсу было в дружественных отношениях с гаочанскими уйгурами, и на территории этого государства, прежде всего в Дуньхуане, находят многочисленные копии буддийских текстов на уйгурском языке, практически идентичных турфанским.

Буддийские монастыри играли огромную роль в культурной, политической и экономической жизни Гаочан-Уйгурского государства. Им принадлежали огромные земельные владения, поля и виноградники. Земли монастырей обрабатывались зависимыми от них крестьянами, а также сдавались в аренду. Внутри монастырей располагались ремесленные мастерские, склады продовольствия и других товаров. И монастыри в целом, и даже отдельные монахи могли выступать в качестве ростовщиков¹.

Между современными городами Турфан и Шаньшань в местности Безеклик сохранились пещеры с буддийскими фресками, которые, по всей видимости, представляют собой остатки крупного буддийского монастыря. Некоторые исследователи идентифицируют данный монастырь, как неоднократно упоминающийся в турфанских текстах монастырь Муртлук. Предполагается, что Безеклик первоначально принадлежал манихеям и лишь позднее был превращен в буддийский монастырь. В Безеклике найдено большое количество предметов манихейского и буддийского искусства, таких как фрагменты манихейских рукописей, остатки шелковых тканей с рисунками, манихейские хоругви, картины на манихейские и буддийские сюжеты, скульптура и т. д. Пещеры с фресками расположены высоко на

¹ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.–Л., 1966. С. 139, 142–143.

склоне горы, возвышаясь над долиной как естественная крепость¹. Подобные пещеры обнаружены также в долине Туюк, где они являются частью т. н. «Туюк-мазара» – места традиционного культа современных уйгуров. Фрески, находящиеся в этих пещерах, по-видимому, и послужили основой для создания уйгурской версии легенды о «семи спящих отроках эфесских»². Пещеры с буддийскими фресками также расположены в Кызыле в окрестностях Кучи, на крайнем западе территории Гаочан-Уйгурского государства. Поэтому можно предположить, что пещерные храмы были достаточно обычны для буддийской архитектуры этого государства.

Манихейство, хотя на данном этапе существования Гаочан-Уйгурского государства и утратило господствующее положение, тем не менее, сохранилось в качестве второй по значимости религии. Манихейство среди населения Гаочан-Уйгурского государства было тесно связано с буддизмом. В проповедях уйгурских манихеев часто использовались стандартные буддийские выражения и обозначения, так, например, в некоторых манихейских документах Мани именуется «Майтрея». Манихеи усвоили иерархическую структуру и экономическую политику буддийских монастырей. Манихейское духовенство Гаочан-Уйгурском государстве было крупным землевладельцем. Документы свидетельствуют о том, что государство предоставляло манихейским монастырям, так же как и буддийским, большие участки земли с работающими на них крестьянами, от которых они через чисто феодальные процедуры регулярно получали нормированную прибыль и, таким образом, фактически являлись владельцами крупных феодальных поместий³.

¹ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.–Л., 1966. С. 202, 137.

² Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006. С. 196–198.

³ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 525, 529.

Манихейское духовенство Гаочан-Уйгурского государства стало использовать систему строгой феодально-религиозной иерархии. Если в ранних манихейских общинах люди различались, прежде всего, по достигнутому уровню своего духовного совершенства в соответствии с идеалами культа и оставались равными внутри религиозной общины, то манихейское духовенство Гаочан-Уйгурского государства представляло собой строгую иерархию с высшими священнослужителями на ее верхних ступенях, пользовавшимися различными привилегиями, и рядовыми — на нижних. В некоторых храмах, например, чтобы получить привилегированный статус священнослужителя более высокого ранга, надо было пройти через телесные истязания¹.

В Турфане были обнаружены многочисленные манихейские документы на среднеперсидском, парфянском, уйгурском и согдийском языках. Манихейское письмо служило письменностью манихейской церкви, заимствованной для записи уйгурского языка в Орхон-Уйгурском каганате и несмотря на уменьшения влияния манихейства, активно использовалось в Гаочан-Уйгурском государстве. Среди этих документов представлены классические сочинения манихеев Ирана и Центральной Азии, каноны, толкования и комментарии, религиозная мифология, история церкви, духовные песнопения и молитвы, вероучительные тексты. В Гаочане и Бешбалике были обнаружены многочисленные фрески и рисунки на шелке. Среди их сюжетов – «Проповедующий Мани», «Три главных дерева» (деревья, символизирующие царство света), «Флаги и вымпелы», «Музыканты», «Исповедание», «Избранные жены», «Богини и покровители»².

Еще одной значимой религией Гаочан-Уйгурского государства было несторианство. Несторианство возникло как отдельная форма христианства на основе христологического учения, приписываемого константинопольскому

¹ Там же. С. 353–354, 354–355.

² Там же. С. 353–354, 355–359.

архиепископу Несторию, в 431 г, когда на Третьем Вселенском соборе в Эфесе учение Нестория было осуждено. Несторианство подвергалось гонениям в Византийской Империи как ересь, однако широко распространилось на ее восточных территориях, особенно в Сирии. Впоследствии оно было поддержано Иранскими шахиншахами, боровшимися с Византией, и уже из Ирана проникло в Центральную Азию и даже в Китай. В Турфанском оазисе несторианство распространилось уже в V–VI вв., а после мусульманского завоевания Согдианы (709–712 гг.), гонений на «иноземные религии» в Китае (845 г.) и исламизации Караханидского каганата (960 г.) значительно укрепилось, хотя его влияние никогда не превосходило влияние буддизма и манихейства.

Первый этап распространения несторианства на территории Турфанского оазиса был связан с согдийской колонизацией, согдийский язык в Согдиане и Таримской впадине стал фактически вторым языком несторианской церкви после сирийского. Уже после возникновения Гаочан-Уйгурского государства и распространения среди населения Кучи, Карашара и Турфана уйгурского языка, несторианская литература активно переводилась на уйгурский. Число найденных фрагментов уйгурских несторианских текстов велико, хотя и уступает количеству текстов на согдийском. Так, были обнаружены отрывки из жития Святого Георгия, описание Рождества и поклонения волхвов, отрывки из Псалтыри для таинства венчания. В городе Гаочан археологами была найдена христианская церковь, а за северо-восточными воротами города – руины небольшого монастыря. На стенах церкви были найдены фрески с изображениями Святого Георгия и Вербного воскресения¹.

¹ Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии // Восточный Туркестан и Центральная Азия: история, культура, связи. М. 1984. С. 130. Никитин А. Б. Христианство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии. М., 1992. С. 539–540.

Среди найденных к сегодняшнему дню документов на уйгурском языке большую часть составляют буддийские произведения, на втором месте – манихейские и на третьем – несторианские, что отражает статус этих трех религий в Гаочан-Уйгурском государстве данного периода.

Ван Яньдэ сообщает, что «под управлением государства Гаочан находятся южные и северные тюрки, большие и малые чигили, ягма, карлуки, кыргызы, барман, геты, урунгу и другие многочисленные племена»¹. Таким образом, по сведениям Ван Яньдэ, государство Гаочанских уйгуров охватывало Западную Монголию, часть Южной Сибири, Джунгарию, Семиречье, окрестности оз. Иссык-Куль, западную часть Таримской впадины, часть бассейна Амударьи и Сырдарьи, а Караханидского каганата не существует вообще. Эти сведения носят явно фантастический характер и могли быть получены китайским послом только от самих уйгуров. Поэтому они отражают не реальные границы государства, а его территориальные претензии.

По прибытии в Гаочан, Ван Яньдэ был принят местными властями. «Был четвертый месяц. Арслан-хан отдыхал в Бешбалике. Его дядя Адоюйюэ оставался управлять государством. Он предварительно послал людей к Ван Яньдэ для выяснения обстановки. [Эти люди] передали [Ван] Яньдэ его слова: «Я дядя кагана; выполнит ли посол передо мною установленный церемониал?» [Ван] Яньдэ ответил: «Я прибыл по приказу императорского двора, выполнять церемониал нет надобности». Вновь спросили: «При встрече с каганом выполнит ли посол церемониал?» Ван Яньдэ ответил: «И в этом случае церемониал выполнять не следует». Через несколько дней Адоюйюэ впервые принял [Ван Яньдэ], церемониал был весьма почтительным. Арслан-хан пригласил [Ван] Яньдэ к себе в Бешбалик»².

¹ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89.

«Миновали Ярхото и всего через шесть дней прибыли к долтне, ведущей в Цзиньшань. Из этих мест происходят драгоценные меха. Еще через два дня прибыли в Ханьцзячжай. Еще через пять дней поднялись на Цзиньшань. За горами выпадает много дождя и снега. На хребте в кумирне, посвященной богу водной стихии, выбита на камне надпись, гласящая: «Малые снежные горы». На хребте лежит снег, и путешественники надевают шерстяные накидки»¹.

«Перевалив хребет, через день прибыли в Бешбалик. Остановились на отдых в монастыре Гаотайсы. Правитель [велел] поджарить баранину и конину для еды, было очень обильно и чисто. Стране много лошадей. Каган, жена кагана и наследник занимаются разведением лошадей, которые пасутся в долине Пинчуань, протянувшейся более чем на сто ли. Табуны группируются по масти. Не знают численности лошадей. Речные долины в Бешбалике широкие и длинные – на несколько тысяч ли. Это места, где живут орлы, соколы, ястребы и другие хищные птицы. [Здесь] произрастает большое количество прекрасной травы, но цветов нет. Суслики величиной с зайца, хищные птицы ловят их и едят»².

«Правитель Гаочана прислал человека сказать, чтобы выбрали день для аудиенции. Посол выразил желание не откладывать надолго. Через семь дней посетил гаочанского кагана. Правитель, наследник и все присутствующие поклонились в сторону востока. При вручении подарков был человек, державший нефритовый гонг. Он ударял в него для указания момента поклона. Правитель при звуке гонга кланялся, тогда сыновья, дочери и родственники кагана также кланялись и получали подарки. Вслед за этим

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14112页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14112. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 89. С. 90.

¹ Там же.

² Там же.

состоялся музыкальный концерт и трапеза, развлекались до вечера. На следующий день катались на лодках по озеру, с четырех сторон по берегам озера играла музыка. Еще через день посетили буддийские храмы, которые назывались Инъюньсы и Данинсы, построенные на 14 году «Чжэньгуань» (640 г.)»¹.

«В горах к северу от Бешбалика добывается нашатырь. В горах часто появляется дым. Вечером, когда на небе нет облаков и нет тумана, появляется сияние, как [от горящего] факела. Освещенные им звери и птицы кажутся красными. Сборщики [нашатыря] одевают обувь с деревянными подошвами. Если одеть [обувь] с кожаными [подошвами], то сразу же появляются ожоги. Внизу имеется пещера, в которой образуется черная грязь. Вынутая из пещеры, она превращается в песок и камень. Местные жители собирают ее для лечения болезней кожи»².

«В городе много дворцовых зданий, арок. Люди светлокожие, понятливые, характер у них прямой. Искусные мастера, изготавливают прекрасную утварь из золота, серебра, меди и железа. Умеют обрабатывать нефрит. Хорошая лошадь стоит один кусок шелка. Плохие лошади употребляются в пищу и стоят только один чжан [шелка]. Все бедные употребляют в пищу мясо»³.

Далее Ван Яньдэ пишет, что «на западе [граница уйгурского государства] достигает Кучи, которая была западной границей танского государства»⁴. Это явно противоречит тому, что сунский посол писал ранее, что свидетельствует о его весьма поверхностном представлении о реальной ситуации на западных границах Гаочан-Уйгурского государства. Неясность сведений Ван Яньдэ, также как всех и прочих авторов, о Куче не позволят

¹ Там же. С. 14113.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

однозначно ответить, принадлежала ли Куча гаочанским уйгурам. Можно предположить, что, скорее всего, она находилась от них в вассальной зависимости, но управлялась собственной династией. Куча была важным экономическим центром, впоследствии потерянным Гаочан-Уйгурским государством. Население Кучи занималось интенсивным земледелием и горным скотоводством. Важнейшим стратегическим ресурсом Кучи было железо, добываемое в горах Тянь-Шань, им Куча снабжала всю территорию Таримской впадины¹.

«В 7 месяце правитель распорядился, чтобы Ван Яньдэ вернулся домой. Правитель [Гаочана] прибыл только в 9 месяце. Затем узнали о прибытии киданьского посла. У посла не было губ и рот прикрывался серебряной пластинкой. [Киданьский посол] говорил правителю Гаочана: «Говорят, ханьцы отправили посла к татарам. Проезжая через территорию государства кагана [посол] завлекает каган и высматривает границу. Будет лучше скорее отправить его к татарам, нельзя допускать, чтобы он оставался долго». Затем сказал: «Гаочан был территорией ханьского государства, ханьский посол прибыл тайно высмотреть территорию, он имеет другие (плохие) намерения. Каган должен расследовать это». [Ван] Яньдэ, тайно узнав о его словах, сказал кагану: «Кидане постоянно проявляют непокорность Китаю, сейчас они устраивают заговор и хотят убить меня». Правитель поверил этому и пресек [эти замыслы]»².

Очевидно, что кидани были недовольны попытками сунского Китая установить отношения с Гаочан-Уйгурским государством, и во время пребывания Ван Яньдэ в Бешбалике интриговали против него. Между Гаочан-Уйгурским государством и киданьской империей Ляо существовала

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 346.

² 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14113页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985 Т. 40. С. 14113. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974. С. 90.

общая граница, через которую осуществлялись оживленные связи, особенно в области торговли. В официально истории киданьского государства «Ляо ши» отмечено большое количество «посольств» (которые, вероятно, были торговыми караванами), посещавших столицу Киданьского государства. На основании записей, имеющих в «Ляо ши» можно составить довольно полное представление о торговой деятельности купцов Гаочан-Уйгурского государства. «Ляо ши» была составлена при дворе императора Тогон-Темур монгольской династии Юань комиссией во главе с монгольским ученым Токто в 1345 г. История написана в полном соответствии с традиционным планом, по которому составлялись все исторические сочинения, начиная с Сыма Цяня. Поэтому «Ляо ши» напрямую не говорит о торговле с турфанскими купцами, а только сообщает о прибытии «послов» ко двору киданьских императоров, да изредка отмечает, что эти послы представили подарки. В некоторых случаях делались записи и об ответных подарках киданьского императора, вручаемых послам.

В «Ляо ши» имеется свыше 70 кратких сообщений о посольствах уйгуров к киданьскому императорскому двору. Они извещают о прибытии послов и представлении дани. Только в шести записях перечисляются предметы, составлявшие эту «дань». В качестве «дани» в столицу Киданьского государства доставлялись прекрасные лошади, отличный нефрит, «местная продукция», упоминаются также павлин, леопард и необычные предметы, которые двор, кстати сказать, отказался принять. Ни в одном случае не указывается количество¹. Упомянутые в «Ляо ши» предметы, за исключением лошадей, нефрита и местной продукции, вероятно, не товары, и конечно не дань, а традиционные подарки, обычные в практике межгосударственных отношений того времени. Е Лунли в своем сочинении приводит более правдоподобный список товаров, хотя также далеко не

¹ 脱脱。辽史。北京，1974。3册。Тото. Ляо ши. Бэйцзин, 1974. 3 т. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX–XII вв. Новосибирск, 1974. С. 64–73.

полный: «нефрит, [рог] носорога, ладан, янтарь, нашатырь, агатовые поделки, оружие из булатной стали, черная шерстяная ткань с диагональным плетением, черная шерстяная пряжа (ткань), мэньдэсы, палиха, шерстяная пряжа»¹.

В источниках ничего не сообщается о товарах, которые уйгуры вывозили из Киданьского государства. В «Цидань гочжи» Е Лунли говорится о существовании торговли с северными странами и о порядке установления цен: «Также ведут и торговлю с другими государствами. Глава государства уйгуров вместе с главами северных [народов и государств] устанавливал цену»².

О широком развитии торговли уйгуров с Киданьским государством свидетельствует также и сооружение в Верхней столице Киданьского государства (район современного города Линьдун в северо-западной части провинции Ляонин) специального подворья для турфанских купцов, в котором они жили во время пребывания в столице. Послы всех других государств жили отдельно от турфанских послов. Интересно отметить, что в этом сообщении «Ляо ши» уйгурские купцы названы «купцами» (商販 «шанфань»), а не послами (使 «ши»)³.

В данный период купцы из Гаочан-Уйгурского государства и союзного ему Ганьчжоу-Уйгурского каганата под руководством представителей буддийской сангхи контролировали транзитную торговлю на всем восточном участке Великого Шелкового пути, ведя монопольную торговлю с Китаем. В Турфане сходились северный и южный тракт караванного пути, через Турфан

¹ 叶隆礼。契丹国志。上海, 1985。170 页。Е Лунли。Циданьгочжи。Шанхай, 1985。С. 119。
Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974。С. 75。

² 叶隆礼。契丹国志。上海, 1985。170 页。Е Лунли。Циданьгочжи。Шанхай, 1985。С. 140。
Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974。С. 75。

³ 脱脱。辽史。北京, 1974。第 1 册。第 441 页。Тото。Ляо ши。Бэйцзин, 1974。Т. 1。С. 441。
Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. Новосибирск, 1974。С. 74。

проходил единственный маршрут, которому на этом участке не было альтернативы. К числу товаров продаваемых ими в Китае относились хотанский нефрит, персидские ткани, хлопчатобумажные ткани, янтарь, лошади, верблюды¹.

Начало XI в. ознаменовалось войнами между тангутским государством Си Ся и уйгурами. В борьбе с тангутами участвовал, главным образом, в силу своей географической близости с Си Ся, Ганьчжоу-Уйгурский каганат. Война 1008–1010 гг. была тангутами проиграна, в этой войне едиными силами выступали против тангутов уйгуры и тибетцы. Но к 1016 г. уйгуры и тибетцы поссорились, и уйгуры заняли Лянчжоу. В 1026 г. кидани и тангуты напали на Ганьчжоу. Уйгуры отразили это нападение. В 1028 г. тангуты атаковали Лянчжоу и Ганьчжоу и овладели этими областями. В 1036 г. они завоевали регион Сучжоу, Гуачжоу и Шачжоу, таким образом расширив свои границы до Хами и уничтожили Ганьчжоу-Уйгурский каганат².

Первоначально Гаочан-Уйгурское государство продолжало борьбу с Си Ся, причем осуществлять это оно пыталось руками тибетцев. В «Вэньсянь тункао» есть отрывок, повествующий о том, как гаочанская буддийская теократия через своих агентов-торговцев создала из разрозненных тибетских племен сильное государство для противостояния Си Ся: «Затем Юань-хао занял Силянфу, а старые племена Болочжи одно за другим подчинились [Цзуйсыло]. [Цзуй]сыло, кроме того, получил несколько десятков тысяч уйгуров. [Цзуй]сыло жил в Шаньчжоу, к западу находился город (крепость) Линьгу. Варварские купцы, снующие между Цинхаем, Гаочаном и другими государствами, все стекаются для торговли в Шаньчжоу. Поэтому Цзуйсыло разбогател и усилился»³.

¹ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988. С. 327.

² Кычанов Е. И. Из истории уйгурско-тангутских войн в первой половине IX в. // Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб., 2008. С. 51–58.

Китайские источники сообщают, что Цзуйсыло (唃廝囉) родился в месте «Гаочанский Моюго» (高唱磨榆国), под этим названием, вероятно, фигурирует турфанский буддийский монастырь Муртлук. Созданная им тибетская конфедерация обеспечивала доступ уйгурским караванам в Китай в обход владений враждебных тангутов, благодаря поддержке сангхи потомкам Цзуйсыло удалось породниться почти со всеми правящими родами государств Таримской впадины, исключая, естественно, мусульман-Караханидов¹.

³ 马端林。文献通考。北京，1986。第14册。第2630页。Ma Дуаньлин。Вэньсянь тункао。Бэйцзин, 1986。Т. 14。С. 2630。

¹ Horlemann B. The Relations of Eleventh-Century the Tsong kha Tribal Confederation to Its Neighbour States on the Silk Road // Contributions to the Cultural History of Early Tibet. Leiden, 2007. P. 92–93.

Глава 3. Государства Таримской впадины в 1 пол. XI – нач. XII вв.: последний этап независимого существования

§ 1. Религиозно-политические процессы в Восточном и Западном караханидских каганатах до киданьского завоевания

В 1040 г. единый Караханидский каганат распался на Западно-караханидский и Восточно-караханидский. Западно-караханидский отпал от единого каганата в результате захвата караханидом Ибрахимом ибн Насром Мавераннахра. Первоначально занимая весьма низкую позицию среди Караханидов (он был носителем внерангового титула «бёри-тегин»), Ибрахим ибн Наср в результате военных успехов сумел поставить под свой контроль Мавераннахр, присвоил себе высший среди Караханидов титул «тафгач-хан», а в 1060 г. даже захватил столицу всего каганата – Баласагун¹.

Тем не менее, свою резиденцию в Баласагун Ибрахим ибн Наср переносить не стал, оставшись в Самарканде. В своем новом каганате он проводил централизаторскую политику: ликвидировал многоступенчатую феодальную иерархию, институт младших каганов-соправителей и удельно-лествичную систему, сделав порядок престолонаследия прямым от отца к сыну². Безусловно, подобный слом кочевнических традиций не мог быть осуществлен Ибрахимом ибн Насром без мощной поддержки. И эта поддержка действительно имела место, источники прямым текстом говорят о теснейшей связи и противоречивых отношениях между Ибрахимом ибн Насром и мусульманским духовенством.

Так, например, ибн ал-Асир пишет: «Тамгач-хан Абу-л-Музаффар Ибрахим ибн Наср был илеком с почетным прозвищем ‘Имад ад-Давла. Он

¹ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 171, 190–195, 208.

² Там же. С. 251.

владел Самаркандом и Ферганой. Его отец был набожным подвижником. Он завладел Самаркандом и, когда умер, сын его Тамгач-хан унаследовал его у него и стал править после него. Тамгач-хан [тоже] был набожным. Он никогда не брал никакие деньги кроме как с решения законоведов. К нему прибыл проповедник Абу Шуджа‘ ал-‘Алави, который был аскетом, и, обратившись к нему с проповедью, сказал: «Ты не годишься для властвования». И Тамгач-хан закрыл двери своих покоев и решил оставить правление. У него собрались жители города и сказали: «Этот человек ошибся. Правление нашими делами предназначено именно тебе». После этого он снова открыл двери [своих покоев]»¹.

Также ибн ал-Асир повествует о борьбе Ибрахима ибн Насра с исмаилитами: «В этом году [1044–1045 гг.] Богра-хан² напал на большую группу исма‘илитов. Причиной этого было то, что несколько человек из них направились в Мавераннахр и стали призывать к повиновению ал-Мустансиру би-л-лаху ал-‘Алави, правителю Египта. Им последовало много людей, и они стали исповедовать учения, которые не признавались жителями этой страны. Когда до правителя [Мавераннахра] Богра-хана дошла весть о них, он решил напасть на них, но боялся, что от него спасутся некоторые присоединившиеся к ним из этой страны. Поэтому он сделал вид перед некоторыми из них, что якобы имеет к ним склонность и хочет примкнуть к их учениям. Он объявил им об этом и стал приглашать их на встречи с собой. Так он поступал, пока не узнал всех, кто согласился с их призывами. Тогда он убил всех из них, кто встречался с ним, и написал в другие города, приказывая убить тех, кто был там. С ними и поступили так, как он приказал, и освободилась от них эта страна»³.

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 186–187.

² Ибрахим ибн Наср.

³ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 214.

Считается, что при этом Ибрахим ибн Наср казнил одного шейха – Абу-л-Касыма Самарканди. Согласно мнению В.В. Бартольда, это свидетельствует о «борьбе между светской властью и духовенством»¹. Очевидно, что на первых порах пытающийся заручиться поддержкой духовенства Ибрахим ибн Наср, в процессе централизации государства столкнулся с растущей оппозицией торгово-теократических кругов, которую он пытался сломить путем репрессий. Засвидетельствована его бескомпромиссная борьба якобы с преступностью, а на самом деле с городским ополчением «аййар»², являющимся опорой духовенства, и попытки воздействовать на рыночные цены, объясняемые якобы «интересами трудящегося населения»³. Конечно, «интересы трудящегося населения» вряд ли волновали хана, а вот попытка оказания давления на купечество очевидна. Таким образом, в деятельности Ибрахима ибн Насра явно прослеживается борьба против торгово-теократических кругов.

До 1056 г. в Восточно-караханидском каганате было два кагана – великий каган Арслан-хан Сулайман ибн Юсуф и младший каган Бугра-хан Мухаммад ибн Юсуф. В 1056 г. Мухаммад взял брата в плен и захватил его владения. Когда братья погибли, престо перешел к сыну Бугра-хана, Арслан-хану Ибрахиму (1058–1063 гг.). Затем, как уже говорилось, Баласагун и все Семиречье захватил Ибрахим ибн Наср, и удерживал его до 1069 г. После 1069 г. Семиречье снова вернулось в состав Восточно-караханидского каганата⁴. С этим периодом связано еще одно интересное событие. Согласно

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 376, 373.

² Большаков О. Г. Бухара времени Ибн Сины // Письменные памятники и проблемы культуры Востока. Ч. 3. 1981. С. 15–16.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 374–375.

⁴ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 251.

рассказу ибн ал-Асира в 1043–1044 гг.: «Владельцем Баласагуна и страны тюрков был Шараф ад-Давла. Он был религиозен и удовлетворился повиновением ему его братьев и родственников и разделил страну между ними. Своему брату Аслан-хану, отдал многое из страны тюрков. Тараз и Исфиджаб отдал своему брату Богра-хану, Фергану всю целиком отдал дяде по отцу Туган-хану, а Бухару, Самарканд и другие [города] отдал Ибн ‘Али-тегину. А сам он удовлетворился Баласагуном и Кашгаром»¹.

Б. Д. Кочнев полагал, что «Шараф ад-Давла» – это Арслан-хан Сулайман ибн Юсуф, «Богра-хан» – Бугра-хан Мухаммад ибн Юсуф, «Туган-хан» – Тоган-хан Мухаммад ибн Хасан, а «Аслан-хан» – Арслан-тегин Ахмад ибн Мухаммад (сын, а не племянник предыдущего). Именно Ахмада ибн Мухаммада он считал героем похода на «неверных», описанного у Махмуда Кашгарского².

У Махмуда Кашгарского этот поход описывается следующим образом: «Одного из главных воинов Йабаку звали Бука Будраж. Аллах Всевышний принес ему поражение в день, когда на него напал Арслан Тикин – Завоеватель с сорока тысячами мусульман. Неверных же при Бука Будраже было семьсот тысяч. Махмуд сказал: «Я спросил у тех, кто видел эту битву: «Как же неверных могло постичь поражение при такой многочисленности войск?». Они мне ответили: «Мы тоже были удивлены этим. Мы спросили неверных: «Как вы потерпели поражение при таком преимуществе?». И они сказали: «Когда застучали барабаны и затрубили трубы, мы увидели перед собой зеленую гору, закрывающую горизонт. В ней было неисчислимое количество дверей, все они были распахнуты и испускали огненные молнии в нашу сторону. Мы были этим поражены, и вы победили нас». Я сказал: «Это

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 213.

² Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 193–197.

одно из чудес Посланника Аллаха – да благословит его Аллах и приветствует! – которые пребывают со всеми мусульманами»¹.

Ибн ал-Асир описывает также несколько эпизодов мирного обращения кочевников в ислам. В этих же 1043–1044 гг. «в месяце сафаре приняли ислам десять тысяч кибиток из неверных тюрков, которые, бывало, делали ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, грабили их и учиняли беспорядки. И принесли в жертву в день праздника жертвоприношения двадцать тысяч голов овец, и Аллах [таким образом] избавил мусульман от их вражды. Они проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна. Но когда приняли ислам, то рассеялись по стране; в каждом крае по тысяче кибиток или меньше или больше; ведь они объединялись [раньше] только для того, чтобы защищать друг друга от мусульман. Не принявшими ислам среди тюрков остались татары и хитай, а они в областях Китая». В 1046–1047 гг. «из страны Тибет ушло неисчислимое множество тюрков. Они связались с Арслан-ханом, правителем Баласагуна, выражая ему благодарность за доброе отношение к его подданным. С их стороны не было ничего плохого по отношению к его государству, но они остановились там, [куда прибыли, не двигаясь дальше]. [Арслан-хан] связался с ними и призвал их к исламу. Они не ответили согласием, но и не бежали от него»². Находясь на границе Мусульманского мира и будучи в весьма противоречивых отношениях с торгово-теократическими кругами, Караханиды придавали распространению ислама особенное значение.

Завоевания Ибрахима ибн Насра в Семиречье были утрачены его сыном Насром. Наср ибн Ибрахим вступил в борьбу со своим братом Шуайсом, которая закончилась его победой в 1068 г. еще при жизни отца. Наср ибн Ибрахим продолжал кочевать со своим войском, только зиму проводя в

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 913.

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 213, 214–215.

окрестностях Бухары, при этом его войнам запрещалось находиться в городе после захода солнца. Известна также его строительная деятельность¹. Многочисленные монеты Насра ибн Ибрахима были единообразны, в них присутствовала одна и та же титулатура независимо от времени и места выпуска, по мнению Б.Д. Кочнева это свидетельствует о том, что при данном правителе продолжалась централизация государства, начатая его отцом². Этот правитель также участвовал в борьбе с духовенством, казнив в Бухаре в 1060 г. имама Абу Ибрахима Исмаила ибн Абу Насра ас-Сафара, за то, что тот обвинял хана в неисполнении предписаний ислама³.

Борьба с духовенством закончилась для Западных Караханидов печально. Сельджукская держава, первоначально поддерживавшая Ибрахима ибн Насра в междоусобной борьбе, уже при нем начала экспансию в направлении караханидских владений. В 1072 г. сельджукский султан Алп Арслан вторгся в Мавераннахр с большим войском, но случайно погиб в самом начале похода. В 1074 г. новый султан Малик-шах двинулся на Самарканд и Наср ибн Ибрахим был вынужден просить мира. Новое сельджукское вторжение произошло в начале правления преемника Насра ибн Ибрахима – его брата Хизра. Наконец, при сыне Хизра Ахмаде духовенство Мавераннахра само пригласило Сельджуков, чтобы те отняли власть у Караханидов-потомков Ибрахима ибн Насра, как некогда призвало самих Караханидов, чтобы отнять власть у Саманидов.

У ибн ал-Асира об этом говорится так: «Он (Ахмад-хан) был молодым, притеснял [людей], дурно относился [к ним], отнимал много имущества у подданных в их городах. Они боялись его и тайно написали султану [Малик-

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 376–378.

² Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 211.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 378.

шаху], взывая к его помощи и прося прибыть к ним, чтобы завладеть их страной. К султану прибыл правовед Абу Тахир ибн Илк аш-Шафи‘и, [тоже] жалуясь. Он боялся Ахмад-хана; так как имел много денег, и уехал якобы для торговли и совершения паломничества. Он встретился с султаном, пожаловался ему и возбудил в нем желание иметь эту страну. В нем пробудилось стремление захватить ее, и он выступил из Исфахана»¹.

В 1089 г. Малик-шах занял Бухару и осадил Самарканд. Командование обороной одной из башен Самарканда, которая, что примечательно, называлась «Башня айяров»², была поручена потомку Али (представителю духовенства)³. Тот оборонял башню очень пассивно, и это дало возможность сельджукам взять Самарканд. Ахмад ибн Хизр был схвачен и приведен к султану с веревкой на шее. Малик-шах дошел до Узгенда, куда явился кашгарский хан, признавший себя вассалом сельджукского султана. Малик-шах отправил «румского» (византийского) посла в путешествие до Кашгара, чтобы продемонстрировать ему обширность своих владений.⁴ После чего посадил на самаркандский трон караханида Мухаммада ибн Ибрахима⁵, оставил в Самарканде своего наместника Абу Тахира⁶ и удалился в Хорасан.

После ухода Малик-шаха глава племени чигилей, бывших своего рода гвардией Караханидов, Айн ад-Давла сверг сельджукского наместника и пригласил из Атбаша брата кашгарского хана Якуб-тегина. Якуб-тегин, по прибытии в Самарканд, казнил Айн ад-Давла, что вызвало возмущение

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 224–225.

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 225.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 379.

⁴ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 225.

⁵ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 214.

⁶ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 225.

чигилей. Возвращение Малик-шаха вынудило Якуб-тегина бежать, а его войско перешло на сторону сельджуков. Малик-шах опять назначил своего наместника в Самарканд и снова дошел до Узгенда¹.

Малик-шах пытался заставить кашгарского хана выдать ему Якуб-тегина, но хан, боясь за свою репутацию, задержал Якуб-тегина, сообщив султану, что занят его поисками. Своему сыну он велел ослепить Якуб-тегина, надеясь, что султан удовлетворится этим и не будет настаивать на его выдаче, но сын не успел это сделать. Как раз в это время кашгарский хан попал в плен к Тогрылу ибн Йиналу, и войско признало правителем Якуб-тегина. Малик-шах договорился с Якуб-тегином с тем, чтобы то продолжал бороться с Тогрылом ибн Йиналом, оттягивая на себя часть его сил².

В 1092 г. Ахмад-хан ибн Хизр был возвращен на престол, но в 1095 г. убит в результате заговора духовенства и армии, обвиненный в пособничестве исмаилитам. Ибн ал-Асир описывает этот эпизод так: «В мухарраме этого года был убит Ахмад-хан, правитель Самарканда. Его невзлюбили его воины, подозревали в ереси и говорили, что он зиндик. Обстоятельства его убийства были таковы. Когда султан Малик-шах завоевал Самарканд и взял этого Ахмад-хана в плен, он поручил его [в Исфахане] группе дайламитов. Те вовлекли его в свое вероучение и предоставили ему полную свободу. Когда Ахмад-хан вернулся в Самарканд, у него проявилось то, что указывало на его отступничество от [истинной] веры. Его сторонники после этого возненавидели его и решили убить. Они подговорили Тогрул-Йинал-бека, начальника крепости Касан, чтобы тот поднял восстание, дабы они отправились из Самарканда вместе с Ахмад-ханом на войну с ним и имели возможность убить его. Тогрул-Йинал-бек восстал, и Ахмад-хан с его войском выступил для сражения с ним. Когда они осадили эту крепость, воины

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 380.

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 228–229.

[Ахмад-хана] смогли отправиться с ним (Ахмад-ханом), схватили его и вернулись в Самарканд. Они созвали судей и законовевдов и выдвинули против Ахмад-хана обвинение в том, что он зиндик. Они усердствовали в этом, и против него выступила свидетелями в этом группа людей. Законоведы вынесли решение о его убийстве. Его задушили и на его место посадили сына его дяди по отцу Мас‘уда, и они подчинились ему»¹.

В. В. Бартольд охарактеризовал это так: «рассказанное событие должно быть признано самой крупной из побед, одержанных духовенством в союзе с военным сословием против правительства и народа»². Не вполне понятно, как пострадал народ от свержения хана, но сторонники деспотического централизаторского курса потомков Ибрахима ибн Насра действительно потерпели сокрушительное поражение в борьбе с духовенством, от которого они уже не оправились.

В 1097 г. новый сельджукский султан Баркийарук ибн Малик-шах завоевал Самарканд и назначил ханом другого внука Ибрахима ибн Насра – Сулаймана ибн Давуда. Затем, в том же году³ «воины [Ахмад-хана] восстали против него и убили его, и после него стал править Махмуд-хан. Дед его происходил от правителей, а сам он был глухим. На Махмуд-хана двинулся Туган-хан ибн Кара-хан, правитель Тараза, убил его, завладел властью и назначил наместником Самарканда Абу-л-Ма‘али Мухаммада ибн Зайда ал-‘Алави ал-Багдади. Тот правил [городом] три года, а затем восстал против Туган-хана. Последний осадил его, захватил и убил вместе со многими, кто был с ним»⁴. В. В. Бартольд считал его потомком Али, из чего заключил, что

¹ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 229–230.

² Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 380–381.

³ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 215–216.

⁴ Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та’рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 188.

«туркестанцы заняли Мавераннахр при помощи духовенства, но что потом духовенство вступило в борьбу и с новыми владельцами области»¹.

В 1098–1099 г. владетель Тараза и Басласагуна Кадыр-хан Джабраил сын Умара Тогрыл-тегина «собрал войска, заполнившие [огромную] территорию, – а говорят, что в них было сто тысяч воинов, как мусульман, так и неверных»², завоевал Западно-караханидский каганат и убил Махмуда. Воспользовавшись смутами в Сельджукском государстве, он попытался завоевать Хорасан, в 1102 г. захватил Тирмиз и перешел Амударью, но 22 мая того же года погиб в сражении недалеко от Балха³.

После смерти Джабраила Санджар овладел Мавераннахром и возвел на трон Арслан-хана Мухаммада, отец которого, Сулайман ибн Давуд, был женат на дочери Малик-шаха. Мухаммад ибн Сулайман правил до 1030 г. В 1103 и 1009 гг. он воевал с мятежником Сарыг-беком, который также происходил из Караханидов. Мухаммад в обоих случаях пользовался поддержкой Санджара. После того, как его власть стабилизировалась, он осуществил масштабные строительные проекты: восстановил бухарскую цитадель, городские стены Бухары, обустроил место праздничного богослужения на месте разрушенного дворца Шасмабад, построил соборную мечеть, два дворца, из которых один был позднее обращен в медресе. Мухаммад постоянно вел войны с «неверными», проходя их через территорию на расстояние в два месяца пути. Для постоянных войн с «неверными» он имел 12 тысяч тюрок-мамлюков⁴.

При этом, как и у Ибрахима ибн Насра, отношения Мухаммада ибн Сулаймана с духовенством носили очень противоречивый характер. Хан

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 381. Прим. 5.

² Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки. Ташкент-Цюрих, 2005. С. 236.

³ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 215–216.

⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 382. Прим. 5.

называл отцом шейха Хасана ибн Юсуфа ал-Бухари ас-Самани, носившего прозвище Немед-пуш («Одетый в войлочную одежду»). Благодаря поддержке хана, этот шейх охранял Бухару от «людей разврата и новшеств», но в 1115 г. был убит из лука одним из «развратников». Сын имама Саффара, казненного при Насре ибн Ибрахиме, Абу Исхак Ибрахим ибн Исмаил, который, как и его отец, «избегал притворства, обличал султанов и предъявлял требования к царям», был вынужден переселиться в Мерв. Когда Мухаммад был разбит параличом, он взял в соправители своего сына Насра. Против Насра возник заговор, которым руководили глава духовенства, факих и мударрис, потомок Али, Ашраф ибн Мухаммад ас-Самарканди и реис города Самарканда. Наср был убит ночью. Мухаммад призвал к себе другого сына, Ахмада, и когда, факих и реис вышли к нему навстречу, Ахмад убил их обоих¹.

Очевидно, что сама логика деспотической власти, основанной на орошаемом земледелии и разветвленном бюрократическом аппарате, находилась в жесточайшем противоречии с интересами населения богатых торговых городов Мавараннахра, выразителем и защитником которых стало мусульманское духовенство. Деспотия нуждалась в централизации, в военной экспансии, в ограничении торговли и в подавлении автономных политических сил. Торговцы и духовенство были заинтересованы прямо в противоположном, и ради защиты своих интересов были готовы предпринять любые меры. Поэтому борьба власти и духовенства никогда не стихала в Западно-караханидском каганате, а в Восточно-караханидском, где государство было гораздо слабее, а торговая теократия существенно сильнее, она совершенно не известна.

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. 1. С. 382–383.

§ 2. Гаочан-Уйгурское государство в противостоянии Караханидам¹

Бесспорно, что по данному периоду истории гаочанских уйгуров ценнейшим источником является «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского (1072 г.)². Махмуд Кашгарский, как караханидский автор, получал информацию об уйгурах из первых рук, а не заимствовал из более ранних сочинений, как часто поступали арабо-персидские авторы. Поэтому, сообщаемые им сведения, во-первых, достаточно достоверны (конечно, с поправкой на общий уровень науки того времени), а во-вторых, актуальны на момент написания «Дивана». В «Диване» уйгурам, а они известны автору под настоящим этнонимом, а не под обычным арабо-персидским названием «тугузгузы», посвящена отдельная статья, обширный рассказ в предисловии, а также большое количество упоминаний³.

Махмуд Кашгарский говорит об уйгурах как о «народе пяти городов»: Сулми, Кочо, Джанбалик, Бешбалик и Янибалик⁴. Сейчас с уверенностью можно идентифицировать два из них: Кочо – Гаочан (Идикутшахри в Турфане) и Бешбалик – Бэйтин (недалеко от города Джимсар, к востоку от Урумчи). Бертшнейдер по материалам «Юань ши» и других китайских источников установил, что Джамбалик находился к востоку от Бешбалика и к западу от реки Манас, а Янибалик – западнее Джамбалика и тоже восточнее реки Манас⁵. Сулми Бируни помещал к северо-востоку от Чинанджкента

¹ Основные научные результаты данного параграфа частично опубликованы автором в статье Желобов Д.Е. Тюрки-буддисты глазами тюрков-мусульман: гаочанские уйгуры в «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского // Клио. 2016. № 2 (110). С. 92–96.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. 1288 с.

³ Там же. С. 140–141, 69–70, 75–76, 122, 332–333, 344, 359, 374, 381, 393, 394, 402, 406, 424, 447, 472, 485, 492, 515, 520, 602, 662, 676, 683, 689, 694, 777, 841, 906, 916, 917, 920, 1010, 1052, 1054.

⁴ Там же. С. 1 – 151.

⁵ Bretschneider E. V. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. L., 1888. P. 32, 33.

(Гаочана)¹. Таким образом, согласно Махмуду Кашгарскому, в Гаочан-Уйгурском государстве было пять крупнейших городов – три к северу от Тянь-Шаня и два – к югу. Кочо (Гаочан) у автора определяется как «название страны уйгуров»², по-видимому, административный центр государства в данную эпоху уже окончательно переместился в этот город.

В «Сун ши» есть любопытное указание на численность населения Гаочан-Уйгурского государства, датированное 1073 г. «В 6-м году [эры правления Синин] вновь прибыли [послы ко двору]... Император Шэнь-цзун [1068–1085] спросил о численности «молочных зубов» [населения] в поселениях этого [Уйгурского] государства. Ответили, что более 300 000. Сколько сильных, годных для использования? 200 000»³. Весьма вероятно, что выражение «сильных, годных для использования» означает «годных для использования в войсках», тогда 300 тыс. – это, должно быть, численность взрослых мужчин, а с женщинами и детьми – около 600 тыс. человек⁴.

Таким, очевидно, было население собственно пяти уйгурских городов и их окрестностей, Кучу, так же как и Махмуд Кашгарский, «Сун ши» воспринимает в качестве независимого государства, а в Хами, уже во время Ван Яньдэ, как отмечалось выше, правил китайский род Чэнь. Даже в условиях отпадения от Гаочан-Уйгурского государства значительных окраинных территорий, оно располагало весьма значительным населением.

Махмуд Кашгарский писал: «У уйгуров чистый тюркский язык, а также другой язык, на котором они говорят между собой. В переписке они используют тюркское письмо, состоящее из двадцати четырех букв,

¹ Hudud al-'Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. L., 1970. P. 273.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 920.

³ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14117页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14117.

⁴ Малявкин А. Г. Уйгурские государства IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 159.

перечисленных мной в начале книги, кроме того, у них есть другое письмо, такое же, как и в Син, используемое в их священных книгах и списках, – оно известно лишь их духовенству»¹. Здесь автор сообщает соответственно об уйгурском языке, использующем манихейское письмо, тохарском и согдийском языках ассимилируемого коренного населения Турфанского оазиса, и о китайском вэньяне, распространенном среди буддийского духовенства. В своей книге Махмуд Кашгарский помещает подробное описание манихейского уйгурского письма², которое в государстве Караханидов употреблялось наряду с арабской графикой, и использовалось, видимо, даже шире последней. Манихейским письмом выполнен один из списков «Кутадгу билик»³, а в караханидском чекане им часто дублировались особенно значимые элементы титулатуры, несущие политическую нагрузку, особенно на мелких монетах (фалсах), используемых, в основном, простым народом в мелкой торговле⁴. Все это отражает распространенность манихейского письма и влияние уйгурской культуры далеко за пределами Гаочан-Уйгурского государства, даже во враждебном ему Караханидском каганате.

Враждебное отношение Караханидов к гаочанским уйгурам очевидно из приведенных в «Диване» фрагментов тюркских стихов и песен. Фрагментов, посвященных уйгурам настолько много, что создается впечатление, что тема противостояния уйгурам-буддистам, которых Махмуд

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 69–70.

² Там же. С. 56–58.

³ Кононов А.Н. Поэма Ю. Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. М., 1983. С. 510.

⁴ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 56–57.

Кашгарский называет «самыми сильными и заядлыми безбожниками»¹, была одной из доминирующих в караханидской культуре.

Прежде всего, уйгуры, как и персы, считаются у тюрок-караханидов «татами». Слово «тат» – иностранец, подчиненный, крепостной² – использовалось тюрками в весьма нелесном смысле, например «подобно тому, как шип вырывают с корнем, уйгура [в тюркском тексте – тата] следует бить в глаз»³. Это же слово «тат» использовалось в дихотомии «тат-тафгач», которую, как писал Махмуд Кашгарский, использовали в смысле «персы и тюрки», но сам он считал более правильным перевод «уйгуры и китайцы». Для автора далекие китайцы, вероятно, были куда более симпатичны, чем близкие уйгуры⁴. Не нужно забывать также, что слово «тафгач» – распространенный караханидский титул (в виде «тафгач-хан») ⁵.

Слова «уйгур» и «тат» находятся у Махмуда Кашгарского в постоянной связке, они либо употребляются в оригинальных тюркских стихах вместе, либо «тат» расшифровывается как «уйгур» самим автором в арабском переводе. Этим «уйгуров-татов» тюрки-мусульмане завоевывают, убивают и обращают в рабство. «Мы в плели ленты [в гривы] своих лошадей и помчались к собакам-уйгурам, мы налетели (на них) как птицы». «Ко мне пришел неверный Уйгур. Я его убил и оставил на растерзание стервятникам и диким зверям». «Поселившись на самой вершине, он не перестал

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 141.

² Clauson G. An Ethymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972. P. 735.

³ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Перевод, предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Алматы, 2005. С. 676.

⁴ Там же. С. 424.

⁵ Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). М., 2006. С. 28.

привязывать козленка (и ягненка и др. То есть он остался пастухом. При этом он нападает) на Уйгур, пленяет их [по одному] и продает разом»¹.

Отдельно описывается завоевание Караханидами местности Минлак, которое, очевидно, произошло незадолго до написания «Дивана» и воспринималось Караханидами как значительное достижение. «Мы поплыли на судне, дойдя до вод Ила (это большая река), направились в страну Уйгур и завоевали народ Минлак»². «Мы подобрались к ним ночью и окружили их засадой со всех сторон. Затем мы остригли челки (их лошадям) и убили людей Минлака (это название местности)»³.

Религиозный момент в противостоянии Караханидов и уйгуров постоянно подчеркивается. «Мы обрушились на них потоком, прошли через их города, разрушили их капища и осквернили головы их идолов». Как поясняет Махмуд Кашгарский, «у мусульман есть обычай при захвате города неверных испражняться на головы их идолов, чтобы принизить их»⁴.

Несмотря на то, что Махмуд Кашгарский нигде не пишет о поражениях Караханидов в борьбе с уйгурами, очевидно, что эта война была для них очень тяжелой. Продвижение мусульманских войск вглубь территории «неверных» было хоть и неуклонным, но очень медленным. В X в. граница Караханидских владений проходила недалеко от Кашгара, только в конце XI в. была захвачена Куча, а сам Турфан – лишь в XV в.

Завоевание Кучи Караханидами – отдельный эпизод, детальное изучение которого позволяет продвинуться несколько дальше общепринятых представлений исследователей. Так В. В. Бартольд писал: «К востоку от Кучи граница мусульманского мира проходила и во время образования монгольской

¹ Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 447, 75, 689.

² Там же. С. 917.

³ Там же. С. 406.

⁴ Там же. С. 332–333.

империи там же, где при Махмуде Кашгарском, т. е. к востоку от Кучи»¹. Т.е. уже при Махмуде Кашгарском Куча входила в состав Восточно-Караханидского каганата. Такой вывод делается на основании сведений «Дивана» о том, что «Кужа находится на границе с Уйгур»², «Йулзуз кюл – название озера, находящегося на границе между Кужа, Кингут и Уйгур»³ и «Букур – крепость, стоящая на возвышении у границы между Кужа и Уйгур». Эта точка зрения вызывает обоснованные сомнения.

«Сун ши» упоминает о посольствах из Кучи 1071, 1072 и 1096 гг., причем в последнем случае послы преподнесли китайскому императору «нефритового будду»⁴. Если бы инициаторами этих посольств были Караханиды, уже более 20 лет господствовавшие над Кучей, это означало бы просто фантастический уровень веротерпимости с их стороны. Естественно, исходя из известного о Караханидах, это невозможно. Значит, говоря о том, что Куча «находится на границе с Уйгур», Махмуд Кашгарский не мог считать ее частью мусульманского мира, а воспринимал как город «неверных», находящийся за его пределами, но также и за пределами Гаочан-Уйгурского государства. Т. е. Куча на тот момент была независимым буддийским государством.

«Сун ши» это подтверждает: «Куча – это одна из самостоятельных групп уйгуров. Глава их государства называет себя правитель-лев (арслан), облачается в желтую одежду и [надевает] драгоценную шапку. Управляет государством совместно с девятью министрами. В столице государства есть рынок, но нет денег, обмен ведется на хлопчатобумажные ткани. Есть просо,

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 111.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 381.

³ Там же. С. 841.

⁴ 脱脱。宋史。北京，1985。第40册。第14123页。Тото. Сун ши. Бэйцзин, 1985. Т. 40. С. 14123.

пшеница, бахчевые культуры, фрукты. На запад до государства Даши («таджики», т. е. Караханиды) 60 дней пути, на восток до округа Сячжоу — 90 дней. [Государство] иначе называется «Уйгуры Сичжоу», или «Куча Сичжоу», или «Уйгуры Кучи»¹.

Упомянутое в источнике «Сичжоу» обычно относится к Турфану, т. е. к Гаочанским уйгурам, вероятно, это – путаница, возникшая вследствие того, что в определенные периоды Куча подчинялась гаочанским уйгурам. Еще одна деталь, говорящая о связях Кучи с Гаочаном – это «хлопчатобумажные ткани», используемые в Куче в качестве денег. Речь идет, несомненно, о «камду» – упоминаемых Махмудом Кашгарским уйгурских деньгах, представляющих собой кусок хлопчатобумажной ткани с печатью уйгурского правителя².

Куча была захвачена Караханидами в самом конце XI в., во всяком случае, после 1096 г. Дипломатическая активность в направлении Сунского Китая со стороны Кучи была, видимо, связана с противостоянием Караханидам, и Куча таким образом пыталась получить помощь из Китая. Китайцы помощи, естественно, не оказали. Помогали ли Куче гаочанские уйгуры? Скорее всего, да, поскольку борьба против мусульман была в интересах всей буддийской сангхи Таримской впадины. Однако фактическая независимость Кучи не могла не сказаться на эффективности ее поддержки со стороны Гаочан-Уйгурского государства, что, скорее всего, и предопределило захват Кучи Караханидами.

Победа над Кучей, было вторым крупнейшим достижением Караханидов в деле расширения территории «Дар ал-ислам» (мусульманского мира) после захвата Хотана. Несмотря на то, что, согласно Ауфи, некий Хизр-бек получил от кашгарского хана ханский титул за победы над «неверными»,

¹ Там же. С. 14123.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 394.

одержанные к востоку от Кучи¹, дальше Караханидский каганат продвинуться не смог.

Помимо противостояния Караханидам на западе, Гаочан-Уйгурское государство продолжало активную политику на востоке. Как это ни странно, после гибели Уйгурского каганата в Ганьчжоу, со второй половины XI в. отношения между государством Си Ся и Гаочан-Уйгурским государством становятся все более мирными, переходя даже в дружеские. Оба государства одновременно сотрудничают с Империей Ляо, оба после гибели в 1125 г. государя Ляо оказывают помощь Елюй Даши. Оба государства контролируют самые удобные традиционные пути из Китая в Центральную Азию. Существовали условия, таможенные и иные, которые оформляли этот транзит, к сожалению, об этом у нас нет никаких сведений.

Когда в 1038 г. в Си Ся была создана официальная комиссия и рабочая группа по переводу буддийского канона с китайского на тангутский язык, уйгурские монахи участвовали в этом мероприятии. Пока неизвестно, чтобы на тангутский язык переводились буддийские тексты с уйгурского языка, да в этом, очевидно, не было и нужды, вероятно основным языком, с которых и уйгуры и тангуты делали переводы, являлся китайский, если была возможность, то производилась сверка с текстами на санскрите. И у уйгуров, и у тангутов первоначальными и популярными стали переводы на родные языки «Лотосовой сутры» и «Сутры золотого блеска»².

Уйгурские монахи активно участвовали в распространении буддизма на территории тангутского государства Си Ся. В 1047 г. тангутский император Ли Юаньхао построил большой монастырь Гаотай, где китайские книги на тангутский язык переводили уйгурские монахи. А в 1055 г. был построен

¹ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. Т. 5. М., 1968. С. 111.

² Кычанов Е.И. Турфан и Си Ся (X–XIII вв.) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Новосибирск, 2002. Т.1. С. 86–89.

другой монастырь, где уйгурские монахи читали буддийские сутры на китайском языке преемнику Ли Юаньхао императору Ли Лянцзо.¹

Турфанские послы и купцы рассматривались в тангутском государстве Ся как гости. Существовала государственная монополия на торговлю с зарубежными странами. В Ся было запрещено продавать в другие государства людей, коней, коров и быков, верблюдов, доспехи для воинов и коней, оружие – луки, стрелы, копья, мечи, орудия для вспарывания доспехов, деньги. Нарушения запрета сурово наказывались. Но известно, что послы из Даши (Караханидского каганата) и Сичжоу (Гаочан-Уйгурского гсоударства) имели некоторые привилегии².

Закон устанавливал: в случае покупки в Ся представителями этих государств запрещенного к продаже товара, что если речь идет о купцах из государства Даши и Сичжоу, то, поскольку они являются гостями, они наказываются только наложением на них штрафа, размеры которого не установлены, а та сумма, которую они дали за товар, должна быть возвращена им. А в некоторых случаях купцы из Даши и Сичжоу имели возможность купить запрещенные к продаже иностранцам товары: если в караване купца из государств Даши и Сичжоу погибнут животные и погонщики, товаров, которые они могли бы продать, очень много, а караван окажется без должной охраны, и такой купец заявит: «Желаю купить для охраны каравана луки и стрелы!», то об этом следует сообщить должностному лицу, и на основании ранее установленных правил нуждающийся купец может приобрести необходимое. Если он после этого не станет возвращаться обратно, то ему надлежит иметь разрешение на закупку зерна и иного продовольствия³.

¹ Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.–Л., 1966. С. 220.

² Кычанов Е.И. Турфан и Си Ся (X–XIII вв.) // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). Новосибирск, 2002. Т. 1. С. 86–89.

³ Там же.

Хотя текстов для сопоставления нет, но, кажется, что послы и купцы из Караханидского каганата и Гаочан-Уйгурского гсударства имели некоторые преимущества перед купцами из Сун и Цзинь, а запреты на продажу товаров татарам, т. е. на территорию Монголии, как мы знаем, были более жесткими, чем в отношении других соседей. За ограбление чужеземного купца кодексом Ся было предусмотрено более суровое наказание, чем даже за аналогичное преступление против подданного Ся¹.

После крушения киданьской империи Ляо и появления чжурчжэньского государства Цзинь торговля Гаочан-Уйгурского государства в Маньчжурии и Северном Китае резко сократилась. Известны только отдельные «посольства». Сокращение торговых связей с чжурчжэнями вероятно связано с существенным изменением границ в этом регионе. В состав государства чжурчжэней не вошли западные территории бывшей Киданьской империи, граничившие с Гаочан-Уйгурским государством. Если наличие общей границы между Гаочан-Уйгурским и Киданьским государствами способствовало развитию торговли, то чжурчжэньская граница отодвинулась на восток, а бывшие западные территории киданей частично попали под контроль тангутов, несколько выдвинувшихся к северу, но большая их часть оказалась в руках различных монгольских племен, некоторые из которых ранее подчинялись киданям. Тангуты, враждовавшие с Гаочан-Уйгурским государством, и монгольские племена, вскоре ставшие противниками чжурчжэней, не были заинтересованы в укреплении торговых контактов Гаочан-Уйгурского государства с государством чжурчжэней².

Тогда как буддисты Гаочан-Уйгурского государства сосредоточили свои усилия на укреплении позиций буддизма в Си Ся, где взаимоотношения между сангхой и государственной властью были далеко не безоблачными³, несториане активизировали миссионерскую деятельность в Великой Степи. В

¹ Там же.

² Малявкин А. Г. Уйгурские государства в IX–XII вв. Новосибирск, 1983. С. 230.

этот период произошло очередное увлажнение Великой Степи, и она быстро заселялась кочевниками, теперь уже, в основном, монголоязычными¹. Еще в 1007 г. в христианство несторианского толка были обращены кераиты², крупнейший кочевой монголоязычный народ, примерно в это же время – тюркоязычные онгуты³. Были крещены гузы и частично чигили⁴. Некоторое количество христиан оказалось и среди пришедших на территорию Гаочан-Уйгурского государства в 1029 г. киданей⁵.

Миссионерские успехи несториан в Центральной Азии увенчались созданием при несторианском патриархе Илье III (1176–1190 гг.) митрополии «Кашгара и Невакета» с центром в Кашгаре⁶. Показательно, что митрополия была создана на территории бывшего Караханидского каганата, а не Гаочан-Уйгурского государства, где несториане имели гораздо большее влияние. Это говорит о том, что позиции буддийской сангхи в Турфане оставались весьма прочными, и она активно сопротивлялась укреплению своих непосредственных конкурентов в этом регионе. Однако борьба религиозных общин внутри Каракитайского государства⁷ требует специального

³ Кычанов Е. И. Государство и буддизм в Си Ся // Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб., 2008. С. 589–602. Кычанов Е. И. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Кычанов Е. И. История тангутского государства. СПб., 2008. С. 605–634.

¹ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. Приложения. СПб., 2005. С. 50.

² Grousset R. L'Empire des steppes. P., 1960. P. 245.

³ Pelliot P. Cretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient. T'ong Pao. V.26. 1928. P. 630.

⁴ Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения. Т. II. Ч. 2. М., 1964. С. 285–287.

⁵ Там же. С. 293–294.

⁶ Там же. С. 293–294.

⁷ Интересная, но далеко не исчерпывающая работа, в которой затрагивается данная тема: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1997. 480 с.

рассмотрения, которое уже выходит за хронологические и территориальные рамки данного исследования.

Заключение

Причиной крушения Уйгурского каганата были климатические изменения, которые привели к массовой миграции кочевников на территорию Таримской впадины. В силу внутренних конфликтов в соседних регионах, территория Таримской впадины перестала быть полем соперничества соседних государств и была предоставлена самой себе. В этих условиях сформировалось несколько относительно слабых государств, полностью контролируемых торговыми теократиями буддистов, манихеев, мусульман и несториан.

Государства Таримской впадины данного периода возникли в результате культурного, экономического и политического симбиоза местного оседлого населения и иностранных пришельцев. В случае Гаочан-Уйгурского государства и государства Караханидов роль пришельцев сыграли кочевники (уйгуры и карлуки), а в случае Хотанского государства – тибетцы. Пришельцы сформировали в этих государствах новую военную элиту, которая обеспечила беспрецедентное территориальное расширение каждого из государств, вплоть до того, что в Таримской впадине десятки оазисов были объединены в три государства. Местное оседлое население, особенно верхи общества, оказывало поддержку мероприятиям новой власти. Пришельцы занимали иную хозяйственную нишу и не покушались на права местных, напротив, обеспечивали всем эффективную оборону от врагов, а торговому капиталу – возможность избавиться от конкурентов.

Помимо внедрения пришлого элемента в формирование государств Таримской впадины в данный период сопровождалось активизацией религиозных общин. Наблюдалась дивергенция государств по признаку вероисповедания. Так в Гаочан-Уйгурском государстве лидирующие позиции занял буддизм хинаяны, в Хотанском государстве – буддизм махаяны, в государстве Караханидов – ислам. Лидирующая религия поглощала более

слабые верования, не уничтожая, а ассимилируя их. В религиозной жизни Таримской впадины возникло несколько вариантов религиозного синкретизма, причем этот процесс шел одновременно с нарастанием религиозной нетерпимости по отношению к вере других государств. Отделить религиозные мотивы от политических и экономических в данной ситуации достаточно сложно. В политической системе возобладали теократические тенденции, правители декларировали себя «защитниками веры», их власть сакрализировалась. Лидирующие религиозные общины умело этим пользовались, расширяя свое политическое и экономическое влияние.

Кульминацией этого процесса стала религиозная война между последователями буддизма и ислама в Таримской впадине в кон. X – нач. XI вв. Война началась в результате противостояния мусульманской и буддийской общин в Караханидском государстве, что вызвало вмешательство Хотана. Первоначально удача была на стороне Хотанского государства, хотанцам даже удалось занять Кашгар. Однако, несмотря на серьезные дипломатические усилия (осуществлялись попытки установить дипломатические отношения даже с династией Сун), Хотану так и не удалось найти себе надежных союзников. В результате Караханиды из Мавераннахра оказали помощь своим кашгарским родичам и Хотан был покорен. Буддийская культура Хотана была разрушена, и он превратился в рядовой город Восточного каганата Караханидов.

Племена уйгуров, захватившие район Восточного Тянь-Шаня в 866 г. и примерно в это же время ликвидировавшие Уйгурское кучарское государство, создали здесь новое государственное образование – Гаочан-Уйгурское государство, просуществовавшее более 400 лет. Поставив под свой контроль коренное оседлое население и отдельные мелкие кочевые племена, оказавшиеся на этой территории, уйгуры стали кочевать на степных пространствах, главным образом к северу от Тянь-Шаня. Следует

подчеркнуть, что они не перешли к оседлости, а в основной массе сохранили кочевой образ жизни до самой гибели Гаочан-Уйгурского государства.

Покорив Хотанское государство, Караханиды столкнулись непосредственно с Гаочан-Уйгурским государством на всей своей восточной границе. Здесь борьба затянулась до XIII в., проходя вначале между независимыми государствами, затем – между вассалами гурханов и чингизидов. За это время оседлая тюрко-мусульманская культура государства Караханидов расширила свое влияние не Среднем Востоке и в Восточной Европе, а оседлая культура гаочанских уйгуров-буддистов – в Китае, Тибете и Монголии. Сам Чингиз-хан называл уйгуров «учителями монголов», культуру государств, сформировавшихся на Западе и Востоке после распада Монгольской империи, просто невозможно представить без влияния выходцев из Таримской впадины.

В сфере этнических отношений в Таримской впадине X–XI вв. шел процесс тюркизации, а в сфере хозяйственной деятельности – постепенный, очень медленный переход кочевой части населения, представленной прежде всего уйгурами, к оседлости.

В IX–XII вв. после крушения Орхон-Уйгурского каганата и переселения части его населения в Притяньшанье и в район Кучи, возникновения здесь независимых государств, а также после создания в 856 г. Гаочан-Уйгурского государства ключевые позиции на торговых путях оказались в руках кочевников. Это обстоятельство не оказало отрицательного влияния на межгосударственную торговлю, которая, наоборот, получила дальнейшее развитие. Гаочан-Уйгурское государство не имело постоянных связей с сунским Китаем, но имело широкие торговые и дипломатические контакты с киданьским государством Ляо.

На материале истории государств Таримской впадины данного периода модель торговой теократии находит блестящее подтверждение и может быть использована как эффективный инструмент анализа, все политические

события находят четкое объяснение в ее рамках. Исследуемый период может быть разделен на три этапа (1 пол. IX – 2 пол. X вв., 2 пол. X – 1 пол. XI вв., 1 пол. XI – нач. XII вв.), характерные для каждого из государств Таримской впадины. На первом этапе происходило формирование государств, в Гаочане доминировало манихейство, в Хотане — буддизм, к Караханидам начал проникать ислам. На втором этапе сформировавшиеся государства вступили в военное противостояние, в Гаочане буддизм победил манихейство, в Караханидском каганате ислам стал государственной религией, неудавшаяся интервенция хотанских буддистов привела к гибели Хотанское государство. На последнем этапе окончательно оформляется противостояние двух государств (Караханидского каганата и гаочанских уйгуров), одно из которых основывается на доминировании ислама, а другое на сложном компромиссе буддизма, манихейства и несторианства при преобладающей роли буддизма. Государства Таримской впадины имеют общую историю и должны изучаться системно и комплексно, без отрыва друг от друга.

История государств Таримской впадины в X–XI вв. сыграла огромную роль в последующем социальном, этническом и культурном развитии Таримской впадины. Именно в этот период были заложены основы для современной уйгурской этничности, вобравшей в себя все разнообразие народов, населявших Таримскую впадину (в ходе процесса тюркизации местного оседлого населения, которое сохранило преимущественно европеоидный расовый тип, т. е. генетически осталось тем же, но активно заимствовало тюркский язык и тюркскую культуру). Была заложена основа уйгурской государственности в виде мусульманской империи с огромным влиянием религиозной общины на государственные дела, т. е. преимущественно — теократии, последующие правители невольно строили свои государства по типу Караханидского. Одним словом, сформировались все характерные черты культуры Таримской впадины, известные до настоящего времени.

Для дальнейшего изучения данной темы перспективной представляется дальнейшая разработка модели торговой теократии, ее более детальное обоснование на материале многочисленных документов и других археологических находок в Таримкой впадине. В случае выявления «узлов» торгово-теократической системы (каковым теоретически должны быть богатые монастыри и ханаки) открываются возможности для более глубокого анализа политических процессов, происходивших в Таримской впадине, и выхода на новый уровень их понимания. Представляется также интересным расширение хронологических (в виде написания некой «общей истории» торговой теократии в Таримской впадине) и географических (в виде применения разработанной модели к другим регионам мира) рамок исследования.

Список литературы

Источники

1. Абул-Гази-Багадур-хан. Родословное древо тюрков / Пер. и предисл. Г. С. Саблукова. – М.–Ташкент–Бишкек : Туркестан, 1996. – 186 с.
2. Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030-1041) / Пер. с перс., введение, комментарии и приложения А. К. Арендса. – М. : Наука, 1969. – 1009 с.
3. Беллью Г. У. Кашмир и Кашгар : дневник английского посольства в Кашгар в 1873–1874 гг. / Г. У. Беллью. – Санкт-Петербург : Общественная польза, 1877 – 309 с.
4. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Н. Я. Бичурин. – М.– Л. : АН СССР, 1950–1953. – 2 т.
5. Джамал ал-Карши. Ал-Мулхакат би-с-сурах // История Казахстана в персидских источниках / М-во образования и науки РК, Ин-т востоковедения им. Р. Б. Сулейменова. – Т. I. – Алматы : Дайк-пресс, 2005. – 416 с.
6. Васильев В. П. Китайские надписи в орхонских памятниках в Кошоцайдаме и Карабалгасуне / В. П. Васильев // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – Т. 3. – СПб., 1897. – 36 с.
7. Е Лунли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введение, коммент. и прил. В. С. Таскина. – М. : Наука, 1979. – 607 с.
8. Ибн ал-Асир. Ал-Камил фи-т-та'рих. Ибранные отрывки / Пер. П. Г. Булгакова. – Ташкент–Цюрих : АН Республики Узбекистан, 2005. – 596 с.

9. Ибн Хордадбек. Книга путей и стран / Пер. с арабского, коммент., исслед., указатели и карты Наили Велихановой. – Баку : Элм, 1986. – 428 с.
10. Извлечения из сочинения Гардизи Зайн ал-Ахбар / Пер. В. В. Бартольда // Бартольд В. В. Сочинения. – Т. VIII. – М. : Наука, 1973. – С. 23–62.
11. Из Тарих-и джахангушай Джувейни. Рассказ об идикуте и странах Уйгуров сообразно с их мнением / Пер. В. В. Радлова // Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика. Приложение к LXXII-му тому Записок Импер. Академии наук. № 2. – СПб., 1893. – С. 56–62.
12. Караханиды в Мавераннагре по Тарихи Мунедджим-баши в османском тексте / Пер. и прим. В. В. Григорьева. – Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. – Ч. XVII. – 1874. – С. 189–258.
13. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования / С. Е. Малов – М.–Л. : АН СССР, 1951. – 451 с.
14. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров IX—XII вв. / А. Г. Малявкин – Новосибирск : Наука, 1974. – 210 с.
15. Шараф ал-Заман Тахир Марвази. Глава о тюрках / Пер. В. Храковского // Труды сектора востоковедения АН КазССР. – Т. 1. – 1959. – С. 209–218.
16. Махмуд ал-Кашгари. Диван Лугат ат-Турк / Пер., пред. и коммент. З.-А. М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.
17. Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь / М. В. Певцов. – Москва : Государственное издательство географической литературы, 1949. – 325 с.

18. Пржевальский Н. Н. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима / Н. Н. Пржевальский. – Санкт-Петербург : Типография В.С. Балашева, 1888. – 536 с.
19. Тугушева Л. Ю. Фрагменты уйгурской версии биографии Сюаньцзана / Л. Ю. Тугушева – М. : Наука, 1980. – 173 с.
20. Хуастванифт (Манихейское покаяние в грехах) / Пер. Л. Ю. Тугушевой — СПб. : Нестор-История, 2008. – 82 с.
21. Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. А. Н. Кононова. – М. : Наука, 1983. – 557 с.
22. Якубовский А. Ю. Арабские и персидские источники об Уйгурско-Турфанском княжестве в IX—X вв. / А. Ю. Якубовский // Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа. – Т. IV. – Л., 1947. – С. 423–443.
23. Bailey H. W. A Khotanese Text concerning the Turks in Kantsou / H. W. Bailey // *Asia Major*. – 1949. V. I. – P. 28–52.
24. Bailey H. W. *Khotanese Texts* / H. W. Bailey. – N.Y. : Cambridge University Press. – 4 v.
25. Bailey H. W. *Śrī Viśa Śūra and the Ta-uang* / H. W. Bailey. // *Asia Major*. – 1964. – V. 11. – P. I. – P. 1–26.
26. Bellew H. W. *Kashmir and Kashghar. A Narrative of the Journey of the Embassy to Kashghar in 1873–1874* / H. W. Bellew – L. : Trubner and Co., 1875. – 419 p.
27. *Extracts from the Tazkiratu-l Bughra* / Transl. by R. A. Shaw // Shaw R. A. *Sketch of the Turki Language as Spoken (Kashgar and Yarkand)* – Calcutta : Baptist Mission Press, 1878. – P. 87–107.

28. The History of the World Conqueror by ‘Alâ-ad-Dîn ‘Atâ-Malik Juvainî / Transl. from the text of Mirza Muhammad Qazvini by J.A.Boyle. – Manchester : Manchester University Press, 1958. – 2 v.
29. Hudud al-‘Alam. The Regions of the World. A Persian Geography 372 A. H. — 982 A.D. / Transl. and expl. by V. Minorsky. – L. : Luzac, for the Trustees of the J. W. Gibb Memorial, 1970. – 477 p.
30. Kitab al-Fihrist of al-Nadim: A Tenth-Century Survey of Muslim Culture / Transl. by B.Dodge. – N.Y. : Columbia University Press , 1970. – 2 v.
31. El-Masūdī's historical encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and mines of gems» / Transl. by Aloys Sprenger. – L. : Oriental Translation Fund of Great Britain and Ireland, 1841. – v.1. – 464 p.
32. Radloff W., Malov S. Suvarnaprabhasa. Das Goldglanz-Sutra / übers. von W. Radloff // Bibliotheca Buddhica. – T. 17. – St.-Pbg., 1913–1917. – C. 577–721.
33. The Book of Zambasta: a Khotanese poem on Buddhism / Edited and transl. by R. E. Emmerick. – L. : Oxford University Press, 1968. – 455 p.
34. Si-yu-ki. Buddhist Records of the Western World / Transl. from the Chinese of Hiuen Tsiang (A. D. 629) by S. Beal. – L. : Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., 1906. – 2 v.
35. Stein A. Ancient Khotan. Detailed Report of Archaeological Explorations in Chinese Turkestan / A. Stein. – Oxford : Clarendon Press, 1906. – 3 v.
36. Stein A. Sand-buried Ruins of Khotan: personal narrative of a journey of archaeological and geographical exploration in Chinese Turkestan / A. Stein. – L. : Hurst and Blackett, 1904. – 524 p.
37. Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China / A. Stein. – Oxford : Clarendon Press, 1921. – 5 v.

38. Stein A. Innermost Asia. Detailed Report of Explorations in Central Asia Kansu and Eastern Iran / A. Stein. – Oxford : Clarendon Press, 1928. – 4 v.
39. Sykes E., Sykes P. Through Desert and Oases of Central Asia / E. Sykes, P. Sykes. – L. : Macmillan and Co., 1920. – 340 p.
40. Thomas F. Tibetan Literary Texts and Documents Concerning Chinese Turkestan / F. Thomas – L. : Royal Asiatic Society, 1935, 1951, 1953, 1963. – 4 v.
41. Report of a Mission to Yarkund in 1873, under Command of Sir T. D. Forsyth with Historical and Geographical Information Regarding the Possessions of the Ameer of Yarkund / T. D. Forsyth. – Calcutta, Foreign Department Press, 1875. – P. 106 – 213.
42. 班固。汉书 / 班固。 – 北京：中华书局, 2005。 – 3 册。 Баньгу. Хань шу / Бань Гу. – Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 2005. – 3 т.
43. 樂史。太平寰宇記/樂史。 – 臺北：臺灣机构略, 1986。 – 2 册。 Юэ Ши. Тайпин хуаньюй цзи / Юэ Ши. – Тайбэй : Тайвань цзигоулюэ , 1957. – 2 т.
44. 李焘。续资治通鉴长编 / 李焘。 – 北京：中华书局, 1995。 – 20 册。 Ли Тао. Сюй Цзычжи тунцзянь чанбянь / Ли Тао. – Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1957. – 20 т.
45. 李德裕。会昌一品集/李德裕。 – 上海：上海古籍, 1994。 – 239 页。 Ли Дэюй. Хуэй-чан ипинь цзи / Ли Дэюй. – Шанхай : Шанхай гуцзи, 1994. – 239 с.
46. 李延寿。北史/李延寿。 – 北京：中华书局, 1974。 – 10 册。 Ли Яньшоу. Бэй ши / Ли Яньшоу. – Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1974. – 10 т.

47. 令狐德棻。周书/令狐德棻。 - 北京:中华书局, 1971。 - 3册。
Линху Дэфэнь. Чжоу шу / Линху Дэфэнь. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1971.
- 3 т.
48. 劉昫。旧唐书/劉昫。 - 北京:中华书局, 1975。 - 16册。 Лю Сюй.
Цзю Тан шу / Лю Сюй . - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1975. - 16 т.
49. 马端林。文献通考 / 马端林。 - 北京:中华书局, 1986。 - 14册。
Ма Дуаньлин. Вэньсянь тункао / Ма Дуаньлин. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй,
1986. - 14 т.
50. 欧阳修。新唐书 / 欧阳修。 - 北京: 中华书局, 1975。 - 20册。
Оуян Сю. Синь Тан шу / Оуян Сю. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1975. - 20 т.
51. 欧阳修。新五代史 / 欧阳修。 - 北京: 中华书局, 1974。 - 3册。
Оуян Сю. Синь Удай ши / Оуян Сю. - Бэйцзин : Чжунхуа шуцзюй, 1974. - 3 т.
52. 邵伯温。邵氏闻见录/邵伯温。 - 北京: 新华书局, 1983。 - 236页。
Шао Бовэнь. Шаоши вэньцзянлу / Шао Бовэнь . - Бэйцзин : Чжунхуа
шуцзюй, 1983. - 236 с.
53. 司马光。资治通鉴/司马光。 - 北京: 新华书局, 1956。 - 20册。
Сыма Гуан. Цзычжи тунцзянь / Сыма Гуан. - Бэйцзин : Чжунхуа шуцзюй,
1974. - 20 т.
54. 脱脱。辽史/脱脱。 - 北京: 中华书局, 1974。 - 3册。 Тото. Ляо ши /
Тото. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1974. - 3 т.
55. 脱脱。宋史/脱脱。 - 北京: 新华书局, 1985。 - 40册。 Тото. Сун ши
/ Тото. - Бэйцзин : Синьхуа шуцзюй, 1985. - 40 т.
56. 王溥。唐会要/王溥。 - 北京: 中华书局, 1955。 - 3册。 Ван Пу.
Тан хуэйяо / Ван Пу. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1955. - 3 т.

57. 王溥。五代会要/王溥。 - 上海:上海古籍出版社, 1978。 - 3册。
Ван Пу. Удай хуэйяо / Ван Пу. - Шанхай : Шанхай гуцзи чубаньшэ, 1978. - 3 т.
58. 王钦若、杨亿等。册府元龟/钦若、杨亿等。 - 南京: 凤凰出版社, 2006。 - 12册。 Ван Циньжо, Ян И и др. Цэфу юаньгуй / Ван Циньжо, Ян И и др. - Наньцзин : Фэнхуан чубаньшэ, 2006. - 12 т.
59. 徐松。宋会要辑稿/徐松。 - 北京: 中华书局, 1957。 - 8册。
Сюй Сун. Сун хуэйяо цзигао / Сюй Сун. - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1957. - 8 т.
60. 玄奘。大唐西域记/玄奘。 - 桂林: 广西师范大学出版社, 2007。 - 198页。 Сюаньцзан. Да Тан Сиюй цзи / Сюаньцзан. - Гуйлинь : Гуанси Шифань дасюэ чубаньшэ, 2007. - 198 с.
61. 薛居正。旧五代史/薛居正。 - 北京:中华书局, 1976。 - 6册。
Се Цзюйчжэн. Цзю Удай ши / Се Цзюйчжэн . - Бэйцзин : Чжунхуа Шуцзюй, 1976. - 6 т.
62. 叶隆礼。契丹国志/叶隆礼。 - 上海: 上海古籍, 1985。 - 170页。
Е Лунли. Циданьгочжи / Е Лунли . - Шанхай : Шанхай гуцзи, 1985. - 170 с.

Литература

63. Бартольд В. В. Арслан-хан, Мухаммед б. Сулейман // Сочинения / В. В. Бартольд. - Т. II. - Ч. 2. - М. : Наука, 1964. - С. 494.
64. Бартольд В. В. Баласагун // Сочинения / В. В. Бартольд. - Т. III. - М. : Наука, 1965. - С. 355-357.

65. Бартольд В. В. Бишбалык // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. III. – М. : Наука, 1965. – С. 374–377.
66. Бартольд В. В. Богра-хан, упомянутый в Кутадгу билик // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 419–425.
67. Бартольд В. В. Богра-хан // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 2. – М. : Наука, 1964. – С. 506–509.
68. Бартольд В. В. Бурхан // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 2. – М. : Наука, 1964. – С. 515–519.
69. Бартольд В. В. Введение к изданию Худуд ал-алама // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. VIII. – М., 1973. – С. 504–545.
70. Бартольд В. В. Гардизи // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. VIII. – М. : Наука, 1973. – С. 586–587.
71. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 17–192.
72. Бартольд В. В. Древнетюркские надписи и арабские источники // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 284–311.
73. Бартольд В. В. Илек-ханы // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 2. – М. : Наука, 1964. – С. 519–520.
74. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. IX. – М. : Наука, 1977. – С. 199–482.
75. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 193–229.

76. Бартольд В. В. История Туркестана // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 1. – М. : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 109–268.
77. Бартольд В. В. К вопросу об уйгурской литературе и ее влиянии на монголов // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 365–368.
78. Бартольд В. В. Карлуки // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 547–348.
79. Бартольд В. В. Кашгар // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. III. – М. : Наука, 1965. – С. 456–457.
80. Бартольд В. В. Киргизы. Исторический очерк // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 1. М. : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 473–546.
81. Бартольд В. В. Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 266–279.
82. Бартольд В. В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 2. – М. : Наука, 1964. – С. 265–302.
83. Бартольд В. В. Отчёт о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. IV. – М. : Наука, 1971. – С. 21–94.
84. Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 1. – М. : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 21–106.
85. Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 1. – М. : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 545–623.

86. Бартольд В. В. Персидское «Арк» – «крепость», «цитадель» // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. IV. – М. : Наука, 1971. – С. 413–416.
87. Бартольд В. В. Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом и этнографическом отношении 1903–1909 гг. // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. IX. – М. : Наука, 1963. – С. 503–509.
88. Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. II. – Ч. 1. – М. : Изд-во восточной литературы, 1963. – С. 449–472.
89. Бартольд В. В. Теократическая идея и светская власть. Халиф и Султан // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. VI. – М. : Наука, 1966. – С. 15–80.
90. Бартольд В. В. Тугузгузы // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 568–569.
91. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. I. – Москва : Изд-во восточной литературы, 1963. – 759 с.
92. Бартольд В. В. Турфан // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. III. – М. : Наука, 1965 – С. 521–523.
93. Бартольд В. В. Тюрки (историко-этнографический обзор) // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. V. – М. : Наука, 1968. – С. 576–595.
94. Бартольд В. В. Хотан // Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. III. – М. : Наука, 1965 – С. 553–554.
95. Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов / А. Н. Бернштам. – Л. : ЛГУ, 1951. – 256 с.

96. Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана / А. Н. Бернштам // Вестник древней истории. – 1947. – № 2. – С. 52–71.
97. Бертельс Е. Э. История персидско-таджикской литературы // Избранные труды / Е. Э. Бертельс. – Т. I. – М. : Изд-во восточной литературы, 1960. – 557 с.
98. Бертельс Е. Э. Изречение Ибрахима ибн Адхама в поэме «Кутадгу-билик» // Избранные труды / Е. Э. Бертельс. – Т. III. – М. : Наука, 1965. – С. 181–187.
99. Бичурии Н. Я. История Тибета и Хухунора с 2282 года по Р. Х. до 1227 года по Р. Х. / Н. Я. Бичурин. – Ч. 1. – СПб. : Имп. Акад. Наук, 1833. – 822 с.
100. Большаков О. Г. Бухара времени Ибн Сины / О. Г. Большаков // Письменные памятники и проблемы культуры Востока. – Ч. III. – 1981. – С. 6–24.
101. Большой китайско-русский словарь / В. А. Панасюк, В. Ф. Суханова, под ред. Борисова Б.В. – Москва, 1983. – 4 т.
102. Боровкова Л. А. Царства «западного края» во II–I веках до н.э. (Восточный Туркестан и Средняя Азия по сведениям из «Ши цзи» и «Хань шу») / Л. А. Боровкова. – М. : Институт востоковедения РАН, 2001. – 368 с.
103. Воробьева-Десятовская М. И. Буддизм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1992. – С. 427–507.
104. Воробьева-Десятовская М. И. Хотано-саки // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1992. – С. 32–76.

105. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура, искусство, костюм / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1995. – 583 с.
106. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории / Под ред. Б. А. Литвинского.. – М. : Наука, 1988. – 455 с.
107. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Хозяйство, материальная культура / Под ред. Б. А. Литвинского.. – М. : Наука, 1995. – 520 с.
108. Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1992. – 684 с.
109. Гафуров Б. Г. Таджики: древнейшая древняя и средневековая история / Б. Г. Гафуров. – Душанбе : Ирфон, 1989. – Т. 2. – 390 с.
110. Григорьев В. В. Восточный или Китайский Туркестан / В. В. Григорьев. – СПб. : Печатня Головина, 1873. – 527 с.
111. Грум-Гржимайло А. Г. Дела и дни Григория Ефимовича Грум-Гржимайло / А. Г. Грум-Гржимайло. – М. : МОИП, 1947. – 96 с.
112. Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. – Л. : Ученый комитет Монгольской Народной Республики, 1926. – 3 т.
113. Грум-Гржимайло Г. Е. Историческое прошлое Бэй-шаня в связи с историей Средней Азии / Г. Е. Грум-Гржимайло. – СПб. : Киришбаум, 1898. – 127 с.
114. Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в Средние века // Гумилев Л. Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990).

- Старобурятская живопись. Приложения / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2005. – С. 45–53.
115. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М. : Кристалл, 2002. – 560 с.
116. Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства / Л. Н. Гумилев. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. – 480 с.
117. Гумилев Л. Н. Удельно-лествичная система у тюрков в VI–VIII вв. / Л. Н. Гумилев // Советская этнография. – 1959. – № 3. – С. 45–61.
118. Гумилев Л. Н. Этно-ландшафтные регионы Евразии за исторический период // Гумилев Л.Н. Ландшафт и этнос. Статьи и работы (1949–1990). Старобурятская живопись. Приложения / Л. Н. Гумилев. – СПб. : Кристалл, 2005. – С. 338–352.
119. Давидович Е. А. О двух караханидских каганатах / Е. А. Давидович // Народы Азии и Африки. – 1968. – № 1. – С. 67–76.
120. Древнетюркский словарь / Под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. – Ленинград : Наука, 1969. – 677 с.
121. Желобов Д. Е. Индийское культурное влияние на государства Таримской впадины в I тыс. н.э. / Д. Е. Желобов // Индия: История и культура. Сборник трудов научной конференции Екатеринбург, 2 декабря 2009 г. Екатеринбург, 2010. – С. 11–13.
122. Желобов Д. Е. Караханидский каганат и его роль в истории Центральной Азии / Д. Е. Желобов // Материалы международной научной конференции «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия», 21-22 мая 2010 г. Екатеринбург, 2011. – С. 50–56.

123. Желобов Д. Е. Трансформация бухарского духовенства в политическую силу в Центральной Азии / Д. Е. Желобов // Бакинский славянский университет. Уральский федеральный университет. Ученые записки. Серия: общественно-политических наук. Совместный выпуск. Баку–Екатеринбург, 2012. – С. 102–108.
124. Желобов Д. Е. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.) / Д. Е. Желобов // Научный диалог. 2012. – №9. История. Социология. – С. 6–16.
125. Желобов Д. Е. Гаочанские уйгуры и китайский буддизм / Д. Е. Желобов // Материалы VI международной научно-практической конференции «Китай: история и современность», Екатеринбург 20–21 ноября 2012 г. Екатеринбург, 2012. – С. 104–107.
126. Желобов Д. Е. Хотано-караханидская война / Д. Е. Желобов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – № 4. История. – С. 63–73.
127. Желобов Д. Е. Ли Шэнтянь: рецепция китайской политической традиции в средневековом Хотане / Д. Е. Желобов // Китай: история и современность: материалы VII международной научно-практической конференции. Екатеринбург 17–19 октября 2013 г. Екатеринбург : Уральский университет, 2014. – С. 98–103.
128. Желобов Д.Е. Великий шелковый путь в прошлом и будущем Евразии / Д. Е. Желобов // 4-ая международная конференция «Региональные исследования центральноазиатского, западноазиатского регионов и международное обучение китайскому языку, Урумчи, 28–30 августа 2014 г.: материалы конференции. Урумчи, 2014. – С. 155–160.

129. Желобов Д.Е. Распространение торговой теократии в государствах Таримской впадины на примере исламизации Караханидского каганата / Д. Е. Желобов // Научный диалог. 2016. – № 1 (49). – С. 189–199.
130. Желобов Д.Е. Тюрки-буддисты глазами тюрков-мусульман: гаочанские уйгуры в «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгарского / Д. Е. Желобов // Клио. – 2016. – № 2 (110). – С. 92–96.
131. Исиев Д. А. Кадырбаев А. Ш. Культура уйгуров IX–XIII вв // Краткая история уйгуров / АН КазССР. – Алма-Ата : Наука, 1991. – С. 222–245.
132. Исиев Д. А. Образование феодальных государств // Краткая история уйгуров / АН КазССР. – Алма-Ата : Наука, 1991. – С. 130–195.
133. Кадырбаев А. Ш. Очерки истории средневековых уйгуров, джалаилов, найманов и киреитов / А. Ш. Кадырбаев. – Алматы : Рауан, 1993. – 166 с.
134. Казем-Бек Мирза Муххамед Али. Исследования об уйгурах / А. К. Казембек // Журнал Министерства народного просвещения. – 1841. – ч. XXXI. – Отд. II. – С. 37–122.
135. Караев О. История Караханидского каганата / О. Караев. – Фрунзе : Илим, 1983. – 301 с.
136. Кляшторный С. Г. Manichean monasteries in the land of Arghu // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – С. 541–546.
137. Кляшторный С. Г. Исмаил Самани и кочевники // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – С. 502–508.

138. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – 591 с.
139. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии / С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 346 с.
140. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2000. – 307 с.
141. Кляшторный С. Г. Эпоха «Кутадгу билиг» // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – С. 496–501.
142. Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского // Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – СПб. : Наука, 2006. – С. 488–495.
143. Кононов Н.А. Поэма Юсуфа Баласагунского «Благодатное знание» // Юсуф Баласагунский. Благодатное знание / Пер. Н. А. Кононова. – М. : Наука, 1983. – С. 495–517.
144. Кононов А. Н. Махмуд Кашгарский и его «Дивану лугат ит-турк» / Н. А. Кононов // Советская тюркология. – 1972. – № 1. – С. 3–17.
145. Кочнев Б. Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.) / Б. Д. Кочнев. – М. : София, 2006. – 344 с.

146. Кочнев Б. Д. Новые данные по генеалогии и хронологии Караханидов / Б. Д. Кочнев. // III Всесоюзная тюркологическая конференция. Литература и история. ТД. – Таш., 1980.
147. Краткая история уйгуров / АН КазССР. – Алма-Ата : Наука, 1991. – 255 с.
148. Кычанов Е. И. Государство и буддизм в Си Ся // Кычанов Е. И. История тангутского государства / Е. И. Кычанов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 589–602.
149. Кычанов Е. И. Из истории уйгурско-тангутских войн в первой половине IX в. // Кычанов Е. И. История тангутского государства / Е. И. Кычанов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 51–58.
150. Кычанов Е. И. История тангутского государства / Е. И. Кычанов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 774 с.
151. Кычанов Е. И. Наставник императора в иерархии наставников в буддийском вероучении в государстве Си Ся / Е. И. Кычанов // Кычанов Е. И. История тангутского государства. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 603–604.
152. Кычанов Е. И. Правовое положение буддийских общин в тангутском государстве // Кычанов Е. И. История тангутского государства / Е. И. Кычанов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 605–634.
153. Кычанов Е. И. Тангуты и Запад // Кычанов Е. И. История тангутского государства / Е. И. Кычанов. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 373–378.

154. Кычанов Е. И. Турфан и Си Ся (X–XIII вв.) / Е. И. Кычанов // История и культура Востока Азии. Материалы международной научной конференции (г. Новосибирск, 9–11 декабря 2002 г.). – Новосибирск : Институт археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. 1. – С. 86–89.
155. Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Пещерная культовая архитектура Восточного Туркестана // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1986. – С. 81–125.
156. Малявкин А. Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования) / А. Г. Малявкин. – Новосибирск, 1981. – 336 с.
157. Малявкин А. Г. К вопросу о расселении уйгуров после гибели Уйгурского каганата / А. Г. Малявкин // Изв. СО АН СССР. – 1983. – № 1. Сер. обществ, наук, вып. 1. – С. 29–35.
158. Малявкин А. Г. Реальное значение термина «гун» в сообщениях китайских источников, касающихся сношений уйгуров с Китаем в X в. / А. Г. Малявкин // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 53–58.
159. Малявкин А. Г. Уйгурские государства IX–XII вв. / А. Г. Малявкин – Новосибирск : Наука, 1983. – 297 с.
160. Малявкин А. Г. Уйгурское Турфанское княжество в XIII в. / А. Г. Малявкин // Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова АН КазССР. – 1962. – Т. 15. – С. 61–67.

161. Малявкин А. Г. Уйгуры и Китай в 840–848 гг. // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века / Под ред. В. Е. Ларичева. – Новосибирск : Наука, 1975. – С. 65–82.
162. Малявкин А. Г. Уйгуры и тибетцы в Ганьсу во 2-й половине IX в. / А. Г. Малявкин // Центральная Азия и Тибет. – Новосибирск : Наука, 1972. – С. 78–83.
163. Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии // Восточный Туркестан и Центральная Азия: история, культура, связи / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1984. – С. 121–137.
164. Никитин А. Б. Христианство // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии / Под ред. Б. А. Литвинского. – М. : Наука, 1992. – С. 533–549.
165. Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане / С. Ф. Ольденбург // Казанский музейный вестник. – 1921. – № 1–2. – С. 25–30.
166. Пигулевская Н. В. Сирийские и сиро-тюрские фрагменты из Хара-Хото и Турфана / Н. В. Пигулевская // Советское востоковедение. – 1940. – Т. 1. – С. 36–49.
167. Позднеев Д. М. Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам) / Д. М. Позднеев. – СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1899. – 153 с.
168. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатку-Билика / В. В. Радлов. – СПб. : Императорская академия наук, 1893. – 130 с.

169. Стеблева И. В. Концептуальная основа образов в древнетюркской «Книге гаданий (Ырк битиг)» / И. В. Стеблева // Семантика образа в литературах Востока. – М. : Восточная литература, 1998. – С. 70–83.
170. Тихонов Д. И. Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. / Д. И. Тихонов – М.–Л. : Наука, 1966. – 304 с.
171. Федоров М. Н. Политическая история Караханидов во второй половине XI в. / М. Н. Федоров // Нумизматика и эпиграфика. – 1980. – Т. 13. – С. 38–57.
172. Чвырь Л. А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане / Л. А. Чвырь: Ин-т востоковедения. – М. : Вост. Лит., 2006. – 288 с.
173. Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии тука-тимуридов в казахских степях в XVI в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш хаджи. Чингиз-наме / Под ред. Б. А. Ахмедова. – Алма-Ата : ГЫЛЫМ, 1992. – С. 58–75.
174. Abel-Rémusat J. P. Histoire de la ville de Khotan, tirée des annales de la Chine et traduite du chinois suivie de Recherches sur la substance minérale appelée par les Chinois pierre de Iu, et sur le jaspé des anciens / J. P. Abel-Rémusat. – P. : Doublet, 1820. – 239 p.
175. Abu-Lughod J. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350 / J. Abu-Lughod. – N. Y.–Oxford : Oxford University Press, 1991. – 464 p.
176. Bailey H. W. The Culture of the Sakas in Ancient Iranian Khotan / H. W. Bailey. – N.Y. : Caravan Books, 1982. – 114 p.

177. Bailey H. W. *Gaustana: the Kingdom of the Sakas in Khotan // Indo-Scythian Studies: Khotanese Texts / Ed. by H. W. Bailey.* – N.Y. : Cambridge University Press, 1961. – v. 4. – P. 1–19.
178. Bailey H. W. *Indo-Scythian Studies: Being Khotanese Texts / H. W. Bailey.* – N.Y. : Cambridge University Press, 1945, 1961, 1967 – 7 v.
179. Bailey H. W. *Khotanese Buddhist Texts / H. W. Bailey.* – L. : Taylor's Foreign Press, 1951. – 157 p.
180. Bailey H. W. *A Khotanese Text Concerning the Turks in Kantsou / H. W. Bailey // Asia Major.* – 1949. – V. 1. – P. 28–52.
181. Bailey H. W. *Saka Studies: The Ancient Kingdom of Khotan / H. W. Bailey // Iran* – V. 8. – 1970. – P. 65–72.
182. Bailey H. W. *Śrī Viśa Śūra and the Ta-uang / H. W. Bailey // Asia Major.* – 1964. – V. 11. – P. I. – P. 1–26.
183. Bretschneider E. V. *Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources / E. V. Bretschneider.* – L. : Kegan Paul, Trench, Trubner & C, 1888. – 2 v.
184. Clauson G. *An Ethymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / G. Clauson.* – Oxford : Clarendon Press, 1972. – 988 p.
185. Gabain A. *Das uigurische Königreich von Chotscho. 850–1250 / A. Gabain.* – B. : Akademie-Verlag, 1961. – 81 p.
186. Grousset R. *L'Empire des steppes / R. Grousset.* – P. : Éditions Payot, 1965. – 620 p.

187. Guignes J. de. Histoire générale des huns, des turcs, des mogols, et des autres tartares occidentaux / J. de Guignes. – P. : Chez Desaint & Saillant, 1756–1758. – 4 v.
188. Hamilton J. R. Les Ouighours a l'epoque des Cinq dynasties d'apres les documents chinoise / J. R. Hamilton. – P. : Inst. Hautes Etudes, 1988. – 201 p.
189. Hamilton J. R. Les regnes khotanais entre 851 et 1001 // Contributions aux études sur Touen-houang / Ed. Michel Soymié. – Genève-P. : Droz, 1979. – P. 49–54.
190. Horlemann B. The Relations of Eleventh-Century the Tsong kha Tribal Confederation to Its Neighbour States on the Silk Road / B. Horlemann // Contributions to the Cultural History of Early Tibet. – Leiden : Brill, 2007. – P. 79–99.
191. Julien S. Notices sur les pays et les peuples etrangers, tirees des geographies et des annales chinoises. III: Les Ouigours. 1. Kao-tch'ang-hing-ki / S. Julien // Journal Asiatique. – 1847. – v. 4. – P. 50–66.
192. Klemetz D. Turfan und seine Alterthümer / D. Klemetz. – SPb. : Académie Impériale des Science, 1899. – 53 S.
193. Kochnev B. The Origins of the Karakhanids: a Reconsideration / B. Kochnev // Der Islam. Zeitschrift fur Geschichte und Kultur des islamischen Orients. – Bd. 73. – 1996. – S. 352–357.
194. Pelliot P. Notes on Marco Polo / P. Pelliot. – P. : Imprimerie Nationale Librarie Adrien-Maisonneuve, 1959, 1963, 1973. – 3 v.
195. Pelliot P. Cretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient / P. Pelliot. // T'ong Pao. – 1928. – V. 26. – P. 623–644.

196. Pinks E. Die Uiguren von Kan-chou in den frühen Sung-Zeit (960—1028) / E. Pinks. – Wiesbaden : O. Harrassowitz, 1968. – 226 S.
197. Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden / O. Pritsak // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – V. 101, n. f. (1951). – S. 270–300.
198. Pritsak O. Karachanidsche Streitfrage / O. Pritsak // Oriens. – 1950. – V. 3 – n. 2. – S. 209–228.
199. Pritsak O. Die Karachaniden / O. Pritsak // Der Islam. – 1953. – Bd. 31/1. – S. 17–68.
200. Pritsak O. Āl-i Burhān / O. Pritsak // Der Islam. – 1952. – Bd. 30. – S. 81–96.
201. Pritsak O. Qara. Studie zur Turkische Rechtssymbolik / O. Pritsak // Symbolae in honorem Z. V. Togan. – İstanbul : Maarif Basimevi, 1955. – S. 209–263.
202. Pulleyblank E. The Date of Stael-Holstein Roll / E. Pulleyblank // Asia Major. New Series. – 1964. – V. 4. – P. I. – P. 90–97.
203. Pulleyblank E. Some Remarks on the Toquzoghuz Problem / E. Pulleyblank // Ural-Altische Jahrbücher. – 1956. – B. 28. – H. 1–2. – S. 35–42.
204. The Silk Road: Trade, Travel, War and Faith / Ed. Susan Whitfield. – Chicago : Serindia Publications, 2005. – 383 p.
205. Skjærvø P. Iranians, Indians, Chinese and Tibetans: the Rulers and Ruled of Khotan in the First Millenium / P. Skjærvø // The Silk Road. Trade, Travel, War and Faith. Chicago : Serindia Publications, 2005. – P. 34–42.

206. Zhang G., Rong X. Les noms du royaume de Khotan: Les noms d'ère et la lignée royale de la fin des Tang au début des Song / G. Zhang, X. Rong // Contributions aux études de Touen-houang III. – Paris, 1984. – P. 23–46.
207. Zürcher E. The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China / E. Zürcher . – Leiden : Brill, 2007. – 472 p.
208. 畢長樸。回紇與維吾爾/畢長樸。 – 臺北:新文豐, 1986。 – 356 頁。
Би Чжанпу. Хуэйху юй вэйуэр / Би Чжанпу. – Тайбэй : Синьвэньфэн, 1986. – 356 с.
209. 冯家升、程溯洛、穆广文。维吾尔族史料简编/家升、程溯洛、穆广文。 – 北京: 民族出版社, 1981。 – 上、下册。Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. Вэйуэрцзу ши шилияо цзяньбянь / Фэн Цзяшэн, Чэн Суло, Му Гуанвэнь. – Бэйцзин : Миньцзу чубаньшэ, 1981. – 2 т.
210. 耿世民。古代维吾尔文献教程/耿世民。 – 北京: 民族出版社, 2006。 209 页。Гэн Шиминь. Гудай вэй уэр вэньсянь цзяочэн / Гэн Шиминь. – Бэйцзин : Миньцзу чубаньшэ, 2006. – 209 с.
211. 耿世民。哈拉汗朝历史简述/耿世民// 新疆社会科学。 – 23 – 35 页。Гэн Шиминь. Халаханьчао лиши цзяньшу / Гэн Шиминь // Синьцзян шэхуэй кэсюэ. – С. 23–25.
212. 古代汉语字典/《古代汉语字典》编委会。 – 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2005。 – 1125 页。Гудай ханьюй цзыдянь / «Гудай ханьюй цзыдянь» бяньвэйхуэй. – Бэйцзин : Шаньбу иньшугуань гоцзи юсянь гунсы, 2005. – 1125 с.
213. 郭应德。维吾尔史略/郭应德。 – 上海: 东方书社, 1952。 – 138 页。Го Индэ. Вэйуэр шилуэ / Го Индэ. – Шанхай : Дунфан шушэ, 1952. – 138 с.

214. 李符桐。回鶻史/李符桐。 – 臺北：文風出版社，1963。 – 197 頁。
Ли Футун. Хуэйху ши / Ли Футун . – Тайбэй: Вэньфэн чубаньшэ, 1963. – 197 с.
215. 李符桐。回鶻史/李符桐。 – 臺北:文風出版社，1963。 – 197 頁。
Ли Футун. Хуэйху ши / Ли Футун . Тайбэй : Вэньфэн чубаньшэ, 1963. – 197 с.
216. 李符桐。回鶻西迁以来盛衰考/李符桐//东北集刊。 – 1941。 – 第 1 - 2 期。
Ли Футун. Хуэйху сицянй илай шэншуай као / Ли Футун // Дунбэй цзикао. – 1941. – № 1–2.
217. 李吟屏。和田考古记/李吟屏。 – 乌鲁木齐:新疆人民出版社，2006。 – 88 頁。
Ли Линпин. Хэтянь каогу цзи / Ли Линпин. – Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. – 88 с.
218. 劉義棠。突回研究/劉義棠。 – 臺北：經世書局，1990。 – 870 頁。
Лю Итан. Тухуэй яньцзю / Лю Итан. – Тайбэй : Цзинши шуцзюй, 1990. – 870 с.
219. 劉義棠。維吾爾研究/劉義棠。 – 臺北：正中書局，1975。 – 584 頁。
Лю Итан. Вэйуэр яньцзю / Лю Итан. – Тайбэй : Чжэнчжун шуцзюй, 1975. – 584 с.
220. 劉義棠。中國邊疆民族史/劉義棠。 – 臺北：中華書局，1971。 – 793 頁。
Лю Итан. Чжунго бяньцзян миныйцу ши / Лю Итан. – Тайбэй : Чжунхуа шуцзюй, 1971. – 793 с.
221. 劉義棠。中國西域研究/劉義棠。 – 臺北：正中書局，1997。 – 336 頁。
Лю Итан. Чжунго Сиюй яньцзю / Лю Итан. – Тайбэй : Чжэнчжун шуцзюй, 1997. – 336 с.

222. 柳洪亮。新出吐鲁番文书及其研究/柳洪亮。 - 乌鲁木齐：新疆人民出版社，1997。 - 479 页。 Лю Хунлян. Синь чуту тулуфань вэньшу цзици яньцзю / Лю Хунлян. - Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1997. - 479 с.
223. 马大正。新疆史鉴/马大正。 - 乌鲁木齐：新疆人民出版社，2006。 - 435 页。 Ма Дачжэн. Синьцзян шицзянь / Ма Дачжэн. - Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. - 435 с.
224. 孙楷第。沧州集/孙楷第。 - 北京：中华书局，1965。 - 2 册。 Сунь Кайди. Цанчжоу цзи/ Сунь Кайди. - Бэйцзин : Чжунхуа шуцзюй, - 1965. - 2 т.
225. 田卫疆。《卜古可汗传说》史实解析一把打开高唱回鹘史研究之门的钥匙/田卫疆//民族研究。 - 2000。 - 第 3 期。 - 79 - 110 页。 Тянь Вэйцзян. «Бугу кэхань чуаньшо» шиши цзеси иба дакай гаочан хуэйху ши яньцзю чжи мэнь дэ яоши / Тянь Вэйцзян // Миньцзу яньцзю. - 2000. - № 3. - С. 79-110.
226. 田卫疆。高昌回鹘史研究刍议/田卫疆//新疆师范大学学报（哲学社会科学版）。 - 2001。 - 第 22 卷。 - 第 2 期。 - 30 - 36 页。 Тянь Вэйцзян. Гаочан хуэйху ши яньцзю чуи / Тянь Вэйцзян // Синьцзян шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). - 2001. - Т. 22. - № 2. - С. 30-36.
227. 田卫疆。高唱回鹘史稿/田卫疆。 - 乌鲁木齐：新疆人民出版社，2006。 - 232 页。 Тянь Вэйцзян. Гаочан хуэйху шигао / Тянь Вэйцзян. - Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. - 232 с.
228. 王日蔚。葱岭西回鹘考/王日蔚// 禹贡。 - 1935。 - 第 4 卷(第 5 期)。 - 第 8 - 10 页。 Ван Живэй. Цунлин си хуэйху као / Ван Живэй // Юйгун. - 1935. - Т. 4 (№ 5). - С. 8-10.

229. 王日蔚。丁零民族考/王日蔚// 國立北平研究院史學集刊。 - 1936。 - 第2期。 - 8-79页。 Ван Живэй. Динлин миньцзу као / Ван Живэй // Голи Бэйпин яньцзююань шисюэ цзигань. - 1936. - Т. 2. - С. 8-79.
230. 王日蔚。回教回族辨/王日蔚// 禹贡。 - 1936。 - 第5卷(第11期)。 - 第41-48页。 Ван Живэй. Хуэйцзю хуэйцзу бянь / Ван Живэй // Юйгун. - 1936. - Т. 5 (№ 11). - С. 41-48.
231. 王日蔚。契丹与回鹘关系考/王日蔚//禹贡。 - 1935。 - 第4卷(第8期)。 - 第631-639页。 Ван Живэй. Цидань юй хуэйху гуаньси као / Ван Живэй // Юйгун. - 1935. - Т. 4 (№ 8). - С. 631-639.
232. 王日蔚。唐后回鹘考/王日蔚// 國立北平研究院史學集刊。 - 1936。 - 第1期。 - 19-69页。 Ван Живэй. Тан хоу хуэйху као / Ван Живэй // Голи Бэйпин яньцзююань шисюэ цзигань. - 1936. - Т. 1. - С. 19-69.
233. 王日蔚。维吾尔(缠回)民族名称变迁考/王日蔚//禹贡。 - 1937。 - 第7卷(第4期)。 - 第443-461页。 Ван Живэй. Вэйуэр(чаньхуэй) миньцзу минчэн бяньцян као / Ван Живэй // Юйгун. - 1937. - Т. 7 (№ 4). - С. 443-461.
234. 王日蔚。伊斯兰教入新疆考/王日蔚//禹贡。 - 1935。 - 第4卷(第2期)。 - 第1-11页。 Ван Живэй. Исыляньцзю жу Синьцзян као / Ван Живэй // Юйгун. - 1935. - Т. 4 (№ 2). - С. 1-11.
235. 王日蔚。与陈援庵先生论回纥回回等名称禹贡/王日蔚//禹贡。 - 1935。 - 第4卷(第10期)。 - 第631-639页。 Ван Живэй. Юй Чэнь Юаньань сяньшэн лунь хуэйху, хуэйхуэй дэн минчэн / Ван Живэй // Юйгун. - 1935. - Т. 4 (№ 10). - С. 631-639.

236. 王素。高昌史稿/王素。 - 北京：文物出版社，1998。 - 453 页。
Ван Су. Гаочан шигао / Ван Су. - Бэйцзин : Вэньу чубаньшэ, 1998. - 453 с.
237. 魏良弢。《福乐智慧》与喀喇汗王朝的文化整合/魏良弢//西域研究。
- 2000。 - 第 3 期。 - 66 - 72 页。Вэй Лянтао. «Фулэ чжихуэй» юй Халахань
ванчао дэ вэньхуа чжэнхэ / Вэй Лянтао // Сиюй яньцзю. - 2000. - № 3. -
С. 66-72.
238. 魏良弢。关于喀喇汗王朝起源的几个问题/魏良弢//民族研究。 -
2000。 - 第 4 期 - 58 - 64 页。Вэй Лянтао. Гуаньюй Халахань ванчао циюань
дэ цзигэ вэньти / Вэй Лянтао // Миньцзу яньцзю. - 2000. - № 4. - С. 58-64.
239. 魏良弢。喀喇汗王朝史稿/魏良弢。 - 乌鲁木齐：新疆人民出版社
1986。 - 249 页。Вэй Лянтао. Халахань ванчао шигао / Вэй Лянтао. -
Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1986. - 249 с.
240. 文化的绿洲-丝路语言与西域文明/牛汝极等。 - 乌鲁木齐：新疆人民出
版社，2006。 - 341 页。Вэньхуа дэ люйчжоу - сычоу чжи лу юйянь юй
сиюй вэньмин / Ню Жуцзи и др. - Улумуци : Синьцзян жэньминь чубаньшэ,
2006. - 341 с.
241. 新疆少数民族语言文学论集/编辑王堡。 - 乌鲁木齐：新疆大学出版社，
2001。 - 323 页。Синьцзян шаошу миньцзу юйянь вэньсюэ луныцзи /
бяньцзи Ван Бао. - Улумуци : Синьцзян дасюэ чубаньшэ, 2001. - 323 с.
242. 邢友德、周洋池。略论回纥/邢友德、周洋池//河北师院学报。 -
1979。 - 第 4 期。 - 30 - 36 页。Син Юдэ, Чжоу Паньчи. Люэлунь хуэйху /
Син Юдэ, Чжоу Паньчи // Хэбэй шиюань сюэбао. - 1979. - № 4. - С. 30-36.

243. 张广大、荣新江。于阗史丛考/张广大、荣新江。 - 上海:上海书店, 1993。 - 356 页。 Чжан Гуанда, Жун Синьцзян. Юйтянь ши цункао / Чжан Гуанда, Жун Синьцзян. - Шанхай: Шанхай шудянь, 1993. - 356 с.
244. 中国历代治理新疆国策研究/编辑方英楷。 - 乌鲁木齐:新疆人民出版社, 2006。 - 263 页。 Чжунго лидай чжили Синьцзян гоцэ яньцзю / бяньцзи Фан Инкай. - Улумуци: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. - 263 с.
245. 羽田亨。唐代回鹘史の研究//羽田博士史学论文集/羽田亨。 - 歴史編。 - 1957。 - 157 - 324 頁。 Ханэда Тору. Тодай уйгуру си-но кэнкю // Ханэда-хакасэ сигаку ронбунсу. - Рэжиси хэн. - 1957. - С. 157-324.
246. 安部健夫。西ウイグル国史の研究/安部健夫。 - 京都:中村印刷出版部, 1955。 - 573 頁。 Абэ Такэо. Ниси уйгуру кокуси-но кэнкю / Абэ Такэо. - Киото: Накамура инсацу суппанбу, 1955. - 573 с.
247. 森安孝夫。ウイグルの西遷について/森安孝夫//東洋学報。 - 東京, 1977。 - 59 册。 - 1 - 2 号。 - 105 - 130 頁。 Мориясу Такао. Уйгуру но сэйсэн-ни цуитэ / Мориясу Такао // Тоё гакухо. - Токио, 1977. - Т. 59. - № 1 - 2. - С. 105-130.
248. 井ノ口泰淳. ウテン語資料による Viśa 王家の系譜と年代/井ノ口泰淳 / 龍谷大学論集。 - 第 364 号。 - 1960。 - 27 - 43 頁。 Иногути Тайдзюн. Утэнго ширё ни ёру Виша окэ но кэйфу то нэндай / Иногути Тайдзюн // Рюкокудайгаку ронсю. - № 364. - 1960. - С. 27-43.